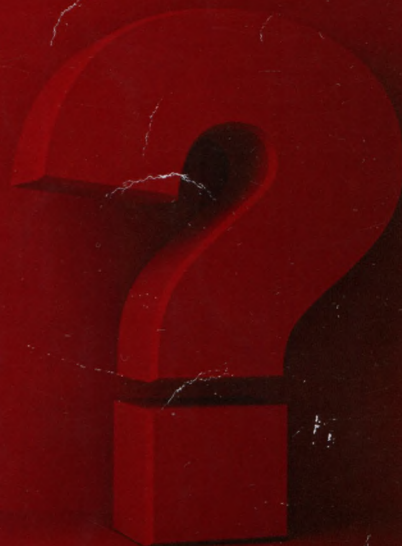

ПРАВОВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 1

2015
Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2015 № 1(1)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:
И.И. Шматков (отв. за раздел
«Право»),
Л.Ф. Трацевская (отв. за раздел
«Экономика»),
Т.Е. Косаревская (отв. за раздел
«Психология»),
В.Н. Бабило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
В.С. Елисеев, Т.В. Казак, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, И.А. Фурманов,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:
С.А. Трахименок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Л.В. Винницкий (Россия),
Т.В. Воронович (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.Н. Моляко (Украина),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Журнал издается с марта 2015 года

Адрес редакции:
Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 21-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Подписано в печать 30.03.2015 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,70. Уч.-изд. л. 10,01.
Тираж 100 экз. Заказ 58.

Свидетельство о государственной
регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения
образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский
проспект, 33.

К читателям журнала	3
Концепция научно-практического журнала «Право. Экономика. Психология»	4
П Р А В О	
Егоров А.В. Сравнительное познание правовой действительности	6
Бочков А.А., Стаценко В.Г. Опыт сравнительного виктимологического мониторинга приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области)	13
Егорова А.Г. Иностранное право в практике национального нормотворчества	25
Козак М.А. Становление идеи представительного правления на территории Беларуси	31
Э К О Н О М И К А	
Трацевская Л.Ф. Придорожный сервис в Беларуси: национальный и региональный аспекты	37
Дубенецкий Н.А., Коломыс Э.В. Кризис ликвидности как генератор экономического кризиса	44
Янчук В.А. Белорусская экономическая модель в классификации национальных экономических моделей по признаку социальной ориентации экономики	49
Леонова Л.А. Исследование туристической привлекательности музеев Витебского региона	56
П С И Х О Л О Г И Я	
Занько С.Н., Богомаз С.Л., Ковалевская Т.Н. Социально-психологическая адаптация детей с задержкой внутриутробного роста и развития плода как условие успешной социализации личности	62
Кухтова Н.В., Рябцева Ю.Ю. Саморегуляция личности учащихся в период получения среднеспециального образования	68
Ермоленко И.А. Особенности использования компьютерных технологий в образовании	74
Антипенко О.Е. Роль метакогнитивных процессов в развитии творческого мышления у студентов-психологов	79
Богомаз С.Л., Пашкович С.Ф. Реализация адаптационного потенциала личности в условиях ограничения физических возможностей	84

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

2015 № 1(1)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State University named after P.M. Masherov”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:

I.I. Shmatkov (Responsible for the Law Section),
L.F. Tratsevskaya (Responsible for the Economics Section),
T.E. Kosarevskaya (Responsible for the Psychology Section),
V.N. Babilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
D.M. Demichev, A.G. Egorova,
V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
N.V. Kukhtova, S.V. Lautkina,
G.V. Losik, A.N. Pastushenia,
I.A. Furmanov, G.A. Yasheva,
V.A. Yanchuk

Editorial Council:

S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
L.V. Vinnitski (Russia),
T.V. Voronovich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.N. Moliako (Ukraine),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Published since March 2015

Edition address:

33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Signed print 30.03.2015. Size 60x84 $\frac{1}{8}$.
Offset paper. Conventional printed
sheet 10,70. Publisher's sheet 10,01.
Circulation 100 copies. Order 58.

Certificate of state registration as a
publisher, manufacturer, distributor of
publications № 1/255, 31.03.2014.

Copier printed at educational establishment
«Vitebsk State P.M. Masherov University».
33, Moskovsky Prospect, 210038, Vitebsk.

To the readers	3
The concept of the journal “Law. Economics. Psychology”	5
L A W	
Yegorov A.V. Comparative Cognition of Legal Reality	6
Bochkov A.A., Statcenko V.G. Experience of Comparative Victimology Monitoring of the Republic of Belarus and the Russian Federation Borderline Areas (Vitebsk and Smolensk Regions)	13
Yegorova A.G. Foreign Law in the Practice of National Norm Building	25
Kozak M.A. Shaping the Idea of Representative Government on the Territory of Belarus	31
E C O N O M I C S	
Tratsevskaya L.F. Roadside Service in Belarus: National and Regional Aspects	37
Dubenetski N.A., Kolomys E.V. Liquidity Crisis as Generator of Economic Crisis	44
Yanchuk V.A. Belarusian Economic Model in the Classification of National Economic Models According to Social Targeting of Economy	49
Leonova L.A. The study of Tourist Attraction of Vitebsk Region Museums	56
P S Y C H O L O G Y	
Zanko S.N., Bogomaz S.L., Kovalevskaya T.N. Social and Psychological Adaptation of Children with IUGR as a Condition of Successful Socialization	62
Kukhtova N.V., Riabtseva J.Y. Selfregulation of students’ personality while receiving secondary special education	68
Yermolenko I.A. Features of Applying Computer Technologies in Education	74
Antipenko O.E. Role of Metacognition in the Development of Creative Thinking of Psychology Students	79
Bogomaz S.L., Pashkovich S.F. Implementation of Adaptation Potential of the Personality in the Conditions of Restriction of Physical Capacities	84

Уважаемые авторы и читатели!

Вы держите в руках первый номер научно-практического журнала «Право. Экономика. Психология». Данное издание планируется выпускать четыре раза в год. Главная цель рассчитанного на специалистов в сфере права, экономики и психологии научного журнала – сделать основные положения и выводы публикуемых в нем исследований доступными для широкой аудитории.

Миссия журнала состоит в:

- осмыслении правовых проблем всех направлений (конституционного права, уголовного права, гражданского права, международного права и др.); теории, истории и практики государства и права; актуальных проблем правовой политики в современном мире;
- осознании существующих теоретических и практических проблем экономики в национальном и региональном аспектах;
- понимании научно-исследовательских достижений и профессионального опыта в области психологической науки и практики.

Задачей же нашего издания является предоставление оперативной и актуальной информации о самых важных достижениях в разных областях правовой, экономической, психологической науки в Беларуси и за рубежом.

Редакция журнала надеется на творческое сотрудничество не только с опытными, но и начинающими учеными. Искренне хочется верить, что наше издание внесет определенный вклад в развитие научной мысли и обретет своего постоянного, а главное заинтересованного подписчика и читателя.

Ректор Витебского государственного
университета имени П.М. Машерова **А.В. Егоров**

Dear authors and readers!

You are holding the first issue of the scientific journal “Law. Economics. Psychology”. This edition is planned to be released four times a year. The main objective of the scientific journal intended for specialists in the fields of law, economics and psychology is to make the major statements and conclusions of the published researches available to a wider audience.

The mission of the journal is:

- comprehension of legal problems of all directions (constitutional law, criminal law, civil law, international law, etc.); theory, history and practice of state and law; actual problems of legal policy in the modern world;
- awareness of current theoretical and practical problems of the economy in the national and regional aspects;
- understanding of research achievements and professional experience in the field of psychological science and practice.

The aim of our publication is to provide timely and relevant information about the most important achievements in different areas of legal, economic, psychological science in Belarus and abroad.

The Editorial Board hopes for future cooperation with both experienced and aspiring scholars. We sincerely believe that our publication will contribute to the development of the scientific thought and will find its permanent and, most importantly, interested subscribers and readers.

Rector of Vitebsk State University
named after P.M. Masherov **A.V. Egorov**

КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ»

Важную роль в углублении проводимых в стране общественно-политических и социальных реформ должны сыграть правовые и экономические периодические издания, призванные мобилизовать усилия научных коллективов, специалистов на решение актуальных проблем совершенствования государственно-правовой и экономической систем, содействовать эффективному использованию результатов научных разработок в законодательной и правоприменительной практике, а также повышению правовой и экономической грамотности населения.

Настоящая Концепция определяет целевые задачи и приоритетные направления журнала. Интерес к нему должны определить такие факторы, как высокий теоретический уровень исследования в области правоведения, экономики и психологии, а также проекция на прикладные аспекты в преподавании дисциплин данного направления.

Основными задачами журнала являются:

- стимулирование научных исследований в области права, экономики, психологии;
- освещение проблем углубления реформ правовой системы, совершенствования законодательской деятельности законодательства в различных областях государственного и общественного строительства с учетом приоритетных направлений демократического обновления общества;
- организация обсуждения проблем экономического развития общества, обеспечения защиты интересов граждан;
- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам правового обеспечения процесса углубления общественно-политических и социально-экономических реформ, освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законодательской деятельности, актуальных проблем развития международного права и международной экономики в условиях глобализации.

Рубрики журнала – «Право», «Экономика» и «Психология».

Главными целями раздела «ПРАВО» являются:

- широкое освещение правовых проблем демократизации общества, реформирования и модернизации страны;
- повышение правовой культуры граждан;
- закрепление демократических ценностей в сознании людей;
- подготовка и публикация качественных, высокопрофессиональных научных исследовательских и аналитических материалов, посвященных актуальным правовым проблемам государственного и общественного строительства, формированию судебно-правовой системы.

Раздел предназначен для судей и работников прокуратуры и юстиции, ученых, специалистов, преподавателей, студентов высших и средних специальных юридических учебных заведений, а также для широкого круга лиц, интересующихся вопросами юриспруденции. Также важной задачей раздела является широкое освещение мирового опыта формирования демократического правового государства, открытого гражданского общества.

Материалы раздела «ЭКОНОМИКА» призваны освещать современные теоретические и практические проблемы экономики в национальном и региональном аспектах. В соответствии с этим в ней предполагается размещать научные статьи по следующим направлениям:

- экономическая теория;
- анализ процессов экономического развития Республики Беларусь;

- экономика регионов Беларуси;
- денежно-кредитная, инвестиционная и структурная политика;
- социальная сфера;
- экономика организации;
- проблемы собственности, корпоративного управления, малого бизнеса;
- финансовая грамотность населения, налоговая культура, личные финансы;
- мировая экономика;
- экономическая история.

Отдавая предпочтение научным публикациям по данным направлениям, рубрика позиционирует себя как форум для обмена мнениями и результатами как теоретических, так и прикладных исследований по широкому кругу вопросов, связанных с экономической деятельностью на ее различных уровнях (микро-, макро- и мировом уровне).

Безусловно, рубрика будет интересна тем, кто хочет быть в курсе самых современных знаний и опыта в экономической сфере.

Раздел «ПСИХОЛОГИЯ» ставит перед собой современные и востребованные в профессиональном сообществе цели:

- аккумуляция и распространение научно-исследовательских достижений и профессионального опыта в области психологической науки и практики;
- формирование информационной среды, отражающей динамичную картину жизни профессионального психологического сообщества;
- участие в создании единого пространства развития психологической мысли и практики в Беларуси и за рубежом, содействие интеграции отечественной психологической науки в мировое информационное научное пространство.

Современная психология включает в себя разные области и ориентирована на разные сферы применения. Представляется важным в содержании раздела «Психология» сохранить баланс между методологией, теорией, эмпирическими работами и прикладными исследованиями, характерными для текущего состояния психологической науки. Не менее важной является и возможность проанализировать существующие тенденции, наметить пути дальнейшего развития психологии. Поэтому в содержание раздела «Психология» будут включены аналитические обзоры по разным отраслям психологии.

Изложение публикуемого авторского материала необходимо сосредоточить на изучении роли научной психологии в развитии личности, общих вопросах образовательной деятельности, проблемах обучения и воспитания человека, социальном и институциональном контекстах психологии.

Практическая значимость раздела «Психология» состоит в необходимости обеспечить психологов, педагогов, воспитателей, работников в области образования полноценной профессиональной информацией методического, теоретического и организационного характера в области общей психологии, психологии личности, истории психологии, социальной психологии, психологии развития, педагогической психологии и других актуальных областях психологии.

Раздел открыт для всех исследователей, которых волнует задача методического и научного обеспечения подготовки и переподготовки психологов, представляет собой площадку для преподавателей вузов, которые интересуются проблемой представления психологических знаний

для студентов. Последнее десятилетие характеризуется тем, что большинство психологов-исследователей ведет преподавательскую работу. Важность проблематики диктуется как большим количеством вузов, выпускающих психологов, так и повышением качества преподавания.

В целом задача журнала – дать оперативную и взвешенную информацию об актуальных достижениях в разных

областях права, экономики и психологии в Республике Беларусь и за рубежом. Также в журнале будут размещаться рецензии на новые учебные пособия, монографии, сборники. Это должно помочь молодым ученым активнее включаться в исследовательскую деятельность, критичнее относиться к результатам собственного труда, избегать поверхностности и фрагментарности в исследовании.

THE CONCEPT OF THE JOURNAL “LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY”

The periodicals on law and economics are of great importance, they are likely to support the social and political reforms carried out in the country. The publications are to enlist the efforts of scientific personnel and specialists for solving legal and economic problems, to contribute to the effective use of the scientific inventions in the sphere of legislative practice and to ensure legal and economic awareness of people.

This concept specifies the aims and priority directions of the journal. High theoretical level of research in the spheres of jurisprudence, economics, and psychology and projection upon the applied aspects in teaching these disciplines must attract the interest to it.

The main aims of the journal are:

- to stimulate scientific research within law, economics, and psychology;
- to cover the problems of legal reforms and legislation pointing out the priority directions in the democratization of society;
- to encourage the discussion of the economic development of society and the protection of people's interests;
- to publish the material on the urgent issues of the legal security of the reform application, foreign experience in legislature, international law and economy in the context of globalization.

The items of the journal are “Law”, “Economics”, and “Psychology”.

The main aims of the section “**LAW**” are:

- to cover the problems of democratization, reforms and modernization in the country;
- to enhance the political awareness of people;
- to work out and publish high-quality research and analytical data.

The section caters for judges, public prosecutors, scientists, professors, university and college students studying law and also for the general public having interest in jurisdiction. The task of the section is to consider the world experience in building a democratic constitutional state and an open civil society.

The material of the section “**ECONOMICS**” is going to cover contemporary theoretical and practical economic problems within state and regional aspects. According to this, one is supposed to read the scientific articles on the following issues:

- economic theory;
- the analysis of the economic development of the Republic of Belarus;
- the economics of the regions of Belarus;
- monetary, investment, and structural policy;
- the social sphere;
- the economics of organization;
- property, corporate management, and small business problems;
- financial awareness of people, tax culture, personal finances;
- world economy;

- economic history.

The item takes up the position of the forum to share the opinions and the results of both theoretical and applied research on a wide scale of issues connected to economic activity at its different levels (micro-, macro-, and world level).

Undoubtedly, the item is going to be helpful to those who want to keep up with up-to-date economic information.

The section “**PSYCHOLOGY**” aims at contemporary and professionally relevant issues:

- to accumulate and spread the information about psychological research achievements and professional experience;
- to create the environment covering the information about the dynamic situation of the professional psychological union;
- to take part in making an integrated field for the development of psychology in Belarus and abroad.

The contemporary psychological science includes various fields and is oriented to various spheres of application. It's essential to keep the balance between methodology, theory, empirical work, and applies investigation that are characteristic features of a contemporary state of psychology. It is important to analyze the existing tendencies and to pave the way for further development of psychology. In this respect analytical surveys of different branches of science are provided here.

The presentation of the author's material must be focused on the role of scientific psychology in personality development, general matters of education and upbringing, and social and institutional context of psychology.

The practical significance of the section “Psychology” consists in providing psychologists, teachers, and educators with the sufficient professional information in general psychology, personality psychology, history of psychology, social psychology, developmental psychology, educational psychology, and other topical fields of psychology.

The section is for all the researchers involved in methodological and scientific training and retraining of psychologists, for university professors who care about imparting psychological knowledge to students. The last decade the majority of research psychologists have turned to teaching. The significance of the issue can be explained by a great number of universities graduating psychologists and by improvement of the quality of teaching.

On the whole, the aim of the journal is to give efficient and weighted information about the urgent feats in various spheres of law, economics and psychology in the Republic of Belarus and abroad.

In addition, reviews on new manuals, monographs and collected articles will be published there, which is sure to help young scientists to get indulged in research work, to be critical of their results and findings, and to avoid superficiality and fragmentariness.

Сравнительное познание правовой действительности

А.В. Егоров

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Одним из основных методов познания правовой действительности является метод сравнения, который определил существование самостоятельного научного направления – правовой компаративистики. Познание окружающей правовой действительности происходит по общим логико-гносеологическим законам, которые не всегда используют юристы в своих исследованиях.

Цель статьи – определить нормативный и компаративный подходы в познании окружающей правовой действительности, сориентировать юриста-исследователя на использование потенциала логики научного познания правовых объектов разных стран.

Материал и методы. Материалом исследования послужила практика сравнения правовых компонентов, принадлежащих разным правовым системам. Основными методами являются сравнение правовых элементов, а также метод типологической характеристики национальных правовых систем современности, на базе которых проводятся все сравнительно-правовые исследования макро- и микроуровневого характера.

Результаты и их обсуждение. Сравнительное познание правовой действительности предполагает участие субъекта познания, который оценивает правовые объекты, наделяя их компаративными свойствами, и объекта познания, который является нормативным по своей объективной сути. Научно обоснованное соотношение данных начал компаративного познания определяет качество вывода из правового познания, которое лежит в основе реформирования национальной правовой системы за счет использования иностранного правового опыта.

Заключение:

1. Сравнительное правоведение использует традиционную систему методов, особенность соотношения которых состоит в ведущем положении сравнительного метода, что делает исследования компаративно специализированными, направленными на сравнение, а не на описательное изучение правовых элементов. Общая природа сравнения как приема познания правовой материи остается неизменной относительно компаративного правового элемента. Изменяются подходы субъекта познания, который оперирует методами исследования и преобразования правовой материи путем мыслительной деятельности.

2. Сравнение – познавательная операция, в основе которой лежат суждения о сходствах и различиях правовых объектов. Данные суждения представляют собой основную субстанцию, определяющую роль и применение сравнительного метода в отношении правовой материи. Субъект компаративного познания выявляет количественные и качественные характеристики с помощью сравнения и других способов познания. Но в основе окончания мыслительной деятельности субъекта компаративного познания находятся принципиальные вопросы классификации и оценки правовых объектов разной системной принадлежности.

3. Компаративный прием познания правовой материи формирует оценочные предикаты правовой действительности, определяя суть происходящих в окружающей правовой среде процессов. Каждый из объектов имеет собственное логическое указание на свойство объекта. К числу таких свойств на уровне компаративного элемента относятся нормативность и компаративная определенность правовой действительности.

Ключевые слова: правовое сравнение, компаративный правовой элемент, правовая система, сравнительное правоведение, объекты правового сравнения.

Comparative Cognition of Legal Reality

A. V. Yegorov

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

One of the main methods of cognition of legal reality is the method of comparison, which determined the existence of an independent scientific branch of legal comparativistics. Cognition of the surrounding legal reality takes place according to logical and gnoseological laws, which are not always used by lawyers in their research.

The purpose of the article is to identify the normative and comparative approaches in the cognition of the surrounding legal reality, to target the lawyer researcher at using scientific potential of the logics of research cognition of legal objects of different countries.

Material and methods. The material of the study is the practice of comparison of legal components which belong to different legal systems. The research method is comparison of legal elements as well as method of typological characteristics of contemporary national legal systems, on the basis of which all comparative legal studies of the macro and micro level character are conducted.

Findings and their discussion. Comparative cognition of legal reality presupposes participation of the cognition subject, who evaluates legal objects and gives them comparative qualities, and the cognition object, which is objectively normative. Scientifically grounded correlation of these bases of comparative cognition establishes the quality of the conclusion from legal cognition, which is in the basis of the national legal system reform through using foreign experience.

Conclusion:

1. Comparative law uses traditional system of methods, peculiarity of the correlation of which is in the leading position of the comparative method, which makes studies comparatively specialized, aimed at comparison but not at descriptive study of legal elements. General nature of comparison as a tool of cognition of legal matter remains unchanged regarding the comparative legal element. Approaches by the cognition subject, which operates methods of study and transformation of legal matter by thinking activity, change.

2. Comparison is a cognitive operation, in the basis of which are suppositions on the similarities and differences of legal objects. These suppositions are main substance, which determines the role and application of the comparative method regarding legal matter. The subject of comparative cognition identifies qualitative and quantitative characteristics by comparison and other ways of cognition. However, in the basis of the finish of thinking activity of the comparative cognition subject are principle issues of classification and evaluation of legal objects of different system belonging.

3. The comparative tool of the cognition of legal matter formulates evaluation predicates of legal reality and determines the essence of processes ongoing in the legal environment. Each object has its own logical indication of the object feature. Among these features on the level of comparative element are normativity and comparative distinction of legal reality.

Key words: legal comparison, comparative legal element, legal system, comparative law, legal comparison objects.

Правовая действительность представляет собой фрагмент объективной реальности нормативно-оценочного характера, который субъект познания не может игнорировать. И этот фрагмент выступает в качестве объекта всей разновидности юридических наук. Не является исключением и наука сравнительного правоведения, объект которой лежит в плоскости компаративного исследования данной правовой реальности.

Сравнение, как отмечает Н.И. Кондаков, представляет собой один из основных «логических приемов познания внешнего мира». Познание любого объекта или явления начинается там, где мы реализуем потенциал сравнительного метода [1, с. 496]. Сравнение является неизменным элементом всех форм познания, и в недрах каждой сравнительной дисциплины компаративный метод выполняет как общие, так и свои специфические функции. Не является исключением и правовая действительность, дифференцируемая по сферам субъектного восприятия правовой материи. В одном случае субъект познания имеет дело с сугубо отраслевой направленностью применения сравнительного метода, в другом – воспринимает и оценивает абстрактную природу разнотемных правовых основ как синхронного, так и дисинхронного порядка. И если речь идет о компаративистском сравнении, проводимом на уровне общего объекта, то в этом случае необходим особый подход к использованию сравнительного метода.

Некоторые компаративисты высказывают предложения о разработке специальной теории сравнения в правовой компаративистике. Так, А.Х. Саидов выделяет самостоятельный раздел – «Теория сравнительно-правового метода». Исследователь предлагает определять границы, в пределах которых может использоваться сравнительный метод в системной связи с другими, то есть устанавливает иерархичность методов компаративистики. Далее ученый проводит разграничение между изучением сравнительного метода и способов его применения, указывая на то, что разработка теории сравнительно-правового метода – это определение его потенциальных возможностей, а сравнение – реализация этих возможно-

стей. В обоих случаях внимание исследователя акцентируется на месте и роли сравнительного метода в системе других методов научного познания, используемых в правовой сфере [2, с. 43–45].

На разграничении метода сравнения с другими приемами научного познания правовых объектов настаивает и Ю.А. Тихомиров. По его мнению, сравнительное правоведение «обладает своей методологией». В понимании ученого предмет своих исследований сравнительное правоведение видит в специализированном, то есть сравнительно-правовом познании общего и особенного, сложившихся в условиях разных правовых массивов и систем. И с этих позиций, полагает автор, необходимо «вести речь о методологии, в рамках которой используются различные методы сравнительного анализа и оценки» [3, с. 30–31].

М.Н. Марченко рассматривает сравнительный метод как неотъемлемый компонент и «атрибут» сравнительного правоведения. Метод сравнения не может выступать в качестве обезличенной субстанции и применительно к познанию правовой материи, он выполняет «не последнюю роль» в системе аналогичных общих приемов правового познания. Но в полной мере качества применения сравнительного метода реализуются на уровне получения новых научных знаний, выводов, обобщений, включая разработку самого понятия права. Данный потенциал компаративного приема познания, по мнению автора, может реализоваться «лишь на уровне сравнительного познания различных правовых семей и национальных правовых систем», то есть на уровне общего объекта компаративного познания правовой действительности [4, с. 428–429].

В.А. Туманов предлагает несколько расширенную формулу восприятия методологии сравнительного правоведения, утверждая, что следует говорить не столько о методе сравнения, сколько о методах сравнительного правоведения. В этом русле автором формулируется более широкий подход к пониманию методологии сравнительного правоведения, «не сводимой только лишь к теории сравнительного метода». Сравнительный метод оказался лишь частью сравнительно-правовой методологии, а само сравнительное правоведение как особое направление научных

исследований использует не один только сравнительный метод, а целый «методологический инструментарий» [5, с. 541]. Такой же позиции придерживаются М. Ансель [6, с. 2] и У. Дробник [7, с. 177].

Цель статьи – определить нормативный и компаративный подходы в познании окружающей правовой действительности, сориентировать юриста-исследователя на использование потенциала логики научного познания правовых объектов разных стран.

Материал и методы. Материалом исследования послужила практика сравнения правовых компонентов, принадлежащих разным правовым системам. Основными методами являются сравнение правовых элементов, а также метод типологической характеристики национальных правовых систем современности, на базе которых проводятся все сравнительно-правовые исследования макро- и микроуровневого характера.

Результаты и их обсуждение. Сравнительное правоведение обладает богатым арсеналом методов, особенность соотношения которых состоит в том, что на первый план выступает метод сравнительного анализа, определяющий саму природу исследований. Специфика положения данного метода состоит в том, что он, находясь среди общих приемов анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии и других, одновременно занимает в данной группе методов доминирующее положение. Степень использования того или иного приема определяется характером исследуемого правового объекта. Например, при сравнительном изучении национальных правовых систем, прежде всего, будет использоваться прием системно-структурного анализа. При сравнении норм права наиболее востребованным станет метод аналогии. Но в любом случае неизменным остается ведущее положение сравнительного метода, что делает сами исследования сугубо специализированными, направленными именно на сравнение, а не на простое изучение правовых элементов. Общая природа сравнения как приема познания правовой материи остается неизменной относительно самого компаративного элемента. Изменяются подходы субъекта познания, который оперирует методами исследования и преобразования правовой материи путем мыслительной деятельности. Априори сравнение представляет собой познавательную операцию, в основе которой лежат суждения о сходствах и различиях правовых объектов. Эти суждения и представляют собой основную субстанцию, определяющую роль и применение сравнительного метода в отношении правовой материи. Субъект компаратив-

ного познания не различает специфику правовых объектов по характеру их абстрактности, но он видит правовую природу материи, которая должна быть подвергнута мыслительным операциям сравнительного плана. Субъект компаративного познания в любом варианте – макро- или микро-сравнений – будет выявлять количественные и качественные характеристики с помощью других способов познания. Но в основе окончания мыслительной деятельности будут находиться принципиальные вопросы классификации и оценки правовых объектов разносистемной принадлежности.

Сравнительная классификация происходит лишь на уровне общих объектов сравнительного правоведения. На уровне специальных правовых образований она лишена научного смысла. Например, не имеет сравнительно-правового значения классификация норм финансового или трудового права, так как она проводится внутри одной правовой системы. Разносистемной классификации правовых норм на уровне специальных объектов просто не бывает, она всегда компаративна по своей природе и имеет принципиальное значение для оценки нормы как общего объекта сравнительного правоведения. Лишь в результате такой исследовательской работы принципиальная модель нормы используется отраслевыми юридическими науками, а не наоборот. То же касается и макрообъектов в виде правовых систем. Описательное правоведение не является сравнительным, а изучение иностранного права и соответствующих правовых систем – лишь подготовительная ступень к сравнительному правоведению. Специальный объект – правовая система – не классифицируется, поскольку не имеет другого объекта тождества или различия, способного провести распределение изученных макрообъектов по групповым рядам или уровням. Только уровень общих объектов сравнительного правоведения способен воспринять абстрактную природу правовой материи и соответствующие требования по ее классификации. Опыт изучения и описания правовых систем и других объектов специального уровня готовит почву и материал для обобщения принципиального компаративного качества, что, в свою очередь, приводит к выстраиванию структуры компаративного правового объекта. Также не участвуют в процессе компаративной классификации и другие специальные объекты – правовые доктрины, которых множество, и юридическая практика, сложившаяся в каждой правовой системе. Абстрактный уровень этих образований помогает сформировать цельное представление об элементе правовой действительности в виде правовой доктрины и юридической практики как

данностях объективной реальности, имеющих устойчивые признаки развития.

Оценка разносистемных правовых компонентов тесно связана с классификацией и является своего рода мыслительным итогом сравнительно-правовой работы с компаративным правовым объектом. Особенности целесообразности присутствия и функционирования правового компонента в условиях определенной правовой среды являются исключительной прерогативой субъекта познания, работающего с общими абстрактными образованиями сравнительно-правового характера. Невозможно дать оценку системному функционированию нормы в условиях национальной правовой среды вне сравнения этой нормы с ей подобными нормативными правилами (нормативное сравнение) и условий функционирования нормативных правил (функциональное сравнение) в разных национально-правовых условиях. Хотя принципиальная оценка норме может быть дана в процессе правоприменительной практики, не имеющей отношения к компаративным исследованиям в собственном смысле этого слова. Безоценочное суждение отсутствует в принципе. Вопрос состоит в том, является ли та или иная оценка компаративной по своей субъективной природе, то есть, работает ли субъект познания с компаративным материалом или он нацелен на описательное исследование нормативно-правовых звеньев. Оценка компаративного правового элемента происходит уже в процессе работы с правовым материалом, но заканчивается она выстраиванием целой системы правовых объектов, имеющих самостоятельное компаративное значение.

Компаративный прием познания правовой материи формирует оценочные предикаты правовой действительности, определяя тем самым суть происходящих в окружающей правовой среде процессов. Свойства компаративного правового объекта передаются каждому из объектов общего уровня правовой сферы. В качестве таковых рассматриваются все правовые образования, сформулированные опытным путем субъектом компаративного познания. Каждый из объектов имеет собственное своего рода «логическое сказуемое», указывающее на свойство объекта. К числу таких свойств на уровне самого компаративного элемента мы отнесли нормативность и компаративную определенность правовой действительности. Что касается внутренних составляющих компаративного элемента объектов, то об их свойствах мы говорим как о данностях общего абстрактного уровня. Речь идет об определении правовой системы как компаративной данности нормативного характера, нормы права как регу-

лятивного правила, составляющего основу сравнительного познания национального права, юридической практики как свойства нормативной системы, выражающей результивные признаки функционирующих правотворческих и правоприменительных систем в их компаративном измерении и т.д.

В предикатах компаративной правовой действительности выражается общее отношение всей совокупности специальных объектов, формирующих концептуальные картины определения своих соответствующих общих объектов – правовой системы как таковой, правовой доктрины и юридической практики, нормы права, отрасли права и правового института. Внутри общего объекта в результате и в основе сравнения все специальные объекты являются родственными друг другу, несмотря на разную системную принадлежность. В противном случае, эти объекты не могли бы формировать правовую действительность. В ходе формирования логических предикатов мы устанавливаем идентичность правовой действительности, которая бы вне участия субъекта компаративного познания полностью стагнировалась и прекратила свое существование. Только мыслительная деятельность субъекта познания вызывает нарушения тождества применением сравнения, которое формирует этот «вечный круг» мыслительной деятельности компаративного характера – от тождества к различию, от идентификации к различению. Так, правовые системы представляют собой общие объединения в виде групп и сообществ правовых систем. Нормы права образуют макросистему нормативного регулятивного свойства. Правовые доктрины вообще способны формировать идеи, лишенные юридических и политических границ. Лишь сравнение, формирующее и разрушающее логико-гносеологические предикаты правовой действительности, обеспечивает мультиполярность правовых звеньев объективной действительности. И в результате появляется количество норм и правовых систем, доктрин и отраслей права, способных по своему внутреннему содержанию различаться в формах содержимого от одной правовой системы к другой. С течением времени и изменением пространственных границ существования того или иного правового объекта идентификация этих объектов набирает потенциальную силу и превращается в единое пространство, лишенное разницы в цепи своих структурных компонентов. В таком виде правовая действительность может существовать определенное время и в отсутствие сравнения, в необходимости которого якобы нет надобности, принесет сообществу индивидов

определенную пользу в виде «мирового права», «трансграничного права» или любой другой унифицированной удобной нормативной системы. Но при отсутствии альтернативных методов развития правовой материи такая идеальная модель становится конечной точкой идеального предиката, лишенного развития. В данной ситуации перестает существовать надобность в определении нормы как правила поведения, правовой системы, принадлежащей определенной цепи социальной сферы, правовой доктрины, как положительной концепции, предлагающей пути дальнейшего развития правового организма и т.д.

Современное интеграционное правовое поле практически сложилось под воздействием ослабления роли сравнения на макроуровне. Практические пути и способы совершенствования внутреннего законодательства ограничиваются исследованиями описательного характера микроуровневых объектов, то ли на уровне правовых систем, то ли в недрах еще более мелких нормативных образований. Как справедливо замечает В.М. Сырых, что, отвечая на простой с виду вопрос «Что такое сравнительное правоведение?», компаративисты не могут определить его предметно-ориентированных свойств и «тянут свой воз с завидным упорством на протяжении всего века» [8, с. 354]. Логика компаративной стагнации объясняется удобством унификационной модели юридического бытия социального сообщества, когда «устраняются барьеры, препятствующие взаимному товарообороту, свободному передвижению граждан, услуг, капиталов», а социальная сущность интеграции выражается в создании модели, способствующей удовлетворению потребностей граждан разных регионов и государств «посредством решения крупных социальных задач» [9, с. 10–11]. Вот как описывает перспективы цивилизаций Г.И. Мачавариани: «В реальной жизни, на мой взгляд, происходит «конвергенция цивилизаций»... Это можно не признавать, пытаться противодействовать этой тенденции, но главный тренд мирового развития именно таков. Конечно, на этой траектории мы видим множество препятствий, конфликтов, попыток поиска «третьего пути», своего, особого направления развития. Но в конечном итоге главная тенденция, указанная выше, подтвердится» [10, с. 108]. В роли такого средства по поиску «третьего пути» выступает компаративная деятельность субъекта познания, что не дает произойти стагнации в развитии правовой материи. Поиск различающихся материй продолжает аристотелевские традиции по определению сравниваемых объектов, которые немислимы без субъекта познания. В этом значении

предикат понимался исключительно как «один из двух терминов суждения», в котором «говорится о предмете суждения – субъекте», в нашем случае – субъекте компаративного познания правовой действительности [11, с. 505].

Признание сравнительного метода в качестве основного приема познания правовой материи компаративного характера стало возможным в результате определения сравнительного правоведения как самостоятельного направления научных исследований. «В новых знаниях, получаемых посредством сравнительно-правового исследования, – отмечает Ж. Сталев, – состоит его смысл – основание его использования правовой наукой» [12, с. 42]. В каждом конкретном исследовании определенный метод используется преимущественно по отношению к другим методам познания. В сфере общей методологии иерархичность и востребованность методов научного познания определенным видом конкретного исследования также обозначаются с позиций оценки последовательности и целесообразности применяемых действий и приемов [13, с. 41; 14, с. 41]. Система методов познания правовой действительности определяется практической составляющей деятельности субъектов правоотношений. Но в их непосредственном восприятии мы видим результат применения того или другого метода, возводимого в ранг теории. Как определяют современные исследователи в области философии науки, теория является результатом предшествующей деятельности, в то время как «метод – исходный путь и предпосылка последующей деятельности» [15, с. 312]. Субъект правоотношения уже имеет дело с применением теоретических постулатов, реализуемых в практической деятельности: теория договора применяется в сфере торгового оборота, правила юридической техники используются субъектами правотворчества, теория государственного суверенитета находится в плоскости акторов международных отношений и т.д. Иная ситуация складывается в сфере компаративного познания, где метод сравнения еще только находится в начале формирования теории определенного объекта посредством установления тождества или различия. Субъект компаративного познания устанавливает приоритеты в использовании методов исследования, ориентируясь не столько на конкретные правовые объекты, которые предполагается изучить, сколько на общекомпаративную правовую природу объективной действительности. Естественно, что, приближаясь к правовой материи компаративной ориентации, субъект познания определит приоритетность использования сравнительного

метода перед всеми другими способами познания правовой действительности. Другие приемы будут задействованы в зависимости от специфики общего объекта – правовой системы, нормы права, юридической практики и т.д. При этом специальные объекты в виде конкретных правовых норм, правовых систем и т.п. не участвуют в непосредственном выборе приоритетов, поскольку их познание начинается лишь после установления общетеоретической природы самого объекта, предполагающего сравнительный анализ – нормы права как правила поведения, свойственного для всех социальных общностей; правовой системы, объективно структурирующей в зависимости от типовой принадлежности единиц познания к определенной семье права и т.д.

Вместе с тем, нельзя рассматривать сравнительный метод исследования в качестве «сверх-метода». Как верно указывал Г.В.Ф. Гегель, «одно лишь сравнение не может дать удовлетворения научной потребности» [16, с. 274]. Основная задача сравнительного правоведения как науки методологического правового характера – определить степень разумного сочетания других приемов познания с методом сравнения и выполнить задачу специализированного анализа правовой материи компаративного характера. В этой связи представляется целесообразным определение общеметодологической природы сравнительного метода в науке сравнительного правоведения. Данная природа опирается на общий философский характер самого познания правовой материи. В какой бы вариации мы не рассматривали применение сравнительного метода в отношении общих или специальных правовых объектов, основа сравнительного анализа заложена в диалектике бытия окружающей правовой действительности. Из вышесказанного мы делаем вывод, что метод сравнения как философская категория является производным от данного всеобщего философского метода материалистической диалектики. Как метод познания, сравнение применительно к правовой материи, ориентированной субъектом познания на компаративное исследование и возможное последующее преобразование, можно рассматривать в значении: определенной операции по преобразованию правовой действительности, способа обоснования компаративной правовой теории, собственно теории сравнительно-правового метода. Такая трихотомия познания сравнительного метода имеет особую специфику относительно правовой материи, наделенной нормативно-регулятивными свойствами.

В качестве операции по преобразованию правовой действительности сравнительный ме-

тод может рассматриваться не только как элементарный инструментальный в научном значении этого слова, но как действенный практический инструмент по преобразованию окружающей правовой действительности. Не стоит переоценивать роль правовой компаративистики в изменении правового макромира. Генезис правового объекта любого уровня происходит в условиях комплексного развития всей социальной сферы. И если в данных условиях места и времени компаративное «открытие» неудобно для общества, то оно не будет востребовано общественной практикой. Выводов из сравнения может быть множество, причем самых прогрессивных. Но они окажутся невостребованными социальной практикой. Необходимо, чтобы интересы социальной среды совпадали с целями практических сравнительных операций, проводимых субъектом познания с правовой материей. К. Цвайгер и Х. Кетц, опираясь на социализированную природу сравнительного правоведения, определяют метод сравнения в качестве такой операции по преобразованию правовых компонентов, которая «обладает более широким спектром типовых решений, чем национальная замкнутая правовая наука». Сравнение, по мнению авторов, «расширяет и обогащает «набор решений» и предоставляет критически настроенному исследователю возможности найти «более оптимальное решение» для данного времени и места» [17, с. 28]. Субъект компаративного познания не просто исследует правовую среду, но и формирует постулаты практического преобразования правовой материи, превращая процесс мышления в реальную преобразовательную силу, объектом приложения которой становятся разносистемные правовые компоненты, обнаружившие свои свойства в тождестве существенных признаков.

Но простой инструментальный анализ еще не определяет свойства и качества сравнения как способа преобразования правовой реальности. Сравнение только тогда становится реальной научной силой, когда оно выполняет роль способа обоснования компаративной правовой теории. Теория компаративного отношения находится в плоскости логико-гносеологических исследований субъекта познания правовой материи. Эта сфера философии науки не является предметом нашего исследования. Как определяет М. Томпсон, методология научного исследования «занимается преимущественно изучением методов и принципов, на основе которых ученые истолковывают факты и выдвигают гипотезы» [18, с. 7]. Наша задача, по выражению К. Поппера, составляет так называемую «вторую задачу» методологии – «как можно обосновать (justify) наши теории и верова-

ния» [15, с. 10–11]. Компаративное отношение правовых объектов основано на структурном компоненте правовой картины – на теории объектов общего уровня сравнительного правоведения. Конкретные нормы, отрасли права различных систем права, как и сами национальные правовые системы, не создают теории восприятия компаративной картины мира. Субъект познания прибегает к помощи научных гипотез, сформировавшихся в недрах обобщенной абстрактной практики функционирования правовых объектов – правовых систем как таковых, данностей нормативного регулирования общественных отношений и т.д. Теории объектов образуют компаративную правовую теорию, которая имеет основание как в сравнительном подходе к исследованию материи, так и в ее правовом характере. Без этих двух составляющих компаративная картина мира не сложится. Поэтому теория правовой компаративистики является, с одной стороны, правовой, а с другой – компаративной. Правовой ее делает сама природа общественных потребностей. Компаративная связь объектов устанавливается посредством мыслительной деятельности субъекта познания. В результате практической реализации данного симбиоза формируется теория сравнительного метода, о которой говорили многие исследователи. Как отмечает А.Х. Саидов, при разработке теории сравнительно-правового метода «определяется его потенциальная возможность соотношения с другими методами, где применение его наиболее эффективно» [9, с. 44]. Взаимосвязь методов не влияет на общую компаративную природу как проводимого исследования, так и самой компаративной картины правовой действительности.

Сравнительный метод определяет природу всего исследования, которое является сравнительно-правовым. Если в результате проводимого анализа выделяются компоненты научного познания другого плана, например, типологизации, индукции или дедукции, и они приобретают самостоятельное значение в работе, то существует опасность отхода от компаративного характера проводимого исследования. Сравнительный метод является основой для оценки полученных результатов компаративного изучения, которые могут выступать в формах методологического и практического итогов проведенной работы. Обе формы одинаково полезны как для самого сравнительного правоведения, так и для других общетеоретических и отраслевых юридических наук. Попытка проигнорировать теоретико-философскую основу сравнительно-правовых исследований приводит к доминированию чисто опи-

сательного подхода нормативно-догматической направленности.

Заключение:

1. Сравнительное правоведение использует традиционную систему методов, особенность соотношения которых состоит в ведущем положении сравнительного метода, что делает исследование компаративно специализированными, направленными на сравнение, а не на описательное изучение правовых элементов. Общая природа сравнения как приема познания правовой материи остается неизменной относительно компаративного правового элемента. Изменяются подходы субъекта познания, который оперирует методами исследования и преобразования правовой материи путем мыслительной деятельности.

2. Сравнение – познавательная операция, в основе которой лежат суждения о сходствах и различиях правовых объектов. Данные суждения представляют собой основную субстанцию, определяющую роль и применение сравнительного метода в отношении правовой материи. Субъект компаративного познания в любом варианте – макро- или микросравнений – выявляет количественные и качественные характеристики с помощью сравнения и других способов познания. Но в основе окончания мыслительной деятельности субъекта компаративного познания находятся принципиальные вопросы классификации и оценки правовых объектов разной системной принадлежности.

3. Компаративный прием познания правовой материи формирует оценочные предикаты правовой действительности, определяя тем самым суть происходящих в окружающей правовой среде процессов. Свойства компаративного правового объекта передаются каждому из объектов общего уровня правовой сферы. В качестве таковых рассматриваются все правовые образования, сформулированные опытным путем субъектом компаративного познания. Каждый из объектов имеет собственное своего рода логическое указание на свойство объекта. К числу таких свойств на уровне компаративного элемента относятся нормативность и компаративная определенность правовой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондаков, Н.И. Логический словарь / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
2. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / А.Х. Саидов; под ред. В.А. Туманова. – М.: Юрист, 2007. – 448 с.
3. Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: Издательство НОРМА, 1996. – 432 с.
4. Философия права: курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. / А.В. Аверин [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Про-

- спект, 2014. – Т. 2. – 512 с.
5. Туманов, В.А. О развитии сравнительного правоведения / В.А. Туманов // Советское государство и право. – 1981. – № 11. – С. 41–49.
 6. Ансель, М. Методологические проблемы сравнительного права / М. Ансель // Очерки сравнительного права. – М.: Прогресс, 1981. – С. 36–86.
 7. Дробник, У. Методы социологического исследования в сравнительном праве / У. Дробник // Очерки сравнительного права. – М.: Прогресс, 1981. – С. 177–186.
 8. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. / В.М. Сырых. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2000. – Т. 1: Элементный состав. – 528 с.
 9. Кашкин, С.Ю. Основы интеграционного права / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков. – М.: Проспект, 2014. – 224 с.
 10. Основные регионы и цивилизационные общности мира в XXI веке: попытка прогноза развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 7. – С. 107–119.
 11. Философский энциклопедический словарь / С.С. Аверинцев [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1989. – 815 с.
 12. Сталев, Ж. Сравнительный метод в социалистической правовой науке / Ж. Сталев // Известия на институт за правни науки. – 1974. – Т. XXIX. – Р. 41–49.
 13. Керимов, Д.А. Философские основания политико-правовых исследований / Д.А. Керимов. – М.: «Мысль», 1986. – 330 с.
 14. Кнапп, В. Логика в правовом сознании / В. Кнапп, А. Герлих. – М.: Прогресс, 1987. – 310 с.
 15. Кохановский, В.П. Основы философии науки / В.П. Кохановский [и др.]. – Изд. 2-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 608 с.
 16. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
 17. Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т.: пер. с нем. / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М.: Междунар. отношения, 1998. – Т. 1: Основы. – 480 с.
 18. Томпсон, М. Философия науки / М. Томпсон. – М.: Фаирпресс, 2003. – 304 с.

УДК 343.97

Опыт сравнительного виктимологического мониторинга приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области)

А.А. Бочков, В.Г. Стаценко

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

В 2013–2014 годах совместными усилиями исследователей юридического факультета Витебского государственного университета и факультета психологии и права Смоленского гуманитарного университета осуществлялся комплексный сравнительный анализ виктимологической ситуации в приграничных районах Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области).

Цель научной работы – комплексное сравнительное исследование виктимологической ситуации в приграничных районах Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области).

Материал и методы. В рамках исследования проводился мониторинг виктимологической ситуации в Витебской области РБ и Смоленской области РФ с использованием таких инструментов получения репрезентативных и валидных сведений о жертвах преступлений, виктимности населения в целом, как так называемый виктимологический опрос граждан, экспертный опрос работников системы уголовной юстиции и формально-правовой анализ уголовных дел по видам преступлений.

Результаты и их обсуждение. Проведение мониторинга виктимологической ситуации и анализ его результатов позволили оценить:

- мнение респондентов об уровне их защищенности от криминального воздействия;
- характер взаимоотношений между потерпевшими и преступниками в предпреступной и преступной ситуации;
- «качество» посткриминального поведения и активность потерпевших в уголовном процессе;
- уровень правовой и социальной защищенности жертв преступлений.

Заключение. Проведенное исследование показало необходимость совершенствования законодательства в части защиты прав и законных интересов потерпевших и разработки системы организационно-правовых и профилактических мер предупреждения развития криминальной виктимности в приграничных районах.

Ключевые слова: приграничные районы, преступность, жертвы преступления, виктимность, виктимологическая ситуация, виктимологический опрос, экспертный опрос, уголовный процесс, правовой статус потерпевших.

Experience of Comparative Victimology Monitoring of the Republic of Belarus and the Russian Federation Borderline Areas (Vitebsk and Smolensk Regions)

A.A. Bochkov, V.G. Statcenko

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masharov"

In 2013–2014 by joint efforts of researchers of the Law Faculty of Vitebsk State University and the Faculty of Psychology and Law of Smolensk Humanitarian University a comprehensive comparative study of the victimological situation in the borderline areas of the Republic of Belarus and the Russian Federation (Vitebsk and Smolensk Regions) was carried out.

The purpose of the research is a complex and comparative study of the victimological situation in the borderline areas of the Republic of Belarus and the Russian Federation (Vitebsk and Smolensk Regions).

Material and methods. The study monitored the victimological situation in Vitebsk Region, Belarus, and Smolensk Region of Russia, using such tools to provide representative and valid data on victims of crime, victimization in the general population, as the so-called victimological citizen survey, expert interviews with criminal justice workers and formal and legal analysis of criminal cases in accordance with type of crime.

Findings and their discussion. Victimological monitoring the situation and analysis of its findings made it possible to evaluate:

- The opinion of the respondents about their level of protection from criminal impact;
- Nature of the relationship between victims and criminals and in precriminal and criminal situation;
- "Quality" of post-criminal behavior and activity of victims in criminal proceedings;
- The level of legal and social protection of crime victims.

Conclusion. The study showed the need to improve legislation regarding the protection of the rights and legitimate interests of victims and the development of organizational and legal system and preventive measures to prevent the development of criminal victimization in the borderline areas.

Key words: borderline areas, crime, victims of crime, victimization, victimization situation, victimological survey, expert interviews, criminal process, legal status of victims.

В 2013–2014 годах совместными усилиями исследователей юридического факультета Витебского государственного университета и факультета психологии и права Смоленского гуманитарного университета реализуется исследовательский проект «Криминальная виктимизация приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области): сравнительный анализ», выполняемый на основе грантов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) и Российского гуманитарного фонда (РГНФ).

В рамках реализации проекта проводился мониторинг виктимологической ситуации в Витебской области Республики Беларусь и Смоленской области Российской Федерации с использованием таких инструментов получения репрезентативных и валидных сведений о жертвах преступлений, виктимности населения в целом, как так называемый виктимологический опрос граждан, экспертный опрос работников системы уголовной юстиции и формально-правовой анализ уголовных дел по видам преступлений.

Проведение мониторинга виктимологической ситуации, включающего в себя виктимологический опрос населения, экспертный опрос, а также выборочный анализ архивных уголовных дел

(на основе специально разработанной формы) позволяют оценить:

- мнение респондентов об уровне их защищенности от криминального воздействия;
- уровень доверия граждан правоохранительной системе;
- роль жертвы в механизме преступления;
- характер взаимоотношений между потерпевшими и преступниками в предпреступной и преступной ситуации;
- мнение граждан о необходимости мер виктимологической профилактики информационного характера;
- характер посткриминального поведения потерпевших, включая активность потерпевших в уголовном процессе;
- уровень правовой и социальной защищенности жертв преступлений;
- необходимость совершенствования законодательства в части защиты прав и законных интересов потерпевших и др.

Целью научной работы является не имеющее аналогов комплексное сравнительное исследование виктимологической ситуации в приграничных районах РБ и РФ (Витебская и Смоленская области), факторов, ее обуславливающих, и разработка системы организационно-правовых и профилактических мер предупреждения

развития криминальной виктимности в приграничных районах.

Материал и методы. Виктимологический опрос проводился с использованием группового анкетирования на основе совместно разработанной анкеты-опросника, которая включала в себя около 40 позиций, содержащих от 2 до 10 формализованных ответов на вопросы анкеты, а также 4 позиции, касающиеся социально-демографических характеристик респондентов.

Выборка строилась по квотно-пропорциональному принципу, классифицирующему население по основным социальным и демографическим показателям. На последнем этапе формирования выборки опрашиваемые отбирались случайным образом.

Опрос проводился одновременно в Витебске и Смоленске; выборка составила более 700 человек в возрасте старше 18 лет, из них в г. Витебске было опрошено 307 человек, в г. Смоленске – 400.

Экспертный опрос был также проведен одновременно в Витебской и Смоленской областях. Для опроса использовался совместно разработанный «Опросник эксперта», включавший 30 вопросов, направленных на оценку поведения потерпевших от различных видов преступлений в процессе преступного посягательства и в посткриминальный период, включая основные стадии уголовного процесса; оценку уровня их защищенности и необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики в части защиты прав и законных интересов потерпевших.

В экспертном опросе участвовало по 70 экспертов:

- с белорусской стороны – судьи (20 чел.), следователи (35 чел.), прокурорские работники (15 чел.);

- с российской стороны – судьи (31 чел.), следователи (15 чел.), прокурорские работники (12 чел.), адвокаты – (8 чел.); сотрудники Аппарата уполномоченного по правам человека в Смоленской области (4 чел.)

Виктимологический анализ уголовных дел проводился в г. Витебске и Витебской области и, соответственно, в г. Смоленске и Смоленской области.

Эмпирическую базу исследования составили: в Витебске и Витебской области: результаты изучения материалов 140 уголовных дел об убийстве, умышленном причинении тяжкого телесного повреждения, изнасиловании, краже, грабеже и мошенничестве (ст. 139, 147, 166, 205, 206, 209 УК РФ), рассмотренные районными судами г. Витебска и Витебской области в период 2008–2013 гг.

В Смоленске и Смоленской области: результаты изучения материалов 148 уголовных дел

по аналогичным составам (ст. 105, 111, 131, 158, 161, 159 УК РФ), рассмотренные судами г. Смоленска и Смоленской области в период 2008–2013 гг.

Результаты и их обсуждение. Уровень защищенности от криминального воздействия оценивается и российскими, и белорусскими респондентами, в целом, как недостаточно высокий, причем россияне опасаются криминальных проявлений в отношении себя больше белорусов.

Так, 54% опрошенных россиян и 34% белорусов считают, что за последние два года жизнь в их стране стала «опаснее» и «скорее опаснее»; о том, что она стала «безопаснее» и «скорее безопаснее», полагают соответственно – 31% и 51%.

Представляют интерес существенные различия в оценках российских и белорусских респондентов характера испытываемых ими опасений. Так, боязнь убийства или причинения вреда здоровью присуща 37% опрошенных россиян и 18% белорусов; опасение лишиться имущества в результате преступления испытывают 33% российских и 23% белорусских респондентов; произвола со стороны правоохранительных органов опасаются 25% россиян и 21% белорусов; разорения и нищеты, а также болезней, алкоголизма опасается примерно равное число опрошенных респондентов обеих стран.

На вопрос анкеты «Чувствуете ли Вы себя защищенным от преступных посягательств?» положительно ответили только 10% жителей г. Смоленска и 22% г. Витебска, отрицательно – соответственно 31% и 26%; ощущают себя защищенными «не в полной мере» – 59% россиян и 52% белорусов; ничего не опасаются 8% российских и 12% белорусских респондентов.

Более всего респонденты опасаются стать жертвами следующих преступлений: причинения вреда здоровью – 60% российских и 50% белорусских; сексуального насилия – 29% и 14%; мошенничества – 22% и 14%; ограбления – 14% и 5% соответственно; кражи – по 13%.

Обращает на себя внимание, таким образом, существенная разница в «качестве» оценок криминальных рисков белорусскими и российскими респондентами, что, видимо, можно считать отражением криминальной реальности двух стран.

Уровень доверия граждан правоохранительной системе – по итогам опроса – оставляет желать лучшего.

На вопрос «Доверяете ли Вы правоохранительным органам (полиция, следственный комитет, прокуратура)?» утвердительно ответили только 17% российских и 29% белорусских респондентов, отрицательно – 25% и 16%, доверяют «не в полной мере» – соответственно 58% и 55%.

Интересно, что эти результаты коррелируют с данными ежегодно проводимых МВД исследований уровня доверия населения органам правопорядка. Так, например, в Витебской области уровень доверия к милиции в последние годы чуть превышает 30%.

К сожалению, недостаточен и уровень доверия респондентов к судебной системе, причем различия в оценках россиян и белорусов здесь также очевидны. Как свидетельствуют результаты опроса, доверяют судам 19% российских и 35% белорусских респондентов; не доверяют – 23% и 16%; доверяют «не в полной мере» – соответственно 58% и 49%.

Связано с этим недостаточным уровнем доверия к правоохранительной системе и то, что значительная часть населения, судя по результатам опроса, считает возможным использовать самосуд как способ разрешения конфликта (так полагают 32% россиян и 25% белорусов).

Тем не менее, абсолютное большинство опрошенных (до 90%) заявили, что в случае если бы они стали жертвой насилия, кражи, мошенничества, обратились бы за помощью в правоохранительные органы.

Этот показатель намерений, впрочем, диссоциирует с показателем реальных обращений жертв преступлений в правоохранительные органы: только 58% из числа опрошенных, заявивших, что в течение последних трех лет стали жертвами преступлений, ответили, что обратились к ним за помощью.

Уровень виктимности населения. Как показал виктимологический опрос, жертвами различных преступлений в течение жизни становились: среди опрошенных россиян – 13% неоднократно и 33% единожды; среди белорусов – 10% неоднократно и 24% единожды.

В течение последних трех лет потерпевшими от преступления становились, согласно опросу, 21% россиян и 15% белорусов.

Сравним эти результаты опроса с данными официальной статистики – за 2011–2013 гг. в качестве потерпевших в Витебской области было зарегистрировано около 30 тысяч человек, что составляет порядка 2,5% населения региона [1]. Разница, таким образом, шестикратная.

Данные результаты, очевидно, свидетельствуют о высокой виктимологической латентности, которая по экспертным оценкам достигает 60–70% [2].

Респонденты указали, что в отношении них были совершены следующие преступления:

Умышленное причинение вреда здоровью – 15% россиян и 4% белорусов; кража – 41% и 37%; мошенничество – 24% и 15%, грабеж, разбой – 12% и 5%; вымогательство – 5% и 7%; угон автотранспорта – 12% и 4%; клевета – 17% и 4% соответственно.

Очевидно, таким образом, что граждане чаще становятся жертвами краж и мошенничества и существенно реже – насильственных преступлений.

В целом, это согласуется с данными официальной уголовной статистики: в числе потерпевших жертвы краж составляют более 60%, а потерпевшие от преступлений против жизни и здоровья – около 5% [3].

Следует отметить различие в характере криминального воздействия на жертв преступлений в РФ и РБ: судя по опросу, россияне чаще становятся жертвами насильственных преступлений, мошенничества, угона транспортных средств и клеветы.

Характер взаимоотношений между потерпевшим и преступником. Анализ результатов мониторинга позволяет, наряду с прочим, оценить характер взаимоотношений между потерпевшими и преступниками в предпреступной и преступной ситуации, их роль в механизме преступления.

В монографии «Преступник и его жертва. Исследование по социобиологии преступности» один из основателей виктимологии – Г. Гентиг – отмечал, что между преступником и жертвой преступления существует негласное взаимопонимание и имеют место т.н. интеракция, взаимодействие и обмен элементами причинности [4, с. 182–183]. Судебная практика свидетельствует, что характер взаимоотношений между преступником и жертвой очень часто не только способствует зарождению мысли о преступном посягательстве, но и оказывает существенное влияние на выбор правонарушителем способа и средств совершения преступления (на это указывают в своих работах такие ученые-виктимологи, как В.И. Полубинский и А.Л. Ситковский [5]).

Взаимоотношения между правонарушителем и потерпевшим вносят существенные коррективы как в решение вопроса о возможности преступного посягательства, так и в выбор средств и способов совершения преступления. Это могут быть отношения родственные, интимные, соседские, дружеские, служебные. Социальные связи в определенной степени влияют как на существо конфликтов, приведших к преступлению, так и на динамику развития криминальной ситуации. Достаточно указать на так называемую бытовую преступность, в которой наиболее ярко проявляются устойчивые отношения между преступником и потерпевшим.

Анализ характера взаимоотношений между потерпевшими и преступниками в предпреступной и преступной ситуации при изучении уголовных дел свидетельствует о том, что около половины жертв преступлений (57% в Смоленской и 48% в Витебской области) находилась с преступником в той или иной степени личных отношений.

При этом в родственных отношениях с преступником состояло соответственно 9% и 5% жертв преступлений; в любовных отношениях – 5% и 6%; являлись друзьями – 4% и 9%; были коллегами по работе – 41% и 3%; были «просто знакомы» – 38% и 25% потерпевших соответственно.

Представляет интерес анализ характера отношений между жертвой и преступником по отдельным видам преступлений.

Среди жертв убийств состояли в личных отношениях с преступником 92% потерпевших в Смоленской и 87,5% в Витебской области. При этом 12,5% состояли в любовных отношениях, в родстве – 33,5% и 8,3% соответственно; были «просто знакомы» с преступником – по 46%.

Среди жертв изнасилования состояли в личных отношениях с преступником соответственно 55,5% и 43% потерпевших. При этом были «просто знакомы» – 44,5% и 29%; не были знакомы – 46% и 57% жертв изнасилования соответственно.

Среди жертв умышленного причинения тяжкого телесного вреда здоровью состояли в личных отношениях с преступником 78% и 74% потерпевших.

Из них ранее были просто знакомы – 48% и 28%; состояли в любовных отношениях – 9% и 22%; были друзьями – 12% и 17%; состояли в родстве – 9% и 13%, причем в Витебской области в двух случаях жертвой стала мать преступника, в одном – жена.

Среди жертв кражи состояли в личных отношениях с преступником 42% и 36% потерпевших. При этом ранее были «просто знакомы» с преступником – 28% и 21% потерпевших; являлись друзьями – 5% и 12%; коллегами по работе – по 3%.

Среди жертв грабежа состояли в личных отношениях с преступником 33% и 17% потерпевших. При этом все они ранее были «просто знакомы» с преступником. Для данной категории преступлений наличие длительных личных связей преступника и жертвы не характерно.

Среди жертв мошенничества состояли в личных отношениях с преступником 37% и 39% потерпевших. При этом в Витебской области ранее были «просто знакомы» с преступником 23%; состояли в родстве 8%; являлись друзьями – 8% жертв мошенничества.

Таким образом, самый высокий процент личных отношений между преступником и жертвой характерен для насильственных преступлений и, прежде всего, убийств (92% и 87,5%) и причинения тяжких телесных повреждений (78% и 74%). Это обстоятельство определяется, видимо, тем, что для данного вида преступлений характерен так называемый бытовой характер.

Относительно высок процент личных связей между преступником и жертвой также при совершении изнасилований, краж, мошенничества.

Еще одним существенным виктимологическим аспектом взаимоотношений преступника и жертвы следует считать тип поведения жертвы, предшествующий преступлению.

Исходя из поведения потерпевшего, ситуации, предшествующие преступлению, можно разделить на три группы:

1. Ситуации, в которых действия потерпевшего носят провоцирующий характер, содержат в себе повод для совершения преступления (противоправное или (и) аморальное поведение).

2. Ситуации, в которых действия потерпевшего являются положительными (правомерными, но вызывающими противоправное поведение преступника).

3. Ситуации, в которых действия потерпевшего носят нейтральный характер, не содержат в себе повода для совершения преступления.

Проведенный анализ уголовных дел свидетельствует о том, что более чем в половине случаев (68% и 52%) поведение жертв преступлений носило нейтральный характер. В то же время в 23% и 28% случаев – поведение жертвы имело характер активной провокации, в 7% и 20% – действия потерпевшего являлись положительными.

При этом преобладающие личностные характеристики жертв преступлений распределяются в следующих пропорциях (по убывающей):

- легкомысленность и эмоциональность – 38,5% и 46% случаев;
- доверчивость – 43,5% и 37%;
- агрессивность – 16,5% и 17%;
- корыстолюбие – 1,5% и 4%.

Значительно различаются типы поведения жертвы в зависимости от вида преступления.

Убийство. 62% и 71% жертв убийств проявляли активное виктимное поведение, в большинстве случаев аморальное, в 12% и 4% – преступное.

42% и 46% жертв при этом проявляли агрессивность, 29% и 12% – доверчивость и повышенную эмоциональность.

Нейтральным являлось поведение 17% и 25% жертв, положительным – 21% и 4%. Преобладающими личностными характеристиками данных жертв являлись легкомысленность, доверчивость и эмоциональность.

Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения. Активную провокацию проявили 39% и 70% жертв, нейтральное поведение было характерно для 58% и 26% и положительное – для 3% и 4% жертв. Преобладающими типами поведения являлись агрессивность – 34% и 52% и легкомысленность – 39% и 17%. Повышенная эмоциональность и доверчивость были характерны для 27% и 26% жертв.

Изнасилование. Активное виктимное поведение было характерно для 22% и 29% жертв, нейтральное – для 78% и 71%.

Преобладающие личностные характеристики жертвы изнасилования:

- доверчивость – 78% и 57%;
- легкомысленность – 22% и 43%.

Кража. Активное виктимное поведение проявили лишь 14% и 6% жертв соответственно, нейтральное поведение было преобладающим у 81% и 94%.

Основные личностные характеристики жертвы, обусловившие виктимность, – легкомысленность – 47% и 61%; излишняя доверчивость 42% и 39%.

Грабёж. Активную провокацию проявили 7,5% и 7% жертв, нейтральное поведение было характерно для 92,5% и 93% жертв.

Личностные характеристики жертв грабежа:

- легкомысленность – 52% и 62%;
- доверчивость и эмоциональность – 48% и 38%.

Мошенничество. Нейтральное поведение было характерно для подавляющего большинства потерпевших – 89% и 58%. 11% и 42% жертв соответственно проявили положительное поведение.

Преобладающие личностные характеристики жертв мошенничества:

- доверчивость и эмоциональность – 68% и 70%;
- легкомысленность – 21% и 36%;
- корыстолюбие – 11% и 4%.

Базовым постулатом современной криминальной виктимологии является утверждение о том, что поведение жертвы преступления оказывает существенное влияние на мотивацию преступного поведения – оно может облегчать и даже провоцировать его или напротив – сделать невозможным преступное посягательство (либо свести его вероятность к минимуму или, по крайней мере, позволит избежать серьезных отрицательных последствий криминала). Представляет интерес, в связи с этим, оценка – в общественном мнении – роли жертвы в механизме преступления.

Как свидетельствуют результаты проведенного виктимологического опроса, примерно две трети респондентов (62% россиян и 63% белорусов) полагают, что поведение жертвы и ее личные качества влияют на поведение преступника и характер преступления. Коррелирует с этим показателем и число тех респондентов (65% в обеих странах), кто сталкивался со случаями (в своей жизни или среди знакомых), когда преступление можно было предотвратить, если бы жертва была более предусмотрительна.

Стоит, тем не менее, отметить, что значительная часть опрошенных – 38% россиян и 37% белорусов – считают, что жертва оказывает не-

значительное влияние либо вообще не влияет на поведение преступника и характер преступления.

Опрос экспертов также показал, что, с точки зрения их практики, жертвы преступлений играют существенную роль в механизме преступления – 66% российских и 72% белорусских экспертов считают, что потерпевший либо провоцирует совершение в отношении него преступления, либо ведет себя излишне доверчиво, легкомысленно, и только 34% и 28% соответственно – что выбор жертвы носит случайный характер.

Отвечая на вопрос «При совершении каких преступлений жертва чаще ведет себя провокационно?» 61% и 64% относят такое поведение жертвы к преступлению изнасилования, 49% и 44% – к умышленному причинению вреда здоровью, 41% и 28% – к побоям, 24% и 23% – к убийству, 4% и 16% – к краже.

При этом жертвы убийств, с точки зрения 39% и 58% опрошенных, провоцируют его совершение аморальным поведением; 24% и 17% полагают, что жертвы убийств провоцируют убийцу своим противоправным поведением; 11% и 2% – что жертвы убийств ведут себя положительно (заступаются за других, выполняют профессиональный или общественный долг и пр.); 26% и 24% экспертов считают поведение жертвы убийства нейтральным.

Жертвы причинения вреда здоровью провоцируют его совершение аморальным поведением по мнению 33% и 63% опрошенных экспертов; 26% и 23% полагают, что жертвы провоцируют причинителя вреда своим противоправным поведением; 11% и 7% – что жертвы ведут себя положительно; 30% и 16% экспертов считают поведение данной категории жертв нейтральным.

Жертвы изнасилований активно провоцируют преступника по мнению 60% экспертов; ведут себя излишне доверчиво или неосторожно с точки зрения 26% и 34% и нейтрально – 14% и 6% экспертов соответственно.

Жертвы краж – не принимают необходимых мер безопасности по мнению 91% российских и 100% белорусских экспертов.

Жертвы грабежей и разбоев ведут себя неосторожно с точки зрения 89% и 93% экспертов (11% и 7% соответственно полагают, что жертва ведет себя в этих случаях нейтрально или даже осторожно).

Жертвы мошенничества становятся таковыми из-за проявлений:

- излишней доверчивости (50% и 79% экспертов);
- корыстолюбия (27% и 21%);
- низкой правовой культуры (23% и 21%).

Итак, подавляющее большинство насильственных преступлений – результат бытовых

конфликтов, свидетельствующих о глубокой деморализации микросоциальных отношений, неуважении близких друг к другу, их невоспитанности и низкой культуре.

С точки зрения роли потерпевшего в генезисе преступлений, совершаемых на основе специфических отношений между преступником и потерпевшим, большинство жертв условно можно подразделить как минимум на два типа:

нейтральные – не влияющие на зарождение и развитие преступления и лишь по стечению обстоятельств находящиеся с потенциальным преступником в определенных отношениях;

провоцирующие – собственными действиями толкающие потенциального преступника на противоправное деяние либо создающие благоприятную обстановку для совершения преступления.

При этом провокация может быть связана как с противоправным или аморальным, так и с положительным поведением потерпевшего (например, заступился за друга или родственника, пытался успокоить конфликтующих).

Данная классификация позволяет в определенной мере выявить характеристики потерпевших от преступления, установить, кто чаще из них подвергается виктимологическому риску, на этой основе осуществлять профилактику возможных жертв, совершенствовать формы и методы борьбы с преступностью.

Активное провоцирующее виктимное поведение характерно, прежде всего, для жертв насильственных преступлений (более 90% жертв убийств, более 70% причинения тяжких телесных повреждений).

Данный показатель коррелирует с показателем высокого уровня личных отношений между преступником и жертвой в насильственных преступлениях, что определяется, прежде всего, их бытовым характером.

Весьма интересным является вопрос о том, в какой степени учитываются особенности потерпевшего или его поведение в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства при рассмотрении и разрешении уголовного дела в суде.

Проведенный анализ уголовных дел свидетельствует о том, что в качестве смягчающего обстоятельства особенности поведения потерпевшего были учтены в 8,5% случаев в Смоленской области и 4% – в Витебской (противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на

заглаживание вреда, причиненного потерпевшему); в качестве отягчающего – в 2% и 1% случаев соответственно (совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного).

В остальных случаях эти обстоятельства никак не учитывались судом.

Характер посткриминального поведения жертв, включая поведение потерпевших в уголовном процессе. Посткриминальное поведение – это правовое поведение после совершения преступления, осуществляемое в рамках и в связи с реализацией охранительного уголовного правоотношения [6, с. 45].

Понятие посткриминального поведения и его видов в правовой литературе используется, прежде всего, для характеристики поведения лица, совершившего преступление. На наш взгляд, приведенное определение возможно распространить и на характеристику поведения жертвы преступления.

Посткриминальное поведение жертв преступлений определяет многое: оно в значительной степени влияет на уровень латентности преступлений; существенно сказывается на качестве расследования и результатах судебного рассмотрения уголовных дел, поскольку может оказать (и часто оказывает) позитивное или негативное воздействие на лицо, совершившее преступление, и других участников процесса.

При возможности классификации посткриминального поведения на виды по различным основаниям (в зависимости от стадий посткриминального поведения и целей, преследуемых законодателем на той или иной стадии; с точки зрения отраслевой принадлежности; в плане соответствия посткриминального поведения правовым требованиям), посткриминальное поведение в криминологии чаще всего подразделяют на правомерное (позитивное) и неправомерное (негативное). Иногда выделяется также т.н. нейтральный тип поведения.

Под правомерным поведением понимается позитивная направленность поведения потерпевшего, оказывающего содействие правоохранительным органам в привлечении виновного к уголовной ответственности, предоставлении им правдивых показаний и доказательств по уголовному делу, отягчающих или смягчающих ответственность виновного с целью его справедливого наказания. Положительное поведение потерпевшего обычно является следствием его правосознания и не зависит от отношения потерпевшего к преступнику.

Неправомерное (негативное) поведение потерпевшего включает в себя создание препятствий для установления истины по делу, непредоставление информации и вещественных доказательств, дачу ложных показаний, введение следствия в заблуждение и др. Этот вид поведения может быть выбран под влиянием двух различных мотивационных факторов: положительного и отрицательного отношения к субъекту преступления и диаметрально противоположных целей – наказать виновного или, напротив, сделать все, чтобы виновный избежал уголовной ответственности [7, с. 24].

Как показал проведенный виктимологический опрос, большинство опрошенных, ставших жертвами преступления (76% – Российская Федерация, 58% – Республика Беларусь), обратились в правоохранительные органы. Показательно, что число тех, кто никому ничего о преступлении не сообщал, среди опрошенных граждан Республики Беларусь почти в два раза выше, чем в Российской Федерации. Очевидно, это связано с большой консервативностью белорусского общества, осторожностью поведения и боязнью огласки. Вместе с тем, это свидетельствует о высокой латентности преступности.

На вопрос анкеты «Если Вы не сообщили о преступлении правоохранительным органам, то почему Вы так поступили?» были получены следующие ответы: «Не хотел афишировать произошедшее (это касается только меня)» – 80% (Российская Федерация) и 32% (Республика Беларусь), «Из-за незначительного ущерба» – 85% и 42% соответственно, «Не доверяю правоохранительным органам» – 60% и 10%, «Опасаясь мести со стороны криминальной среды, соучастников преступника» – 25% и 6%, «Не желаю подводить своих родных, знакомых» – 10% и 6%.

С точки зрения же экспертов, основной причиной того, что жертвы преступления, в ряде случаев, не обращаются в правоохранительные органы, является нежелание афишировать происшедшее по личным мотивам – так полагает 53% российских и 72% белорусских экспертов. Незначительностью ущерба объясняют этот феномен соответственно 24% и 23%, недоверием правоохранительным органам 49% и 17%, опасением мести со стороны криминальной среды – 14% и 16% опрошенных экспертов соответственно.

Проведенный анализ уголовных дел свидетельствует о том, что в посткриминальном поведении потерпевших (на стадии предварительного следствия) преобладает правомерный вид поведения.

При этом правомерное поведение жертв преступлений можно подразделить на два типа: *правомерный активный* (потерпевший является по вызову следователя и суда, заявляет ходатай-

ства, представляет доказательства и т.п.) и *правомерный пассивный* (дает показания, но ходатайств не заявляет, доказательств не представляет). В.М. Быков предложил для этих типов другие названия: *добросовестный активный* и *добросовестный пассивный*.

Два этих типа правомерного поведения представлены в рассматриваемых уголовных делах практически в равных пропорциях.

Неправомерный (недобросовестный) тип поведения – (потерпевший не желает давать правдивые показания, не идет на контакт со следователем, препятствует расследованию) нашел отражение в поведении только 1 потерпевшего (менее 1%) в Смоленской и 7 потерпевших (6%) – в Витебской области.

По отдельным видам преступлений:

Причинение тяжких телесных повреждений – правомерный активный тип поведения – 46,5% в Смоленской области и 9,5% – в Витебской, правомерный пассивный – 50% и 62%, неправомерный (недобросовестный) – 4% и 28,5% соответственно.

Изнасилование – правомерный активный тип поведения – 69% и 28,5%, правомерный пассивный – 78% и 71,5%.

Кража – правомерный активный тип поведения – 69% и 57,5%, правомерный пассивный – 31% и 42,5%.

Грабеж – правомерный активный тип поведения – 67% и 72%, правомерный пассивный – 33% и 24%.

Мошенничество – правомерный активный тип поведения – 47% и 50%, правомерный пассивный – 53% в Смоленской и 50% в Витебской области.

Таким образом, правомерный вид поведения в абсолютном выражении характерен для поведения потерпевших от корыстных преступлений, причем преобладает здесь активный позитивный тип поведения.

Неправомерный вид поведения проявился, прежде всего, в поведении жертв насильственных преступлений.

Интересно, что для потерпевших от насильственных преступлений в Витебской области, более чем для смолян, характерен пассивный тип поведения (в рамках правомерного); отмечается также большее число потерпевших, ведущих себя неправомерно.

Данное различие отмечается и по результатам опроса экспертов двух стран. Так, только 6% смоленских экспертов считают, что потерпевшие ведут себя на стадии предварительного следствия недобросовестно; среди витебских экспертов таковых почти в два раза больше (11%).

В то же время примерно равное число экспертов из России и Беларуси (56% и 51% соответ-

ственно) полагают, что потерпевшие на стадии предварительного расследования чаще всего ведут себя пассивно (не интересуются ходом расследования, не заявляют ходатайств и т.п.); 38% российских и 43% белорусских экспертов, при этом, отмечают активный правомерный тип поведения потерпевших.

Уровень правовой и социальной защищенности жертв преступлений. Как показал виктимологический опрос, подавляющее большинство респондентов, ставших жертвами преступления (свыше 80%), не нуждались в психологической помощи и не обращались за ней. Тем не менее, 87% опрошенных россиян и 70% белорусских респондентов полагают, что в стране необходима служба, которая оказывала бы правовую и психологическую помощь жертвам преступления.

Потребность потерпевших в юридической помощи оказалась значительно выше – об этом заявили 37% российских и 38% белорусских потерпевших. Обращались же за юридической помощью 39% опрошенных потерпевших в Витебской области и, значительно более, 64% – в Смоленской. При этом 30% российских и 12% белорусских респондентов остались недовольны оказанной юридической помощью, 25% и 45% соответственно – были удовлетворены «не в полной мере».

Обращение в правоохранительные органы, по данным опрошенных, привело к следующим результатам: «Преступление было раскрыто и виновный понес наказание» – 29% российских потерпевших и 38% белорусских; «Преступление не было раскрыто» – 42% и 24% соответственно; «Меня отговорили от подачи заявления сотрудники правоохранительного аппарата, в который я обратился» – по 7%; «Мне не сообщили о результатах проверки заявления» – 5% и 10%; «Было достигнуто примирение сторон» – 11% и 5% соответственно.

Важнейшей проблемой сегодня является превращение жертвы в центр отправления правосудия, необходимость сбалансировать ее права с правами обвиняемого, возмещение ущерба и снижение тяжести последствий преступления.

Весьма существенной для понимания роли потерпевшего в посткриминальной ситуации и уровня правовой и социальной защищенности жертв преступлений является проблема участия потерпевших в судебном заседании, обеспечения их процессуальных прав, возмещения морального и материального ущерба.

В соответствии с законодательством суды должны предпринимать предусмотренные законом меры к обеспечению участия потерпевшего в судебном заседании. В случае неявки потерпевшего суд решает вопрос о продолжении разбирательства уголовного дела либо о его отложении.

При этом судебное разбирательство в отсутствие потерпевшего может быть проведено только тогда, когда полное выяснение всех обстоятельств дела и обеспечение защиты прав и законных интересов потерпевшего возможны без его явки. Согласно законодательству, при неявке потерпевшего суд рассматривает уголовное дело в его отсутствие, за исключением случаев, когда явка потерпевшего признана судом обязательной.

Потерпевший может быть подвергнут приводу по мотивированному постановлению (определению) суда и при наличии достоверных данных, подтверждающих неуважительность причин его неявки в судебное заседание.

На основании анализа уголовных дел можно сделать вывод, что участие потерпевших в уголовном процессе обеспечивается не в полной мере.

Как показал виктимологический опрос, значительная часть потерпевших, обратившихся в правоохранительные органы, – 42% российских и 60% белорусских – в судебном разбирательстве по факту совершения в отношении их преступления не участвовала. Среди тех же, кто принимал участие в судебном разбирательстве, удовлетворенными его результатами оказались лишь 25% россиян и 32% белорусов; не в полной мере получили удовлетворение соответственно 14% и 34%; 61% российских и 34% белорусских опрошенных выразили свое неудовлетворение.

Анализ уголовных дел также свидетельствует о том, что участие потерпевших и их представителей в уголовном процессе обеспечивается не в полной мере.

Так, по делам об убийстве представители потерпевшего участвовали в судебном процессе лишь в 37% исследованных случаев в Смоленской области и 33% случаев – в Витебской.

Из общего числа потерпевших по другим исследованным делам в судебном заседании не принимали участия 12% россиян и почти 10% потерпевших белорусов.

При этом не участвовали в судебном заседании:

- среди жертв умышленного причинения тяжкого телесного повреждения – 15% в Смоленской и 14% потерпевших в Витебской области;
- среди жертв краж – 14% и 9% соответственно;
- среди жертв грабежа – 22% и 10%;
- среди жертв мошенничества – 16% и 8%.

Участие в уголовном процессе потерпевшего, его законного представителя не исключает возможности одновременного участия в деле представителя потерпевшего, который осуществляет права и выполняет обязанности, предусмотренные законом.

В отличие от законного представителя, признание которого и допуск к участию в производстве по уголовному делу не зависит от воли потерпевшего, представителем потерпевшего может признаваться только лицо, уполномоченное потерпевшим или его законным представителем представлять его интересы при производстве по делу.

Как показывает практика, и это отмечено, например, в Концепции защиты жертв преступной деятельности, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 74 от 20.01.2006 [8], в силу различных причин, прежде всего обусловленных материальными затратами, потерпевшие недостаточно активно используют при защите своих интересов помощь адвокатов.

Проведенный нами анализ уголовных дел свидетельствует о том, что представители потерпевших участвовали в процессе лишь в 34% случаев в Смоленской области и 43% случаев – в Витебской; при этом в подавляющем большинстве случаев (соответственно 86% и 95%) представителем потерпевшего выступал адвокат.

По отдельным видам преступлений потерпевшие пользовались помощью представителей по делам:

- об умышленном причинении вреда здоровью – в 51% и 40%;
- об изнасиловании – в 55% и 85%;
- о краже – в 25% и 33%;
- о грабеже – в 77% и 45%;
- о мошенничестве – в 31% и 54% случаев соответственно.

Существенное значение здесь имеет то обстоятельство, что, в отличие от обвиняемого, потерпевший от преступления по законодательству РФ и РБ обладает правом на бесплатную юридическую помощь. Следует отметить, правда, что в последнее время в РФ в этом вопросе произошли некоторые положительные перемены: в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ с 1 января 2015 года статья 45 УПК РФ дополнена частью 2.1 следующего содержания: «2.1. По ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета» [9].

В ряде международных документов, принятых еще в 80-е годы прошлого века, признается особый статус жертв преступлений и их право на возмещение вреда, причиненного преступными

посягательствами. Тем самым были заданы международные стандарты в области защиты прав жертв преступлений. К числу таких документов можно отнести, например, Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятую Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29.11.1985.

Очевидно, однако, что возможности дальнейшего совершенствования статуса жертвы преступления на основе указанной Декларации ООН и других международно-правовых документов реализуются и в РФ, и в РБ еще недостаточно полно, особенно с учетом существующих более высоких требований законодательства развитых стран мирового сообщества по защите прав жертв преступной деятельности. Например, в Европейской конвенции от 24 ноября 1983 г. о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений предусмотрено, что оно производится за счет государства, если не может быть обеспечено из других источников, для лиц, которым нанесен серьезный урон физическому состоянию и здоровью или которые находились на иждивении погибших в результате таких преступлений.

Действующее национальное законодательство, гарантируя потерпевшим право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба, предусматривает следующие ее способы: 1) заявление гражданского иска в уголовном деле; 2) подача иска в рамках гражданского судопроизводства; 3) добровольное возмещение или заглаживание вреда (в том числе в рамках примирения сторон, деятельного раскаяния); 4) уголовно-процессуальная реституция (от лат. *restitutio* – восстановление), под которой в специальной литературе понимается восстановление материального положения потерпевшего путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления (Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (отечественный, зарубежный, международный опыт правового регулирования): монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С. 49); 5) компенсация вреда государством.

Проведенный анализ уголовных дел показывает, что и в данном отношении законные права потерпевших не обеспечиваются в достаточной степени.

Так, гражданский иск был заявлен потерпевшими в изученных российских делах в 60% случаев, а в белорусских – только в 32% случаев. При этом иск был удовлетворен полностью в 53% случаев в Смоленской области и 67% случаев в Витебской, удовлетворен частично – соответственно в 21,5% и 20%; оставлен без рассмотрения – в 2% и 4%

случаев; признано право на удовлетворение гражданского иска, но вопрос о размере возмещения гражданского иска передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства – в 23,5% и 8% случаев заявления иска соответственно.

По отдельным видам преступлений:

Убийство – гражданский иск заявлен в 58% случаев исследованных смоленских и 29% витебских дел, удовлетворен полностью в 25% случаев заявления, удовлетворен частично в 28% смоленских случаев.

Умышленное причинение вреда здоровью – гражданский иск заявлен в 42% случаев смоленских дел и 13% витебских, удовлетворен полностью в 93% смоленских случаев и частично – во всех витебских.

Изнасилование – гражданский иск заявлен в 44% смоленских и 28,5% витебских случаев, удовлетворен полностью соответственно в 50% и 100% случаев.

Кража – гражданский иск заявлен в 78% смоленских и 36% витебских случаев, удовлетворен полностью в 54% и 50% случаев заявления соответственно; удовлетворен частично – в 18% и 25% случаев; в 25% и 8% случаев признано право на удовлетворение гражданского иска, но вопрос о размере возмещения гражданского иска передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Грабеж – гражданский иск заявлен в 63% смоленских и 41% витебских случаев, удовлетворен полностью в 41% и 67% случаев заявления; удовлетворен частично – в 17% и 16%; признано право на удовлетворение гражданского иска, но вопрос о размере возмещения гражданского иска передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства – в 41% и 17% случаев заявления соответственно.

Мошенничество – гражданский иск заявлен в 68% смоленских и 35% витебских случаев, удовлетворен полностью в 69% и 89% случаев; удовлетворен частично – соответственно в 31% и 11% случаев заявления.

В целом, причиненный преступлением вред не был возмещен в рамках рассмотренных уголовных дел в отношении 34% российских и 37% белорусских потерпевших. В 17% и 15% случаев соответственно – вред был возмещен добровольно; в 16% и 22% случаев – похищенная вещь была возвращена в натуре (реституция); в 41% и 26% – был удовлетворен гражданский иск в уголовном деле.

По видам преступлений:

Убийство – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 58% смоленских и 75% витебских дел.

Умышленное причинение вреда здоровью – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 30%

смоленских и 48% витебских случаев, в 34% и 13% соответственно – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 36% и 12% соответственно – вред возмещен добровольно.

Изнасилование – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 44% смоленских и 71% витебских дел, в 33% и 29% – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 23% смоленских случаев вред возмещен добровольно.

Кража – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 28% смоленских и 9% витебских дел, в 56% и 27% – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 19% и 27% – вред возмещен добровольно, в 33% и 36% случаев соответственно – похищенная вещь была возвращена в натуре (отметим, что имели место и сразу несколько способов возмещения вреда).

Грабеж – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 30% смоленских и 21% витебских случаев, в 41% и 31% соответственно – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 4% и 10% – вред возмещен добровольно, в 25% и 38% – похищенная вещь была возвращена в натуре (реституция).

Мошенничество – вред не возмещен в рамках уголовного дела в 26% смоленских и 19% витебских случаев, в 68% и 31% – удовлетворен гражданский иск в уголовном деле, в 5% и 19% – вред возмещен добровольно, в 5% и 31% – похищенная вещь была возвращена в натуре (отметим, что имели место и сразу несколько способов возмещения вреда).

В соответствии с законом судья по ходатайству потерпевшего, гражданского истца или их представителей либо прокурора вправе вынести постановление о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества. Очень важно, чтобы указанные меры были приняты своевременно.

Как показал проведенный анализ, меры по обеспечению гражданского иска (наложение ареста на имущество) предпринимались только в единственном случае из всех рассмотренных смоленских дел (по делу о краже) и только в 8% случаев рассмотренных витебских дел.

Данные виктимологического опроса подтверждают нерешенность данной проблемы. В полном объеме, как свидетельствуют респонденты, получили компенсацию причиненного преступлением вреда лишь 15% потерпевших россиян и 7% белорусов, частично – 8% и 27% соответственно, не получили компенсации – 77% россиян и 66% белорусов.

В тех случаях, когда вред был возмещен, в большинстве случаев (57% россияне и 43% белорусы) виновный возместил или загладил вину до-

бровольно, вернули похищенную вещь – 15% и 30% соответственно, был заявлен гражданский иск в уголовном деле – 21% и 24%.

Необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики в части защиты прав и законных интересов потерпевших, таким образом, очевидна.

Об этом свидетельствуют и результаты экспертного опроса. Так, более 60% экспертов обеих стран высказались за создание специального государственного Фонда помощи жертвам преступлений, средства которого шли бы на выплату ущерба при неплатежеспособности преступника, а также в пользу организации государственной службы, которая оказывала бы правовую и психологическую помощь жертвам преступления.

Более 60% экспертов считают целесообразным введение в процессуальное законодательство норм об упрощенном (приказном) порядке гражданского судопроизводства по искам потерпевших от преступлений и включении в качестве обязательного требования при применении амнистии компенсации потерпевшему причиненного преступлением вреда; столько же – 60% – полагают необходимым введение института медиации по уголовным делам. 76% российских и 57% белорусских экспертов видят необходимость закрепления в УПК порядка обеспечения потерпевшего бесплатной юридической помощью, 51% и 40% экспертов соответственно – принятия специального Закона о защите жертв преступлений.

Неоднозначно, как показывают результаты виктимологического опроса, оценивается гражданами обеих стран необходимость осуществления мер виктимологической профилактики.

На вопрос «Достаточно ли Вы знаете о способах совершения преступлений, чтобы вовремя распознать преступный замысел?» ответили: «Нет, мне не хватает этих знаний» – 40% респондентов обеих стран; «Это бесполезно, ведь преступники всегда найдут что-то новое, чтобы обмануть свою жертву» – 36% российских и 45% белорусских респондентов; «Я знаю об этом достаточно» – 24% российских и 15% белорусских.

Значительная часть опрошенных (77% российских и 65% белорусских) считают, что обсуждать с молодыми людьми характерные способы совершения преступлений, чтобы в будущем они не попадались на уловки преступников, необходимо. Вместе с тем, значительное число респондентов (13% и 25% соответственно) полагают, что подобная информация, напротив, будет способствовать росту преступности, поскольку молодежь научится совершать преступления.

При этом две трети опрошенных обеих стран считают, что они достаточно осторожны,

чтобы стать жертвой преступления, в частности мошенничества.

Сопоставление этих результатов с данными опроса экспертов свидетельствует о том, что специалисты проявляют более активную позицию в отношении необходимости распространения виктимологических знаний и проведения виктимологической профилактики.

На вопрос «Можно ли снизить виктимность (т.е. предрасположенность лица стать жертвой преступления), если проводить профилактическую работу с потенциальными жертвами?» 73% российских и белорусских экспертов ответили положительно; 27%, однако, проявили скептицизм и согласились с тем, что это пустая трата времени и сил, поскольку людям свойственно учиться на собственном опыте.

Интересно, что при этом считают необходимым более глубокое изучение виктимологии при получении юридического образования только 67% российских и белорусских экспертов.

Заключение. Следует отметить, что, к сожалению, законодательное обеспечение прав потерпевших от преступлений в Республике Беларусь не только не соответствует по ряду позиций нормам международного права, но и уступает в своем «качестве» законодательству союзного государства – Российской Федерации, где за последние годы произошли, при сохранении проблемных вопросов, определенные подвижки в рассматриваемой сфере – принят Федеральный Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», разработан проект Закона «О потерпевших от преступлений», вносятся поправки в уголовно-правовое законодательство.

На наш взгляд, существует насущная необходимость реализации положений Концепции защиты жертв преступной деятельности 2006 года, включая имплементацию ряда норм вышеуказанных международных правовых актов, определяющих правовой статус жертв преступлений.

Все это потребует разработки законодательства, основанного на субсидиарности, селективности и реституции компенсации, а также создания специального Фонда компенсаций жертвам насильственных преступлений, разработки и принятия правовых норм, регулирующих его деятельность, основания, размер компенсаций и их виды, методику расчета нанесенного вреда здоровью, морального вреда и т.д.

Проведенный мониторинг показал, что населению не хватает виктимологических знаний, которые могли бы сыграть положительную роль в противодействии преступлениям. Тут необходима специальная программа, включающая про-

ведение бесед, лекций, «круглых столов», работу информационных центров, использование телевидения, интернета, привлечение юристов-практиков, ориентированная на адресную, целенаправленную и систематизированную работу с различными категориями населения.

Очевидны также, и об этом недвусмысленно свидетельствуют результаты проведенного виктимологического мониторинга, актуальность и значимость разработки комплекса мер, направленных на защиту жертв преступлений, включая принятие ряда поправок в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы, законодательное закрепление методики оценки возмещения вреда жертвам преступлений, механизма компенсации вреда жертвам от преступлений, принятие Закона «О правовом статусе жертв преступной деятельности», который наряду с иным специальным виктимологическим законодательством обеспечил бы эффективную защиту жертв преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сведения о зарегистрированных и расследованных преступлениях, помещенные в единый государственный банк о правонарушениях по УВД Витебского облисполкома за 2011–2013 гг. / МВД Республики Беларусь. – Информационный центр. – Минск, 2012–2014.
2. Стаценко, В.Г. Официальная и латентная преступность: об актуальности криминологического анализа / В.Г. Стаценко // Право.by. – 2012. – № 3. – С. 100–105.
3. Сведения о зарегистрированных и расследованных преступлениях, помещенные в единый государственный банк о правонарушениях по Республике Беларусь за 2013 год / МВД Республики Беларусь. – Информационно-аналитическое управление. – Минск, 2014.
4. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология: учеб. пособие для вузов / С.М. Иншаков. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 383 с.
5. Полубинский, В.И. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии: монография / В.И. Полубинский, А.Л. Ситковский. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – 291 с.
6. Звечаровский, И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование / И.Э. Звечаровский. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1993. – 128 с.
7. Сабитов, Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствие) / Р.А. Сабитов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 193 с.
8. Концепция защиты жертв преступной деятельности: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 20.01.2006, № 74 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон, 28.12.2013, № 432-ФЗ // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156569>. – Дата доступа: 28.04.2015.
10. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS 116) [рус., англ.]; заключена в г. Страсбурге 24.11.1983 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998. – С. 81–85.

УДК 340

Иностранное право в практике национального нормотворчества

А.Г. Егорова

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В данной статье содержатся выводы об использовании иностранного права в практике национального нормотворчества.

Цель работы – обосновать необходимость применения иностранных правовых норм при разработке и принятии новых нормативных документов внутри национальной правовой системы.

Материал и методы. Материалом проведенного исследования являлись иностранные правовые нормы и практика их применения в условиях специфических правовых систем. Основным методом выступает прием сравнительного анализа правовых систем современности и их основных нормативных компонентов.

Результаты и их обсуждение. Для улучшения качества системных связей и, как следствие, повышения эффективности национальной правовой системы необходимо отойти от практики создания отраслевых актов, регулирующих отношения с иностранным элементом.

Национальным субъектам правотворчества необходимо выработать общую стратегическую концепцию, согласно которой целью работы этих субъектов применительно к созданию регуляторов, направленных на упорядочение отношений с иностранным элементом, должно быть не создание новых норм, а формирование единых «правил игры» относительно иностранных правовых элементов.

Заключение. В сфере национального правотворчества иностранный элемент реализуется в трех основных формах: правовой рецепции;

создания национальной нормы при учете практики правового регулирования в других системах; создания специальных национальных норм, регулирующих отношения с иностранным элементом.

Правовая рецепция предполагает наличие объекта правового заимствования, под которым предлагается понимать иностранный правовой элемент, создаваемый и заимствуемый из одной правовой системы в другую определенной группой субъектов с целью совершенствования функционирования национальной правовой системы.

Учет иностранной практики правового регулирования схожих общественных отношений обусловлен процессами интегрирования разнотипных правовых основ, к которым предлагается относить: принципы права, правовые принципы, а также отрасли права и правовые институты, традиционные для всех правовых систем.

Ключевые слова: правотворчество, иностранное право, правовая система, правовая рецепция.

Foreign Law in the Practice of National Norm Building

A.G. Yegorova

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

The article contains conclusions on the use of foreign law in the practice of national norm building.

The purpose of the article is grounding the necessity of using foreign legal norms while development and adoption of new normative documents within national legal system.

Material and methods. *The material of the study is foreign legal norms and practice of their application in the conditions of specific legal systems. The main method is comparative analysis of contemporary legal systems and their basic normative components.*

Findings and their discussion. *To improve the quality of system links and following the increase in the efficiency of the national legal system, it is necessary to depart from the practice of creation of branch related acts, which regulate relations with the foreign element.*

National subjects of law building must work out a general strategic concept, according to which the aim of the work of these subjects referring to the creation of regulators, which aim at regulating the relations with the foreign element, should be shaping new "rules of the game" regarding foreign legal elements rather than creation of new norms.

Conclusion. *In the sphere of national law building the foreign element is implemented in the main three forms: legal reception, creation of the national norm at considering the practice of legal regulation in other systems, creation of special national norms, which regulate the relations with the foreign element.*

Legal reception presupposes presence of an object of legal borrowing, which is understood as a foreign legal element, which is created and borrowed from one legal system into the other of some group of subjects with the purpose of the improvement of the functioning of the national legal system.

Consideration of foreign legal regulation practice of the like social relations is conditioned by integration processes of legal bases of different systems, to which we refer principles of law, legal principles as well as legal branches and institutions traditional for all legal systems.

Key words: law building, foreign law, legal system, legal reception.

В юридической науке вопросам влияния иностранного элемента на процесс и результат правотворчества уделяется недостаточно внимания. Все процессы и механизмы правотворческого характера рассматривались как сугубо национальные, лишённые какого бы то ни было специфического характера, вызванного воздействием иностранного элемента либо на само правотворчество, либо на его результат.

Вместе с тем, как нам представляется, глобализация общественной жизни и унификация наиболее значимых ее сторон обусловили то, что воспроизводство национальных норм происходит с учетом факта существования других инородных по характеру регулятивных систем. Главное при этом – соблюдать меру разумного в регулировании общественных отношений своими или заимствованными правовыми средствами. И эту задачу должны выполнить, в первую очередь, субъекты правотворчества.

Цель работы – обосновать необходимость применения иностранных правовых норм при разработке и принятии новых нормативных докумен-

тов внутри национальной правовой системы.

Материал и методы. Материалом проведенного исследования являлись иностранные правовые нормы и практика их применения в условиях специфических правовых систем. Данная специфика обусловлена правовыми традициями, дифференцируемыми по правовым семьям – романо-германского, англосаксонского (англо-американского) и религиозно-общинного (традиционного) права.

Кроме того, второй составляющей разработанной концепции является практика национального нормотворчества, которое происходит в условиях национальной специфики, но с учетом использования уже имеющегося за рубежом правового опыта регулирования общественных отношений.

Основным методом выступает прием сравнительного анализа правовых систем современности и их основных нормативных компонентов.

Результаты и их обсуждение. Представляется, что, создавая новую норму или отменяя, изменяя старую, названный субъект может реализовать одну из внешних форм своей правотвор-

ческой деятельности, устанавливая, прежде всего, факт существования иностранного элемента.

Законодатель:

- заимствует иностранные правовые элементы, то есть создает национальную норму, учитывая опыт других правовых систем в регулировании общественных отношений;

- создает национальную правовую норму (акт), но учитывает существование практики правового регулирования другого характера, имеющейся в иных странах, то есть исходит из факта признания и согласования разногласий в правовом регулировании общественных отношений разными системами;

- создает правовые акты, правовые нормы, регулирующие собственно отношения с иностранным элементом, которые будут складываться в национальной правовой среде (например, издает закон о международном частном праве, как это сделали законодатели Венгрии, Швейцарии и т.д.).

Первые две названные формы носят общетеоретический характер и могут использоваться в любой сфере правового регулирования. Последняя форма имеет частно-правовое применение и касается, прежде всего, области международного частного права. Вместе с тем, она не лишена тенденций, которые в скором времени войдут в разряд общетеоретических. Речь идет, прежде всего, об унификации и гармонизации национальных правовых регуляторов.

Рассмотрим каждую из реализуемых субъектом правотворчества форм в отдельности.

Проблемы правовой рецепции в советской юридической науке исследовались лишь в исторической плоскости, в большей мере как рецепция римского права западными правовыми системами [1, с. 268–274; 2, с. 206–234]. Теоретический уровень данных проблем не сформирован и по сей день. Зарубежная правовая наука основное внимание уделяет историческим аспектам рецепции римского права. Отдельные авторы в силу специфики своих исследований сузили проблему правовой рецепции до уровня заимствования отдельных правовых актов. Так, К. Цвайгерт и Х. Кетц в своей работе «Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права» отдельный раздел посвятили проблемам рецепции Гражданского кодекса Франции [3, с. 150–182].

Вопрос о правовой рецепции как форме реализации правотворческого результата необходимо рассматривать с точки зрения механизма правового заимствования иностранных компонентов. Впервые попытку сконструировать такой механизм предпринял белорусский автор

А.В. Егоров. Согласно его концепции, объективный характер взаимодействия правовых систем порождает практику взаимопроникновения элементов различных правовых культур и производит другую форму субъективного заимствования иностранных правовых элементов. Последняя форма реализуется с помощью определенного механизма, который включает в себя субъекты, объекты и процедуры правовых заимствований. Этот механизм обладает потенциальными возможностями интегрирования своих звеньев с аналогичными звеньями других национальных механизмов правового заимствования. Автор приходит к выводу, что само создание механизма правового заимствования предполагает разработку и внедрение теоретических и нормативных компонентов, которые определяют доктринальную и нормативную основы существования этого механизма [4, с. 162–180].

Развивая модельные положения о механизме правового заимствования и учитывая правотворческую практику, выскажем несколько суждений относительно выработки понятия объекта правового заимствования, что имеет большое значение для правотворческой практики. Представляется, что под таким объектом мы должны понимать иностранный правовой элемент, заимствование которого обусловлено практической потребностью усовершенствования работы механизма национальной правовой системы. Но прагматическая черта не исчерпывающе определяет объект правового заимствования. Еще одной такой чертой является наличие уровней привнесения элементов из одной правовой среды в другую. К числу таковых можно отнести правовую семью. Заимствование иностранных элементов на уровне правовых семей – это заимствование более высокого, доктринального уровня. Здесь исключается непосредственная воля законодательствующих субъектов, хотя опосредованно она может присутствовать. Более того, на уровне правовых семей о заимствовании в практическом смысле слова говорить нельзя. Более подходящим термином здесь будет «взаимопроникновение» отдельных элементов в правовых семьях. Эти элементы не относятся к объектам правового заимствования, но обладают своей определенностью.

Как нам представляется, на уровне правовых семей происходит взаимопроникновение следующих элементов: источников права, системы права и нормативной общности. Причем такое взаимопроникновение никем непосредственно не санкционируется. Данное явление представляет собой объективную потребность правовых систем во взаимообогащении. Так, некогда был

осуществлен обмен источниками права между англосаксонской и романо-германской правовыми семьями. На сегодняшний день во Франции и Германии судебная практика играет заметную роль в системе источников права этих стран. С другой стороны, США располагает кодексами, типичными кодифицированными актами для континентальных правовых систем.

Взаимопроникновение элементов систем права разных правовых систем можно наблюдать на уровне романо-германской и религиозно-общинной правовых семей. Религиозно-общинная семья права практически восприняла европейскую континентальную модель деления права на частное и публичное, а затем – на традиционные отрасли гражданского, уголовного, административного, процессуального права и т.д.

Что касается нормативной общности семьи (то есть предрасположенности норм к обобщенности или казуализации), то и здесь мы видим примеры взаимопроникновения. Так, в англо-американской правовой семье заметно усиливается влияние общих абстрактных норм, создаваемых парламентами, хотя они и не имеют того значения, как в романо-германской семье. Напротив, в континентальном праве очень сильной становится тенденция дифференцировать «вся и все», в результате чего нормы становятся более казуальными. Особенно это характерно для правовых систем постсоветского пространства.

Наименьшей степенью взаимопроникновения между правовыми системами обладает правовая понятийный фонд. Языковая специфичность юридических терминов и понятий не дает возможности глубоко интегрироваться этим понятиям и терминам в инородные правовые системы. Например, такие понятия, как *trust*, *sole*, *corporation*, трудно даже перевести на язык континентальной страны.

Таким образом, на уровне правовых семей происходит не заимствование правовых элементов, а их объективное взаимопроникновение, что не является заимствованием. Следовательно, заимствование – это упорядоченная, волевая деятельность определенных субъектов на уровне правовых систем, что составляет содержательную черту объекта правового заимствования. Круг указанных субъектов может быть очень широким.

Все субъекты могут быть объединены в две группы: группу официальных и группу неофициальных субъектов заимствования. Неофициальные субъекты могут лишь подготовить почву для предстоящего заимствования: изучить объекты заимствования, сформировать мнение о таких объектах и т.п. Само же заимствование осуществ-

ляется официальными субъектами по определенной процедуре с соблюдением определенных нормативных и доктринальных правил. Основной чертой данного процесса является его целенаправленное, волевое изучение и привнесение в инородную правовую среду определенной группой субъектов.

Все предложенные к рассмотрению черты объекта правового заимствования позволяют дать его определение в следующем виде.

Объект правового заимствования – это иностранный правовой элемент, который изучается и переносится из одной правовой системы в другую определенной группой субъектов с целью совершенствования функционирования национальной правовой системы.

Данная теоретическая модель объекта правового заимствования позволяет нам определиться в вопросе о механизме правового заимствования как национальной юридической конструкции. Решение вопросов о понятии и определении звеньев этого механизма улучшит качество правотворческого процесса и, таким образом, качественную сторону принимаемых нормативных актов. Указанный механизм может использоваться не только субъектами законотворческого процесса, но и субъектами, принимающими нормативные правовые акты меньшей юридической силы.

Вторая форма опосредования иностранного элемента в национальном правотворческом процессе – создание норм, регулирующих внутригосударственные отношения при обязательном учете факта существования и функционирования других правовых систем. А.А. Рубанов в качестве основы отражения национальной правовой системой факта существования других нормативных компонентов рассматривает объективность существования иностранного права, сравнивая данный факт объективно с существованием дня и ночи географических и климатических факторов [5, с. 15].

Представляется, что на сегодняшний день еще одним фактором, предложенным в том числе и практикой взаимодействия национальных правовых систем, является процесс глобализации общественной жизни, определяющий интернациональные аспекты функционирующего национального права. В связи с этим необходимо отметить, что современное право является продуктом интеграции разнотипных правовых основ. Современное право и в его естественно-правовом, и в позитивистском понимании есть продукт интеграции неких «правовых основ», «постоянных величин» различных правовых систем.

На наш взгляд, интеграция правовых систем

и сближение правовых семей происходят как за счет принципов правового и социального характера, сложившихся на определенном пространстве, так и за счет ряда нормативных элементов, без которых не может функционировать ни одна правовая система. В связи с этим представляется, что формирование современного права происходило путем интеграции неких правовых элементов, которые мы определяем сегодня как разносистемные правовые основы. В качестве таковых предлагаются: принципы права, правовые принципы, отрасли права и правовые институты, традиционные для всех правовых систем.

Анализ принципов как разносистемных правовых основ позволяет сделать некоторые выводы, имеющие большое значение для теории и практики правовой интеграции:

1) по характеру своих признаков право обладает большими интеграционными потенциями: являясь основой правовых систем, оно выполняет свою интеграционную функцию на двух уровнях – внутри правовой системы и на уровне международного взаимодействия национальных правовых систем;

2) фактором, затрудняющим интеграцию правовых систем, является разница в нормативно-регулятивной специфике правовых принципов при их объективно регулирующем внешнем сходстве (при общности объектов регулирования – личности, собственности, государства);

3) результативным способом унификации нормативного содержания правовых принципов является расширение нормативного закрепления в национальном законодательстве принципа приоритета норм международного права перед национальным. При этом необходим качественный (изменение содержания) и формальный (систематизация) подход к оценке существующих международно-правовых норм, регулирующих правовой статус личности, отношения собственности и положение государства;

4) межсистемным действенным способом интеграции может стать унификация принципов-основ, а не конкретных норм частного регулятивного значения, которые после заимствования в лучшем случае будут отторгнуты национальной практикой правоприменения, в худшем – разбалансируют отраслевую систему нормативного регулирования.

Интеграционную основу современного права составляет сущностное, единое для всех правовых систем содержание правовых институтов и отраслей права, что определяется объективными факторами окружающего мира, которые не может проигнорировать ни одна отрасль права. К числу таких факторов относятся, в частности,

природные сферы (земная суша, водное и атмосферное пространство), географические условия существования общества, существование других правовых систем и т.д.

Данные факторы отражаются любой правовой системой независимо от ее семейной принадлежности. Но нельзя полагать, что названные факторы определяют идентичность отраслей и институтов по нормативному содержанию. Каждое национальное право по-своему регулирует сферу сложившихся общественных отношений. Интернациональность рассматриваемого элемента проявляется на уровне констатации факта использования того или иного фактора, который может либо являться объектом регулирования со стороны определенной совокупности норм, либо вообще определять наличие отрасли и института, либо одновременно выполнять две эти роли. Например, фактор «водное пространство», с одной стороны, является объектом регулирования экологических норм, а с другой – устанавливает наличие такого правового института, как институт перевозки водным транспортом, а во многих правовых системах определяет самостоятельную отрасль водного права.

Несмотря на разносистемные понятия отрасли права и правового института разными семьями, не исключено объективное существование однотипных групп общественных отношений, на которые и должны быть направлены регулятивные потенции определенной совокупности норм. Следовательно, в общеправовом смысле отрасль права, как и правовой институт, можно определить как совокупность определенных правил, направленных на упорядочение специфической группы общественных отношений. Данная специфичность будет определяться объектом правового регулирования.

Такая интерпретация отрасли и института не будет отторгнута ни англосаксонской, ни романо-германской системой права, ни традиционным правом религиозно-общинной семьи. Таким образом, интеграция институтов и отраслей осуществляется на уровне сближения однотипного способа упорядочивания однотипной группы общественных отношений. Так, если в романском праве группа имущественных отношений регулируется отраслью гражданского права, то в англо-американском праве эта существующая объективно группа будет регулироваться совокупностью норм, представленных в ряде правовых институтов – трастовом договоре, реальной собственности, залоге и т.д.

Третья форма опосредования иностранного элемента в национальный правотворческий

процесс – создание норм внутригосударственного применения, направленных на регулирование отношений, осложненных иностранным элементом. В первую очередь, речь идет о сфере частного права, на базе которого сформировалась самостоятельная подотрасль международного частного права. Вместе с тем, и публично-правовые элементы не лишены влияния со стороны иностранного компонента в процессе реализации правотворчества. В целом ряде правовых систем имеются национальные акты, специально регулирующие отношения с участием иностранного элемента. Среди частноправовых актов особенно распространены законы о международном частном праве и соответствующие разделы гражданских процессуальных кодексов, определяющих международную подсудность. Так, специальные законы о международном частном праве приняты в Австрии (1978 г.), Венгрии (1979 г.), Швейцарии (1987 г.), Румынии (1992 г.), Италии (1995 г.) и др. В Республике Беларусь действует определенным образом инкорпорированная в Гражданский кодекс система норм, регулирующих международные частноправовые отношения (Раздел VII «Международное частное право»), и отдельно сложилась система норм, определяющих международную подсудность (Раздел X Гражданского процессуального кодекса «Международная гражданская подсудность»).

Применительно к законодательству, регулирующему отношения с иностранным элементом, можно определить следующие существенные черты его модификации.

Во-первых, национальное законодательство, регулирующее отношения с иностранным элементом, будет достаточно сильно дифференцировано по отраслям, что может породить системную несогласованность с компонентом. В таком случае напрашивается вывод: для улучшения качества системных связей и как следствие повышения эффективности системы необходимо отойти от практики создания отраслевых актов, регулирующих отношения с иностранным элементом. Одновременно предлагается публично-правовой компонент регулирования отношений с иностранным элементом включить в конституции или важнейшие конституционные акты, а частноправовой – в гражданские кодексы (уложения) (если речь идет о системах кодифицированного права). Применительно к англо-американской правовой системе предлагается частноправовой компонент включить в нормативное звено права справедливости как наиболее мобильный и современный компонент прецедентной системы.

Во-вторых, национальным субъектам право-

творчества необходимо выработать общую стратегическую концепцию, согласно которой целью работы этих субъектов применительно к созданию регуляторов, направленных на упорядочение отношений с иностранным элементом, должно быть не создание новых норм, разнящихся по своему характеру, что требует осуществления внутренней унификации, а формирование единых «правил игры» в процессе межсистемных отношений как в частной, так и в публичной сфере. В связи с этим особую актуальность приобретает теория автономной квалификации юридических категорий и понятий. В соответствии с ней предлагается трактовать юридические понятия, которыми оперирует коллизионная норма автономно, то есть независимо от внутригосударственного материального права данной страны. Так как коллизионная норма фактически является способом взаимопроникновения одной правовой системы в другую, то наиболее целесообразной в такой ситуации представляется выработка универсальных понятий с определенным юридическим содержанием, применяемых к заранее определенному кругу общественных отношений. Такой подход смог примирить конкурирующие правопорядки государств и сгладить существующие различия при регулировании отношений различными правовыми системами, особенно относящимися к разным правовым семьям. Считаем, что речь могла бы идти о принятии международных договоров или конвенций, в которых договаривающиеся стороны на доктринальном уровне определили бы содержание наиболее употребимых юридических понятий и порядок их толкования. Причем не исключена возможность придания разного содержания одному и тому же понятию в зависимости от сферы его применения. Таким образом, в международно-правовом договоре также необходимо оговорить сферу действия определяемого сторонами понятия.

Закключение. В сфере национального правотворчества иностранный элемент реализуется в трех основных формах: правовой рецепции; создания национальной нормы при учете практики правового регулирования в других системах; создания специальных национальных норм, регулирующих отношения с иностранным элементом.

Правовая рецепция предполагает наличие объекта правового заимствования, под которым предлагается понимать иностранный правовой элемент, создаваемый и рецептируемый из одной правовой системы в другую определенной группой субъектов с целью совершенствования функционирования национальной правовой системы.

Учет иностранной практики правового регулирования схожих общественных отношений обусловлен процессами интегрирования разнотипных правовых основ, к которым предлагается относить: принципы права, правовые принципы, а также отрасли права и правовые институты, традиционные для всех правовых систем.

Разработка специальных норм, направленных на регулирование отношений с иностранным элементом в современных условиях, должна предполагать не создание унифицированных актов, регулирующих данные отношения, а инкорпорацию этих норм в блок публично-правового (первичность закрепления в конституциях или конституционных актах) и частноправового (включение в гражданские кодексы, уложения, нормативные звенья прецедентной системы) характера. Данный процесс не может обойтись без

создания универсальных правовых понятий посредством реализации элементов практики автономной квалификации и использования методологических основ правовой компаративистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский, И.А. История римского права / И.А. Покровский. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. – 532 с.
2. Косарев, А.И. Римское частное право: учебник для вузов / А.И. Косарев. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – 254 с.
3. Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т.: пер. с нем. / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М.: Междунар. отношения, 1998. – Т. I: Основы. – 480 с.
4. Егоров, А.В. Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения / А.В. Егоров. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 207 с.
5. Рубанов, А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем / А.А. Рубанов. – М.: Наука, 1984. – 160 с.

УДК 342

Становление идеи представительного правления на территории Беларуси

М.А. Козак

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Исследование современной структуры представительной власти невозможно без учета опыта и исторически сложившихся традиций в государстве на протяжении продолжительного периода времени.

Целью данной статьи является выявление особенностей развития идей представительного правления и институтов представительства на территории Беларуси.

Материал и методы. Научно-теоретической базой являются труды авторов различных эпох, рассматривающих основы теории представительного правления, а также нормативные акты, закрепляющие результат внедрения теории представительного правления в государственное устройство на территории Беларуси.

При написании статьи был использован историко-правовой метод, который способствовал установлению исторической последовательности становления идеи представительного правления и одновременно выяснению причин возникновения данного процесса и сопровождающих его явлений на территории Беларуси.

Результаты и их обсуждение. В работе анализируются идеи, выдвигаемые французскими правоведом Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, белорусскими мыслителями Ф. Скориной, С. Будным, А. Воланом, Л. Сапегой, К. Калиновским, русскими исследователями М.М. Сперанским, Н.М. Коркуновым, А.И. Герценом, Н.Г. Чернышевским. В статье рассматриваются основные элементы представительной власти, особенности их функционирования на территории Беларуси.

Заключение. Анализ поэтапного развития теории представительности и становления отдельных институтов представительной власти на протяжении нескольких веков дает весьма интересные результаты, которые являются, на наш взгляд, ценными не только с познавательной, но и с практической точки зрения. Структура и способ формирования органов представительной власти зависят от теоретико-правовых идей, одобренных руководством государства. Особенностью развития идеи представительной власти на территории Беларуси являлось то, что она не развивалась постепенно и эволюционно, а менялась в зависимости от того, в состав какого государства входила ее территория и каким идеям отдавалось предпочтение в этом государстве. На данном этапе в науке происходит оценка тех процессов, структур, институтов, которые закрепились и признаны оптимальными в современных условиях.

Ключевые слова: представительное правление, органы представительной власти, представительная власть, идея, теория представительного правления.

Shaping the Idea of Representative Government on the Territory of Belarus

M.A. Kozak

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masharov"

Investigation of the contemporary structure of representative government is not possible without taking into account the experience and historical traditions of the country for an extended period of time.

The aim of this article is to reveal the features of representative government ideas' development and the development of representative government institutions represented on the territory of Belarus.

Materials and methods. The scientific and theoretical basis was works by authors of different epochs, which consider basics of the theory of representative government, as well as normative acts which fix the result of the introduction of the theory of representative government in the creation of Belarusian state.

Historical and legal method was mainly used in the process of writing the article. This approach provides the establishment of the historical sequence in the formation of the representative government idea. At the same time the method promoted understanding of the causes of this process and its phenomena on the territory of Belarus.

Findings and their discussion. Analysis of the phased development of the representation theory and the formation of certain institutions of representative authority during several centuries results in very interesting findings which are valuable both from the cognitive and practical point of view. The ideas of French lawyers Montesquieu, Russo, Belarusian thinkers Skaryna, Budny, Volanus, Sapieha, Kalinowski, Russian researchers Speransky, Korkunov, Herzen, Chernyshevsky are analyzed in the work. The main elements of representative authority, its peculiarities of functioning on the territory of Belarus are reviewed in the article.

Conclusion. The structure and the method of representative power formation depend on the theoretical and legal ideas, approved by the state leadership. The peculiar feature of the development of representative authority in Belarus was the fact that it didn't develop gradually. The development itself varied depending on what part of the state was part of its territory, and which ideas were favored in this state. The estimation of the processes, structures, institutions that were fixed and recognized best in modern conditions take place in science at this stage.

Key words: representative government, representative authorities, representative power, idea, the theory of representative government.

Современный этап развития белорусской государственности можно охарактеризовать как сочетание новых модернизированных концепций и традиционных исторических трактовок при уточнении и обосновании существования представительных институтов власти. В то же время исследование современной структуры представительной власти невозможно без учета опыта и исторически сложившихся традиций в государстве на протяжении продолжительного периода времени.

Целью данной статьи является выявление особенностей развития идей представительного правления и институтов представительства на территории Беларуси.

Материал и методы. Научно-теоретической базой являются труды авторов различных эпох, рассматривающих основы теории представительного правления, а также нормативные акты, закрепляющие результат внедрения теории представительного правления в государствовоительство на территории Беларуси.

При написании статьи нами использовался историко-правовой метод, который способствовал установлению исторической последовательности становления идеи представительного правления и одновременно выяснению причин возникновения данного процесса и сопровождающих его явлений на территории Беларуси.

Результаты и их обсуждение. Началом развития теоретических обоснований народного

представительства в органах власти, в ее демократическом варианте, считают времена Французской революции. В то же время необходимо учитывать, что теория народного представительства развивалась в рамках теории разделения властей, а поэтому можно считать, что ее зарождение происходило в античном мире, совершенствовалось в эпоху средневековья, господствующей мыслью стало лишь в эпоху абсолютизма [1, с. 9].

Так, при обосновании теории разделения властей, французский правовед – философ Ш. Монтескье пришел к выводу, что для реализации принципа разделения властей необходимо создание таких условий, в результате которых «различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [2, с. 289]. Идея представительной власти, реализующая принцип «Законодательная власть должна принадлежать народу», основывалась, в частности, на том очевидном соображении, что поскольку народ непосредственно не может осуществлять законодательную власть, необходимо, «чтобы народ это делал посредством своих представителей» [2, с. 289]. О предназначении представителей Ш. Монтескье писал: «Депутаты являются выборными представителями различных сословий. Именно избираемые представители способны с наилучшим результатом обсуждать государственные вопросы... представительное собрание следует избирать не для того, чтобы оно выносило какие-нибудь активные решения – задача, которую оно не в состоянии хорошо вы-

полнить, – но для того, чтобы создавать законы или наблюдать за тем, хорошо ли соблюдаются законы, которые уже им созданы» [2, с. 293].

Мыслитель французского просвещения Ж.-Ж. Руссо, не отвергая саму идею существования определенного органа, избранного народом и представляющего его интересы, в своих рассуждениях настаивает на том, что «представительный строй есть только вид самоуправления народа и что с ним надо мириться лишь поскольку неосуществимо непосредственное народоправство и поскольку оно не противоречит верховной власти народа» [3, с. 3]. Идеи Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо о необходимости выборного представительного учреждения были положены в основу политической идеологии немецкого идеализма XIX века, представителями которой являются И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Фихте.

Развитие и практическое насыщение теория представительного правления получила в трудах американских мыслителей-конституционалистов А. Гамильтона, Джона Джея и Джеймса Мэдисона. Правовой реализацией этих идей явилась Конституция США 1787 года.

Формирование политических теорий и концепций происходило не только в странах Западной Европы и Америки. Собственные воззрения, своеобразные трактовки европейских идей о политике, власти, государстве возникали и развивались в восточной части Европы, в том числе и в Беларуси.

Для Беларуси выделение этапов развития теории представительного правления определяется, прежде всего, тем, в рамках какого государства находилась ее территория в тот или иной исторический период. Исходя из этого, первый этап развития политических воззрений на проблему народного представительства следует связать с периодом вхождения белорусских земель в состав ВКЛ и Речи Посполитой. Связан этот этап с работами таких мыслителей, как Франциск Скорина, Сымон Будный, Андрей Волан, Лев Сапега, публицистов – как Станислав Сташиц (депутат Сойма), Гуго Коллонтай (глава польской либеральной партии, депутат Сойма) и др.

Сымон Будный в своем самом известном политическом произведении «О светской власти» (1583 г.) выступал за введение в государственную структуру института сословного представительства, который ограничивал бы власть «просвещенного монарха». Орган сословного представительства должен был следить за «установлением порядка в государстве, охрану интересов личности и государства» [цит. по: 4, с. 194]. Л. Сапега, будучи канцлером ВКЛ (1589–1623), много внимания уделял разработке нормативно-правовых актов,

направленных на утверждение принципов народовластия и свободы [цит. по: 4, с. 199].

Андрей Волан в трактате «О политической, или гражданской свободе» 1572 г. изложил свою позицию о необходимости существования в государстве такой формы правления, как монархия, которая должна быть ограничена законом в пользу граждан, их прав и свобод. Идеи профессора Виленской академии А. Олизаровского были схожи с работами Т. Гоббса и Дж. Локка. Они изложены в книге «О политической общности людей» (1651), где народ рассматривается в качестве источника власти и государственности [5, с. 9].

Основные проявления идеи представительства этого времени:

- избрание монарха шляхтой (исключая время действия Конституции 1791 г.), с одной стороны, как реализация принципа ограничения власти главы государства [6, с. 153] представительным учреждением, с другой – как реализация идеи представительства в рамках княжеской или королевской власти;

- наличие сословно-представительного шляхетского парламента – Сейма, который формировался путем избрания на сеймиках и путем назначения епископов, министров, воевод и каштелянов;

- деятельность местных сословно-представительных органов – воеводских и поветовых сеймиков, где «проходили выборы депутатов, давались указы послам (депутатам), заслушивались отчеты о прошедших сеймах, выбирались судьи» [7, с. 19].

Идеи названных мыслителей о развитии конституционных основ представительства нашли свое выражение в принятии Статутов ВКЛ, Конституции Речи Посполитой 1791 года, где был закреплён принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную (артикул 4 Конституции), а также были утверждены структура и полномочия двухпалатного парламента (Сенат и Посольская изба).

Второй этап связан с периодом нахождения Беларуси в составе Российской империи. В 1795 году в результате третьего раздела Речи Посполитой практически все земли Беларуси вошли в состав Российской империи [6, с. 28]. Управление территориями Беларуси осуществлялось на основе российского законодательства и указов Императора [7, с. 28–29]. Это время отмечено трудами таких выдающихся мыслителей, как М.М. Сперанский, Н.М. Коркунов, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский; в последующем свой вклад в развитие идей народного представительства внесли С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич, Б.Н. Чичерин, В.М. Гессен, С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, М.Я. Острогорский, а также

белорусские деятели – Ф. Савич, К. Калиновский, В. Дунин-Марцинкевич, Я. Лучина, А. Гуринович, В. Ластовский, братья А. и И. Луцкевичи.

Идея представительного правления (в рамках модели конституционной монархии) разрабатывалась в России М.М. Сперанским. В своих проектах 1809 и 1827 гг. ученый в качестве основных устоев конституционной монархии определял законность в формировании и деятельности государственных органов и народное представительство в них, главным образом в Государственной думе. Государственная дума, по его мнению, – это выразитель и проводник народного мнения в государстве. М.М. Сперанским были разработаны предложения по созданию двухпалатного законодательного представительного органа, который должен был состоять из Государственной думы и Государственного совета. Взгляды М.М. Сперанского были закреплены в тексте Манифеста об образовании Государственного совета 1810 года [8, с. 232].

Н.М. Коркунов в работе «Указ и закон» пытался применить идею правового государства к условиям русского самодержавия. Отводя институтам народного представительства второстепенную роль, главенствующее значение он придавал независимому и несменяемому суду, который должен «проверять соответствие законов воле народа» [9].

Б.Н. Чичерин, будучи консерватором по своим убеждениям, также, тем не менее, полагал необходимым введение представительных форм правления, в своих трудах прослеживая развитие институтов парламентаризма у европейских народов. Идею народного представительства он исследовал с точки зрения проблемы обеспечения политических и гражданских прав народа в процессе участия его в представительных органах власти.

К. Калиновский политическим идеалом формы правления в государстве считал демократическую республику. Он выступал за отмену разделения общества на классы, обосновал идею социального равенства, настаивал на демократичных способах формирования государственных органов. К. Калиновский положил начало народническому движению в Беларуси, его идеи легли в основу правовых и политических идей многих белорусских мыслителей. Развитие белорусской политической и правовой мысли проходило в тесном взаимодействии с прогрессивной мыслью России и Польши, их правовые течения нашли отражение в теории государственного строительства.

Третий этап – это образование и существование БССР в рамках СССР. Октябрьская революция 1917 г. стала отправной точкой для установления представительного правления на территории

Беларуси. Была создана система органов государства, отвечавшая интересам нового политического режима, которая вошла в историю под именем советской. Советская система государственного управления была основана на теории полновластия Советов, сводилась к единству власти, отказу от «буржуазного» принципа разделения властей и происхождению ее из народного суверенитета – «само народное представительство непосредственно вытекает из принципа народного суверенитета» [10, с. 28]. Советы образовывали систему представительных органов власти, которой была присуща соподчиненность по вертикали и полное взаимодействие по горизонтали [11, с. 27]. Основы концепции советской власти были сформулированы В.И. Лениным, который, в свою очередь, опирался на взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса.

Советская система представительной власти была закреплена в конституционных актах Беларуси советского периода, начиная с первой Конституции Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) 1919 года, Конституциях БССР 1927, 1937 и 1978 гг. Идеи представительной демократии – в советской ее модели – развивались в положениях Конституции 1919 года, которая, в частности, провозглашала: «Вся власть в пределах Социалистической Советской Республики Белоруссии принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах»; «Верховная власть в Социалистической Советской Республике Белоруссии принадлежит Съезду Советов Белоруссии, а в период между съездами – Центральному Исполнительному Комитету».

Съезд Советов в период своей работы являлся высшим представительным и правотворческим органом. Съезд должен был созываться не реже двух раз в год. В период между съездами высшей властью республики являлся ЦИК Белоруссии как высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган [12, с. 187].

Важнейшими новшествами Конституции 1927 г. являлись определение пределов и возможностей законотворческой деятельности высших и центральных органов государственной власти Белоруссии в соотношении с полномочиями аналогичных органов СССР, значительно более подробная регламентация их статуса и деятельности. В Конституции закреплялись конкретные «предметы ведения» верховных и центральных органов БССР. К числу верховных органов власти были отнесены Съезд Советов БССР и ЦИК. Очередные Съезды Советов БССР должны были созываться ЦИК один раз в год. Устанавливалось, что ЦИК ответственен перед Съездом Советов БССР. По Конституции Съезд Советов БССР хотя и получил

определение верховного органа власти, однако не обладал верховенством по всем вопросам творчества. ЦИК БССР являлся законотворческим органом по широкому кругу вопросов. Президиум ЦИК в период между сессиями являлся «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом власти Белорусской Социалистической Советской Республики» [13, с. 131].

Важное значение для развития представительства в стране имела Конституция БССР 1937 г. В ней провозглашалось, что вся власть в БССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся, но все наиболее важные вопросы государственной жизни были отнесены к компетенции СССР. Существенным образом была изменена избирательная система. Провозглашалось, что выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся (Верховный Совет БССР, окружные, районные Советы депутатов и т.д.) осуществляются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Организация высших органов государственной власти претерпела значительные изменения. Прекратила существование система съездов Советов. Законодательная власть стала принадлежать исключительно Верховному Совету БССР. Верховный Совет работал в сессионном порядке и, таким образом, не являлся постоянно действующим органом. Очередные сессии созывались два раза в год. Постоянно действующим высшим органом государственной власти являлся Президиум Верховного Совета [13, с. 133].

Следует отметить, что элементы парламентаризации оставались иллюзорными. Законодательствовал фактически руководящий орган коммунистической партии. На съездах Советов директивам партийных органов лишь придавались юридически принятые формы.

В Конституции БССР 1978 г. прежней осталась система органов государственной власти и управления. Высшими органами государственной власти и управления по-прежнему были Верховный Совет, функционирующий в сессионном порядке, и Президиум Верховного Совета – постоянно действующий орган представительной власти. Верховный Совет БССР как высший орган государственной власти БССР стал «правомочен решать все вопросы, отнесенные Конституцией СССР и настоящей Конституцией к ведению Белорусской ССР», была определена исключительная компетенция Верховного Совета. Таким образом, Основной Закон 1978 г. отдавал приоритет Верховному Совету над всеми остальными органами, относящимися к другим ветвям власти [14].

В трудах советских авторов данного периода можно найти комплексный анализ, обо-

снование и объяснение тех или иных явлений представительства в период развития социалистического государства: С.А. Авакьян, М.В. Баглай, Г.Ф. Басов, Н.А. Волков, А.А. Головкин, Н. Канаплин, А.Н. Крамник, О.Е. Кутафин, В.Ф. Коток, Ю.И. Лейбо, А.Т. Лейзеров, Г.В. Мальцев, А.А. Мишин, В.С. Основин, И. Трайнин, Е.П. Чагина, В.Е. Чиркин и др.

Четвертый этап наступил после образования независимой суверенной Республики Беларусь. Он может быть разделен на два подэтапа: первый – это становление и формирование новой, свободной от советской идеологии, правовой демократической доктрины государства и гражданского общества, где представительные органы функционируют на основе принципов: разделения властей, законности и верховенства права, гласности, выборности, соблюдая принципы всеобщности, равенства, тайности, свободы и т.д. Данный подэтап плавно переходит в последующий, вместе с принятием Конституции 1994 г. и утверждением ее изменений в 1996 году.

Современный этап развития белорусской государственности можно охарактеризовать как сочетание новых модернизированных концепций и традиционных исторических трактовок в уточнении и обосновании существования представительных институтов власти. Вопросу сущности, специфики, представительных органов в современной отечественной и российской юридической литературе уделено значительное внимание, включая диссертационный уровень. Белорусскими и российскими учеными детально исследованы органы государственной власти в целом, различные аспекты функционирования государственно-правового механизма посредством представительных органов, рассмотрены вопросы компетенции, способы формирования, отдельные направления деятельности.

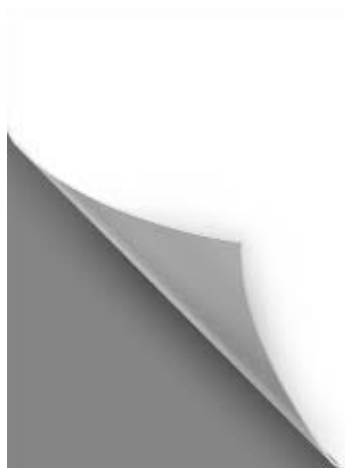
Новый этап в развитии теории представительности в государственном устройстве начался после обретения Республикой Беларусь государственного суверенитета, именно в этот период поиск оптимальной модели устройства государства стимулирует научные изыскания в рассматриваемой области.

Заключение. Анализ поэтапного развития теории представительности и становления отдельных институтов представительной власти на протяжении нескольких веков дает весьма интересные результаты, которые являются, на наш взгляд, ценными не только с познавательной, но и с практической точки зрения. Структура и способ формирования органов представительной власти зависят от теоретико-правовых идей, одобренных руководством государства. Особенностью разви-

тия идеи представительной власти на территории Беларуси являлось то, что она не развивалась постепенно и эволюционно, а менялась в зависимости от того, в состав какого государства входила ее территория и каким идеям отдавалось предпочтение в этом государстве. На данном этапе в науке происходит оценка тех процессов, структур, институтов, которые закрепились и признаны оптимальными в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашмадзе, В.В. Учение о разделении государственной власти и его критика / В.В. Абашмадзе. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1972. – 51 с.
2. Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье; Акад. наук СССР. Ин-т философии; общ. ред. и вступ. ст., проф. М.П. Баскина; примеч. Р.С. Миндлинной. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.
3. Устинов, В.М. Учение о народном представительстве. Идея народного представительства в Англии и Франции до начала XIX в. / В.М. Устинов. – М.: Типография «Печатное дело», 1912. – Т. 1: Идея народного представительства в Англии и Франции до начала XIX в. – XXXIX. – 653 с. – (Юридическая научная библиотека).
4. Саверчанка, І. Сымон Будны – гуманіст і рэфарматар / І. Саверчанка. – Мінск: Універсітэцкае, 1993. – 222 с.
5. Смехович, Н.В. Исторические истоки, этапы становления и развития белорусской государственности (Теоретико-методологическое эссе) / Н.В. Смехович // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 9–25.
6. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996): монография / М.Ф. Чудаков. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 327 с.
7. Представительная демократия в Беларуси. Международные парламентские организации / В.И. Тележников, А.В. Тихомиров, И.В. Шаврук, Т.Л. Евменова. – Минск: Культурн. центр «РАЙ», 1998. – 175 с. – (Институты государственного управления и международного сотрудничества).
8. Овчарова, Т.Н. Политология: курс лекций / Т.Н. Овчарова, В.И. Литвинчук. – Н. Новгород: Изд-во Н. Новгород, 2010. – 232 с.
9. Коркунов, Н.М. Указ и закон: исследование / Н.М. Коркунов. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. – 408 с. – (Докторская диссертация) / [Электронный ресурс] Компания «Консультант Плюс» – Проект «Классика российского права». – 2008. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/307.html>. – Дата доступа: 13.03.2013.
10. Маркс, К. Критика Готской программы (Замечания к Программе Германской рабочей партии) / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 39 т. / Ин-т Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 19: Работы К. Маркса с марта 1875 по май 1883 г.; [подгот. к печати В.С. Выгодский, И.Г. Казьмина]. – С. 9–32.
11. Головкин, А.А. Конституция подлинного народовластия / А.А. Головкин. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1979. – 88 с.
12. История Советской Конституции: (В документах). 1917–1956 / предисл. и общ. ред. проф. С.С. Студеникина. – М.: Госюриздат, 1957. – 1046 с.
13. Очерки по истории государства и права Белорусской ССР / Б.Е. Бабицкий, Ф.И. Гавзе, И.И. Горелик [и др.]; под ред. В.А. Бобкова; Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1958. – Вып. 1. – 241 с.
14. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики: принята на внеочередной сессии Верховного Совета БССР девятого созыва 14 апр. 1978 г.: с изм. и доп., внесен. Законами БССР от 21 июня 1979 г. и 27 окт. 1989 г. – Минск: Беларусь, 1989. – 46 с.

Придорожный сервис в Беларуси: национальный и региональный аспекты

Л.Ф. Трацевская

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова»

Развитие и конкурентоспособность туристской деятельности как на национальном, так и на региональном уровне во многом определяется ее инфраструктурным обеспечением, важнейшей составляющей которого является придорожный сервис.

Цель данной статьи – анализ состояния придорожного сервиса в Республике Беларусь и Витебской области, выявление проблем его функционирования и определение основных направлений его развития на современном этапе.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных ученых-экономистов, статистические данные, характеризующие развитие придорожного сервиса в Беларуси и Витебской области. Основные методы исследования: логико-дедуктивный, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время Республика Беларусь и ее важнейший регион – Витебская область – находятся в зоне влияния оживленных пассажирских и торговых потоков между Евросоюзом и Россией, что создает благоприятные предпосылки как для организации их туристско-экскурсионного обслуживания, так и для развития здесь придорожного сервиса. В то же время уровень обустроенности основных туристско-экскурсионных трасс, расположенных на их территориях, еще нельзя признать приемлемым. При этом развитие системы придорожного обслуживания должно осуществляться не только за счет расширения. Очень важно повышать качество обслуживания участников дорожного движения и доходность сервисных организаций, стараться решать проблемы, с которыми приходится сталкиваться на этом пути.

Заключение. Природный потенциал Беларуси и Витебской области, их географическое положение и путепроводы представляют собой значительную ресурсную базу для развития внутреннего и въездного туризма, а значит, и придорожного сервиса. В то же время его функционирование как на национальном, так и на региональном уровне сопряжено с рядом серьезных проблем, которые необходимо учитывать при развитии современной индустрии туризма. Их решение будет способствовать формированию адекватной современным социально-экономическим критериям системы придорожного обслуживания, расширению ее сервисных возможностей, что позволит оказывать путешественникам по белорусским дорогам разнообразные и качественные услуги.

Ключевые слова: регион, придорожный сервис, туристские услуги, проблемы функционирования, основные направления развития.

Roadside Service in Belarus: National and Regional Aspects

L.F. Tratsevskaya

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

Development and competitiveness of tourist activity, both on national, and at the regional level, in many respects is defined by its infrastructure providing the major component of which is roadside service.

The aim is the analysis of the condition of roadside service in the Republic of Belarus and Vitebsk Region, identification of problems of its functioning and definition of the main directions of its development at the present stage.

Material and methods. As material the works of domestic scientists-economists, statistical data characterizing development of roadside service in Belarus and Vitebsk Region served. Main methods of research: logical and deductive, ascension from abstract to concrete, the analysis and synthesis.

Findings and their discussion. Now Republic of Belarus and its major region – Vitebsk Region are in a zone of influence of brisk passenger and trade streams between the European Union and Russia that creates favorable prerequisites as for the organization of tourist and excursion service of transit streams, and for development of roadside service here. At the same time still it is impossible to recognize as acceptable the level of an equipment of the main tourist and excursion routes located in their territories with the objects of wayside service. Thus development of system of roadside service has to proceed not only due to expansion. It is very important to increase quality of service of participants of traffic and profitability of the service companies, to try to solve problems which it is necessary to face on this way.

Conclusion. Natural capacity of Belarus and Vitebsk Region, their geographical position and overpasses represent considerable resource base for development of internal and entrance tourism, and, thus, roadside service. At the same time its functioning, both on national, and at the regional level, is interfaced to a number of serious problems which need to be considered at development of the modern industry of tourism. Their decision will promote formation of system of roadside service adequate to modern social and economic criteria, expansion of its service opportunities that will allow rendering those travelling on the Belarusian roads various and high-quality services.

Key words: region, wayside service, tourist services, problems of functioning, basic directions of development.

На современном этапе устойчивое экономическое развитие стран и регионов во многом определяется успешным осуществлением на их территориях видов деятельности, способных предложить потребителю не только интересный, актуальный продукт, но имеющих возможность формирования привлекательных условий его использования. Республика Беларусь и ее важнейший регион – Витебская область – также стремятся позиционировать себя в соответствии с этой актуальной тенденцией, что предопределяет особое внимание к развитию здесь туристской деятельности и, в частности, придорожного сервиса.

Важность изучения современного состояния и выявления проблем системы придорожного сервиса в Беларуси и Витебской области определяется значительным уровнем их транзитивности. Ежегодно объекты придорожной инфраструктуры, находящиеся в пределах их территорий, посещаются большим количеством людей, поэтому расположение, количество и состояние данных сервисных организаций сказываются на имидже не только Витебщины, но и Беларуси в целом. Кроме того, как показывает мировой опыт, доходы, которые приносит деятельность организаций, занимающихся придорожным обслуживанием путешественников, являются немаловажным вкладом не только в региональную, но и в национальную экономику, способствуют их развитию. Однако уровень инфраструктурной обустроенности имеющихся здесь основных туристско-экскурсионных трасс нельзя признать соответствующим современным международным требованиям, а значит приемлемым. В то же время подходы к решению данной проблемы, особенно в региональном разрезе, в Беларуси недостаточно разработаны и освещены, что определяет актуальность исследования современного состояния, функционирования и важнейших направлений развития системы придорожного сервиса на национальном и региональном уровне, а значит, и данного научного исследования.

Вследствие обозначенного цель настоящей статьи состоит в изучении состояния, проблем и перспектив развития придорожного сервиса в Республике Беларусь и Витебской области на современном этапе.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных ученых-экономистов, статистические данные, характеризующие развитие придорожного сервиса в Беларуси и Витебской области. В качестве основных методов исследования использовались логико-дедуктивный, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Республика Беларусь – молодое суверенное государство в центре Европы, имеющее богатую многовековую историю и живописные природные ландшафты, сохранившиеся в естественном состоянии. Кроме того, Беларусь положительно выделяется своим транзитным расположением на пересечении оживленных пассажирских и торговых потоков между Евросоюзом и Россией, странами Балтии и Украиной. На протяжении веков белорусские земли выполняли и выполняют функцию своеобразного «моста», способствующего евроазиатскому торгово-экономическому и культурному обмену. В настоящее время Республика Беларусь имеет развитую транспортную систему, способствующую эффективному развитию туристских перевозок. По протяженности и качеству автомобильных дорог она является лидером среди стран СНГ, однако существенно уступает ведущим странам Евросоюза. Протяженность белорусских автомобильных дорог общего пользования составляет 85,7 тыс. км, в том числе 74,3 тыс. км автодорог с твердым покрытием [1]. Средний показатель густоты этого вида дорог составляет 359,6 км на 1 тыс. кв. км, что выводит Республику Беларусь на 15-е место в Европе по их плотности. Среди регионов страны наиболее высокие показатели густоты автодорожной сети с твердым покрытием имеют Гродненская (469,3 км на 1 тыс. кв. км) и Минская (431,8) области. Средним уровнем характеризуются Витебская (364,7), Могилевская (337,7) и Брестская (316,5) области [1].

Наибольшей привлекательностью для туристов обладают автодороги с высокими показателями экскурсионной аттрактивности, вдоль которых в пределах полчасовой транспортной доступности сконцентрировано значительное количество важных объектов природного и историко-культурного наследия. Среди таких магистралей можно выделить следующие: Гродно–Слоним–Кобрин, Брест–Минск–Орша, Витебск–Полоцк–Верхнедвинск, Минск–Лида–Гродно, Брест–Кобрин–Пинск–Туров, Минск–Молодечно–Ошмяны. Данные обстоятельства, а также тот факт, что придорожный сервис может приносить в государственный бюджет Беларуси доход в сумме до 100 млн долларов в год, открывают широкие возможности для развития туризма и свидетельствуют о макроэкономическом значении придорожного обслуживания. Более того, построение эффективной логистической системы в стране также будет невозможно без отлаженного придорожного сервиса.

В Беларуси, как и в других странах, в систему придорожного обслуживания входят объекты, расположенные на придорожной полосе функци-

онирующих дорог и предназначенные для оказания услуг участникам дорожного движения в пути следования. Основными организациями, занимающимися придорожным обслуживанием путешественников в Республике Беларусь, являются мотели, гостиницы, кемпинги, станции технического обслуживания (СТО) и автозаправочные станции (АЗС), мойки, объекты торговли и общественного питания. Особенностью функционирования придорожного сервиса в республике является регулирование его деятельности со стороны государства. Это связано с пониманием его важной роли в развитии национального туризма и с необходимостью улучшения его состояния. Первое упоминание о придорожном сервисе в белорусском законодательстве обозначено 1994 г. В это время был принят Закон Республики Беларусь от 2 декабря 1994 г. № 3434-XII «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности» [2]. Важную роль в регулировании деятельности объектов придорожного сервиса Беларуси играет Указ Президента Республики Беларусь № 270 от 15 мая 2008 г. «О мерах по развитию придорожного сервиса» [3]. Помимо указанных документов к нормативно-правовой базе, регулирующей придорожный сервис, также относится Генеральная схема развития придорожного сервиса на республиканских автомобильных дорогах до 2015 г. [4].

Данными нормативно-правовыми актами установлен ряд преференций для физических и юридических лиц, инвестирующих в объекты придорожного сервиса: оперативное выделение земельных участков, упрощенная процедура оформления проектно-сметной документации, льготное кредитование. При этом на магистральных республиканских автомобильных дорогах с нумерацией «М» или «М/Е» размещение объектов придорожного сервиса осуществляется в местах, предусмотренных упомянутой выше Генеральной схемой. В первоочередном порядке размещение комплексов сервисных услуг должно осуществляться на автомобильных дорогах, входящих в международные транспортные коридоры (II, IX), вблизи таких населенных пунктов, как Брест, Барановичи, Минск, Борисов, Орша, Гомель, Жлобин, Бобруйск, Ошмяны [4]. Кроме того, среди основных требований к размещению объектов придорожного сервиса в Республике Беларусь обозначенные нормативно-правовые документы выделяют следующие: места их нахождения должны быть увязаны с генеральными планами городов; кафе, магазины, гостиницы должны быть обеспечены автомобильными стоянками, контейнерами для мусора, электроснабжением, водоснабжением, канализацией и освещением; должно быть предусмотрено и обязательное ос-

вещение прилегающего к объекту участка автомобильной дороги.

Таким образом, сформированная в Республике Беларусь нормативно-правовая база, регулирующая функционирование системы придорожного сервиса, обладает рядом преимуществ, среди которых можно выделить:

- стабильность;
- минимальное вмешательство государства в работу придорожных сервисных объектов;
- недопущение ухудшения условий их экономической деятельности;
- предоставление значительных налоговых и иных льгот инвесторам в строительство объектов придорожного обслуживания путешественников.

В настоящее время в системе республиканского придорожного сервиса функционирует 341 автозаправочная станция, 166 газозаправочных пунктов, 59 гостиниц, 44 мойки, 84 охраняемые стоянки, 345 предприятий торговли, 454 пункта питания и 90 станций технического обслуживания [5]. Таким образом, среди придорожных сервисных объектов в Беларуси преобладают АЗС, магазины и объекты общественного питания. Ведется строительство и реконструкция еще почти 70 объектов. Основными операторами придорожного сервиса и инвесторами в его развитие в стране выступают концерн «Белнефтехим», Белкоопсоюз, предприятия коммунальной собственности, находящиеся в ведении областных исполнительных комитетов.

Тем не менее, современное состояние системы придорожного обслуживания в Республике Беларусь нельзя признать удовлетворительным. Так, потребность в автозаправочных станциях покрыта на 60%; в объектах, осуществляющих продажу продуктов питания, – на 55%; в охраняемых стоянках – на 50%. Большинство объектов придорожного сервиса страны оказывают потребителям, как правило, всего одну-две услуги, в то время как в Западной Европе – от семи до десяти.

Недостаточная развитость и эффективность функционирования придорожного сервиса в Беларуси, по нашему мнению, вызваны следующими проблемами:

- 1) ограничениями по размещению придорожных сервисных объектов, обусловленными соблюдением государственных интересов и решением социальных задач;
- 2) относительно невысокой интенсивностью автотранспортного движения на республиканских дорогах по мере удаления от населенных пунктов;
- 3) трудностями выделения земельных участков под сервисные объекты, связанными с недостаточной информированностью специали-

стов региональных органов власти по актуальным вопросам развития придорожного сервиса;

4) исключительными случаями и необходимостью согласования любого строительства на землях сельскохозяйственного назначения с Президентом Республики Беларусь;

5) получением одобрения концерна «Белнефтехим», проводящего единую маркетинговую политику в национальном нефтепромышленном комплексе, на строительство автозаправочных станций;

6) отсутствием масштабного кредитования потенциальных инвесторов;

7) недостаточно благоприятной конкурентной средой, что ведет к ухудшению качества и сокращению количества предоставляемых услуг;

8) отсутствием компаний, имеющих возможность создавать сети придорожных сервисных объектов. На наш взгляд, Беларуси целесообразно ориентироваться на зарубежный опыт: объекты нужно возводить комплексно, а услуги придорожного сервиса привязывать к размещению соответствующих объектов через каждые 30–50 км пути;

9) неадекватным в большинстве случаев режимом работы сервисных объектов, в то время как для удобства клиентов они должны функционировать круглосуточно.

Устранению вышеобозначенных проблем, на наш взгляд, могут способствовать следующие мероприятия:

- Совершенствование и стабилизация нормативно-правовой базы, что позволит создать условия для более эффективной работы органов власти всех уровней при выделении земельных участков под строительство объектов придорожного сервиса. Только прозрачность и неизменность правил осуществления хозяйственной деятельности и предсказуемость ситуации в сфере оказания услуг придорожного сервиса позволит привлечь сюда потенциальных инвесторов.

- Повышение качества работы специалистов всех государственных организаций, задействованных в процедуре выделения под сервисные объекты земельных участков, с предполагаемыми инвесторами.

- Привлечение в сферу придорожного сервиса иностранных компаний с их опытом и высочайшими стандартами обслуживания с целью формирования оптимальной конкурентной среды и повышения качества оказываемых услуг.

- Создание более совершенной системы информирования и консультирования автоперевозчиков и других пользователей автодорог о существующей в стране сервисной инфраструктуре и предполагаемом размещении новых объектов придорожного сервиса.

Без реализации данных мероприятий дальнейшее функционирование системы придорожного сервиса в Республике Беларусь вряд ли будет эффективным, и иметь возможность способствовать привлечению туристов и развитию туристической индустрии в стране.

Что же касается регионального аспекта развития придорожного сервиса в Беларуси, то наиболее показательным в этом отношении и проецируемым на другие регионы республики представляется, на наш взгляд, положение дел в данной сфере в Витебской области. Этот важнейший регион Республики Беларусь, занимая 40 тыс. кв. км, находится в ее северной части в среднем течении Западной Двины и верховьях Днепра. Территория Витебщины относится к уникальному природно-географическому комплексу Белорусского Поозерья, благодаря чему регион отличается живописными ландшафтами, где сочетаются холмистые ледниковые возвышенности и прорезанные речными долинами равнины, многочисленные озера, обширные леса и болотные массивы. Помимо привлекательных рекреационных ландшафтов, в Витебской области сконцентрирована большая часть водного рекреационного фонда Республики Беларусь, что обуславливает значительную привлекательность региона для развития различных природно-ориентированных форм туризма (лечебно-оздоровительного, спортивного, экологического, агротуризма, рыболовно-охотничьего) [6]. Кроме того, область в меньшей степени по сравнению с другими областями Республики Беларусь затронута последствиями Чернобыльской катастрофы, что делает ее ключевым регионом перспективного рекреационного освоения.

На протяжении веков благодаря высокой транзитивности своей территории Витебская область выполняла и продолжает выполнять функцию своеобразного коридора, способствующего международному торгово-экономическому и культурному обмену. В настоящее время регион находится в зоне влияния оживленных пассажирских и торговых потоков между Евросоюзом и Россией: его пересекают два из десяти основных трансъевропейских коммуникационных коридоров (трансъевропейские коридоры № 2 Париж–Берлин–Варшава–Брест–Минск–Москва и № 9 Хельсинки–Санкт-Петербург–Витебск–Могилев–Гомель–Киев–Одесса с ответвлением № 9 Б Вильнюс–Минск–Гомель) [7]. Прохождение по территории Витебской области данных транспортных магистралей создает благоприятные предпосылки как для организации туристско-экскурсионного обслуживания транзитных потоков, так и для развития здесь придорожного сервиса.

Система придорожного обслуживания в регионе включает такие объекты, как авто- и газозаправочные станции, станции технического обслуживания, предприятия торговли, стоянки автомобилей, объекты общественного питания, гостиницы и моечные пункты. Представление о структуре и динамике количества объектов придорожного сервиса в Витебской области за последние три года позволяют получить данные, приведенные в таблице 1.

Из данных таблицы 1 следует, что в 2011–2013 гг. участники придорожного сервиса Витебской области были представлены объектами розничной торговли, автозаправочными станциями, объектами общественного питания, гостиницами, моечными пунктами, станциями технического обслуживания, а также прочими сервисными объектами (охраняемыми автостоянками, пунктами медицинской помощи, душевыми, санитарными объектами, пунктами связи). Их развитие отличала положительная динамика: количество

сервисных организаций в 2013 г. по сравнению с 2011 г. возросло на 38 единиц, составив 91 объект. Причиной этому в основном послужило увеличение количества торговых предприятий, автозаправочных станций, объектов общественного питания и прочих объектов придорожного обслуживания.

Что же касается структуры региональной сферы придорожного сервиса, то к концу анализируемого периода среди сервисных объектов, обслуживающих путешественников, доминировали автозаправочные станции (22%), объекты общественного питания (27%), объекты розничной торговли (12%) и прочие объекты (31%). Все они преимущественно находятся в ведении государственного производственного объединения по топливу и газификации «Белтопгаз», концерна «Белнефтехим» и Белкоопсоюза.

Распределение участников системы придорожного обслуживания Витебской области по формам и видам собственности в 2011–2013 гг. отображено в таблице 2.

Таблица 1 – Количество и состав объектов придорожного сервиса в Витебской области в 2011–2013 гг. [8]

Объекты придорожного сервиса	Количество объектов, ед.		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Всего	253	273	291
в том числе:			
объекты розничной торговли	29	32	34
автозаправочные станции	58	60	63
объекты общественного питания	73	75	78
гостиницы	12	12	12
моечные пункты	2	2	2
станции технического обслуживания	9	9	9
прочие сервисные объекты	70	83	93

Таблица 2 – Распределение объектов придорожного сервиса в Витебской области по формам и видам собственности в 2011–2013 гг. [8]

Форма и вид собственности	Количество объектов придорожного сервиса, ед.		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Всего	253	273	291
в том числе:			
государственная	72	72	74
республиканская	58	60	63
коммунальная	73	75	78
частная	12	12	12
прочие виды собственности	2	2	2

Из приведенных данных в таблице 2 следует, что среди объектов регионального придорожного сервиса последние три года преобладали организации частной формы собственности и сложилась тенденция к их росту. Так, если на начало анализируемого периода их количество составляло 72 единицы, то к его концу – уже 78 единиц, или 26,8% всех сервисных объектов. В то же время, учитывая необходимость формирования в сфере придорожного обслуживания адекватной требованиям рыночной экономики конкурентной среды, настоящее их количество нельзя считать приемлемым и оптимальным. Частные сервисные организации в Витебской области пока не могут составить серьезной конкуренции сервисным объектам государственной формы собственности. Данное обстоятельство, на наш взгляд, лишает сферу регионального придорожного сервиса необходимой мобильности в реагировании на изменение рыночной конъюнктуры и не способствует достаточно эффективной хозяйственной деятельности.

В настоящее время (по состоянию на 1 января 2015 г.) в Витебской области функционируют 343 организации, занимающиеся придорожным обслуживанием, что вдвое превысило показатель шестилетней давности. Только за последние четыре года на дорогах Витебщины построены и реконструированы 67 таких объектов. Среди наиболее значимых можно выделить мини-кафе на дороге Р45 в Полоцком районе, кафе на трассе Р3, автостоянку на магистрали Витебск–Орша, автозаправочные станции в Полоцком и Толочинском районах [9].

Особую роль в формировании системы регионального придорожного сервиса, как отмечалось выше, играет концерн «Белнефтехим». Так, находящееся в его ведении предприятие «Белнефть–Витебскоблнефтепродукт», на балансе которого находятся 42 объекта придорожного сервиса, в течение последних четырех лет ввело в строй 15 автозаправочных станций, что позволило открыть 89 новых рабочих мест [9]. Все эти объекты располагают терминалами для расчета за услуги с помощью пластиковых карт, их отличает не только оригинальность архитектурного облика, но и соответствие сервисным международным стандартам, в том числе по доступности для клиентов с ограниченными возможностями.

Природный потенциал Витебской области, ее географическое положение и путепроводы представляют собой значительную ресурсную базу для развития внутреннего и въездного туризма, а значит, и придорожного сервиса. С этой целью была разработана подпрограмма «Пятьсот» Региональной программы инновационного и инвестиционного развития Витебской области на

2011–2015 годы, которая предусматривает создание в регионе развитой туристской инфраструктуры, в том числе строительство и реконструкцию 100 объектов придорожного сервиса.

На сегодняшний день в рамках ее реализации выполнен норматив размещения объектов придорожного сервиса на республиканских дорогах с частотой размещения в 50 км. На важнейшей Полоцкой трассе (Р20) уже введено в строй 5 объектов придорожного сервиса: мини-гостиница на 8 койко-мест, баня и кафе на 25 посадочных мест, магазин, кафе «Метан» на 16 посадочных мест, мини-кафе «Вираз» на 12 посадочных мест и объект шиномонтажа. В 2014–2015 гг. предполагается на пересечении данной трассы с трассой Р46 построить автозаправочную станцию в комплексе с кафе и магазином, автозаправочную станцию с мини-маркетом, а также кафе с мини-маркетом.

Кроме того, по инициативе управления спорта и туризма Витебского областного исполнительного комитета специалисты Витебского центра региональных исследований и разработок создали макеты 3 бизнес-планов организаций объектов придорожного сервиса для потенциальных инвесторов. Эти макеты включают перечень и обоснование мероприятий по созданию придорожного мини-кафе на 12 посадочных мест, кафе с гостиницей на 10 мест, а также придорожного комплекса, включающего кафе на 12 посадочных мест, гостиницу на 10 мест и услуги автосервиса. Помимо этого, в макетах бизнес-планов содержатся характеристика, цели, инвестиционная емкость сервисного объекта и направления использования инвестиций, в них обозначены основные цели, которые будут решены в процессе реализации данных инвестиционных проектов. Особое значение в них имеет стратегия маркетинга, предполагающая предложение высококачественного сервисного продукта. Данные макеты могут быть использованы инициаторами аналогичных проектов, а также органами государственного управления при поиске инвесторов под конкретные сервисные объекты.

В то же время, несмотря на то, что ритмичное выполнение подпрограммы «Пятьсот» позволило в основном сформировать в Витебской области необходимую сеть придорожного сервиса, уровень обустроенности основных туристско-экскурсионных трасс в регионе еще нельзя признать приемлемым. Развитие системы придорожного обслуживания должно продолжаться не только за счет ее расширения. Очень важно повышать качество обслуживания участников дорожного движения и доходность сервисных организаций, стараться решать проблемы, с которыми приходится сталкиваться на этом пути.

Среди них, на наш взгляд, можно выделить:

- недостаточную комплексность оказания услуг в придорожных сервисных объектах, что создает неудобства для клиентов, желающих получить несколько их при обращении в одну организацию придорожного обслуживания;
- малоэффективную рекламную деятельность, недостаточно привлекательно позиционирующую участников придорожного сервиса и оказываемые ими услуги;
- недостаточно благоприятный инвестиционный климат для привлечения не только иностранных, но и отечественных предпринимателей в этот сектор региональной экономики;
- плохую санитарную обустроенность автомобильных дорог и особенно магистралей, входящих в международные транспортные коридоры;
- затруднения с расчетами за оказанные услуги посредством пластиковых карт из-за отсутствия на большинстве сервисных объектов необходимых терминалов и инфокиосков.

Решение обозначенных проблем может быть достигнуто за счет осуществления следующих мероприятий:

- 1) комплексного налаживания придорожного быта путем создания на автодорогах области торгово-логистических центров, предлагающих участникам дорожного движения весь спектр необходимых им услуг;
- 2) формирования комфортных условий для пребывания на магистральных трассах Витебщины водителей-дальнобойщиков. С этой целью необходимо предусмотреть в пределах объектов придорожного сервиса наличие обменных пунктов, мест отдыха и питания, медпунктов, центров развлечений;
- 3) совершенствования рекламной деятельности объектов придорожного сервиса, направленной на информирование потенциальных клиентов о конкурентных преимуществах предлагаемого сервисного продукта, посредством использования интернет-ресурсов и организации презентаций, выставок, туристских конкурсов и конференций. Такая умная, профессиональная реклама будет, по нашему мнению, через рекламирование конкретных объектов придорожного обслуживания способствовать туристической рекламе региона в целом, его природных и исторических достопримечательностей;
- 4) способствования оказанию на придорожных сервисных объектах обслуживания качества европейского уровня с помощью предоставления клиентам возможности пользования услугами WI-FI, душевыми кабинами и парикмахерскими;

5) создания на объектах регионального придорожного сервиса надлежащих условий для комфортных поездок людей с ограниченными возможностями, а для туристов, путешествующих с грудными детьми, – пеленальных комнат;

6) проведения широкой рекламно-информационной кампании с участием как местных органов власти, так и заинтересованных ведомств и организаций с целью привлечения инвесторов в сферу придорожного сервиса Витебщины.

Реализация данных мероприятий позволит не только расширить возможности придорожного обслуживания путешественников в регионе, но и вывести его на современный качественный уровень.

Заключение. Проведенное исследование показало, что Республика Беларусь и Витебская область имеют весомое геополитическое преимущество, способствующее осуществлению здесь конкурентоспособной туристической деятельности. Природный потенциал и система автодорожных коммуникаций, как основные из них, представляют собой значительную ресурсную базу для развития внутреннего и въездного туризма, а значит, и придорожного сервиса. В то же время в ходе исследования удалось выявить ряд серьезных проблем, препятствующих его эффективному функционированию как на национальном, так и на региональном уровне. Эти проблемы связаны с недостаточной инфраструктурной обеспеченностью придорожного обслуживания путешественников (нехваткой объектов питания, временного проживания, бытового обслуживания, терминалов по оплате услуг с помощью пластиковых карт). Особого внимания заслуживают качество оказания путешественникам сервисных услуг и их реклама. Решение обозначенных проблем позволит сформировать адекватную современным социально-экономическим критериям систему придорожного обслуживания путешественников, расширить ее возможности по оказанию качественных услуг с местным колоритом, что станет важнейшим аспектом положительного имиджа как Республики Беларусь, так и Витебщины – одного из самых привлекательных в туристическом отношении ее регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решетников, Д.Г. География туризма Республики Беларусь: учеб.-метод. пособие / Д.Г. Решетников. – Минск: Изд-во «Четыре четверти», 2011. – 320 с.
2. Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности: Закон Республики Беларусь от 2 декабря 1994 г. № 3434-XII: с изм. и доп.: текст по состоянию на 4 января 2014 г. № 130-3 [Электронный ресурс] // Нац. правовой информационный портал Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
3. О мерах по развитию придорожного сервиса: Указ Президента Республики Беларусь от 15 мая 2008 г. № 270: с изм. и доп.: текст по состоянию на 31 января 2013 г. № 47 //

- Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2013.
4. Генеральная схема развития придорожного сервиса на республиканских автомобильных дорогах до 2015 года: утв. М-вом транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь 31 декабря 2010 г., № 106 // Консультант Плюс: Беларусь: Нормативные документы [Электронный ресурс]. – 2009. – № 26. – 7/13173.
5. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 131 с.
6. Трацевская, Л.Ф. Рекреационно-географическое положение Витебской области как фактор развития туризма в регионе / Л.Ф. Трацевская // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – С. 363–365.
7. Трацевская, Л.Ф. Рекреационно-географические особенности туристского потенциала Витебской области / Л.Ф. Трацевская // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 17 окт. 2014 г. – Пинск: УО «Полес. гос. ун-т», 2014. – С. 215–218.
8. О работе объектов придорожного сервиса Витебской области за 2013 г. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. Главное стат. управление Витебской области. – Витебск, 2014. – 26 с.
9. Трацевская, Л.Ф. Современное состояние и проблемы функционирования придорожного сервиса Витебской области / Л.Ф. Трацевская // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XX(67) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 12–13 марта 2015 г.: в 2 т. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – Т. 1. – С. 315–316.

УДК 345.17(286)

Кризис ликвидности как генератор экономического кризиса

Н.А. Дубенецкий*,
Э.В. Коломыс**

**Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

***Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»*

В статье анализируется взаимосвязь между кризисом ликвидности и экономическим кризисом. Авторы доказывают, что кризис ликвидности является причиной экономического кризиса. По мнению исследователей, предвестником наступающего кризиса ликвидности является чрезмерный рост капитализации фондового рынка.

Цель работы – обоснование причинно-следственной связи между кризисом ликвидности и экономическим кризисом.

К задачам относятся:

- установление функциональной связи между капитализацией денежного рынка и эффектом денежного коллапса;
- интерпретация экономического кризиса как следствия кризиса ликвидности;
- оценка эффективности антикризисных мер на примере США.

Материал и методы. Для решения поставленных в исследовании задач использовались статистические и аналитические материалы, находящиеся на тематических интернет-сайтах и в печатных изданиях. В работе применялись исторический и абстрактно-логический методы.

Результаты и их обсуждение. Результатом исследования является установление причинно-следственной связи между кризисом ликвидности и экономическим кризисом.

Заключение. Проведенный анализ кризиса ликвидности на примере США позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, стремительная капитализация фондового рынка – какими бы причинами она не вызывалась – объективно приводит к абсолютному и относительно-му снижению кредитования фирм реального сектора экономики и уменьшению денежного агрегата М1. Во-вторых, снижение величины кредитов для фирм при их высокой процентной доле в составе оборотного капитала может вызвать сокращение национального производства в течение 2–3 лет на 50–70%. В-третьих, антикризисные меры, осуществляемые в рамках «мягкой» монетарной политики, можно признать эффективными в отношении предотвращения экономической депрессии и недостаточно эффективными относительно стимулирования темпов роста ВВП.

Ключевые слова: кризис ликвидности, денежный коллапс, финансовый кризис, экономический кризис, монетарная политика, денежные агрегаты.

Liquidity Crisis as Generator of Economic Crisis

N.A. Dubenetski*,

E.V. Kolomys**

*Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

**Educational establishment "Belarusian State Economic University"

Interaction between liquidity crisis and economic crisis is analyzed in the article. The authors prove that liquidity crisis is the cause of the economic crisis. According to the authors the forecaster of the incoming liquidity crisis is excessive growth of the stock market.

The purpose of the work is grounding the cause and consequence link between the liquidity crisis and the economic crisis.

The problems to solve are:

- establishment of the functional link between capitalization of the monetary market and the effect of the monetary collapse;
- interpretation of the economic crisis as a consequence of the liquidity crisis;
- assessment of the efficiency of anti crisis measures on the example of the USA.

Material and methods. To solve the problems statistic and analytical materials were used in the research available on the thematic Internet sites and in printed media. Historic and abstract and logical methods were used.

Findings and their discussion. The study resulted in establishing the cause and consequence link between the liquidity crisis and the economic crisis.

Conclusion. The analysis of the liquidity crisis on the example of the USA makes it possible to draw the following conclusions. First, fast capitalization of the stock market, whatever its reasons are, objectively results in absolute and relative reduction in crediting companies of the real sector of economy and decrease of monetary aggregate M1. Secondly, reduction of credit volume of companies with their high interest share in the circulation capital can cause 50–70% reduction in the national manufacturing during 2–3 years. Thirdly, anticrisis measures within "soft" monetary policy can be considered efficient regarding prevention of the economic depression and insufficiently efficient regarding stimulation of the rates of GDP growth.

Key words: liquidity crisis, monetary collapse, financial crisis, economic crisis, monetary policy, monetary aggregates.

Современный финансово-экономический кризис предоставил экономистам-теоретикам уникальную возможность – проверить соответствие теорий макроэкономической нестабильности реальной исторической действительности.

Целью статьи является обоснование причинно-следственной связи между кризисом ликвидности и экономическим кризисом.

К задачам относятся:

- установление функциональной связи между капитализацией денежного рынка и эффектом денежного коллапса;
- интерпретация экономического кризиса в контексте концепта кризиса ликвидности;
- оценка эффективности антикризисных мер на примере США.

Материал и методы. Для решения поставленных в исследовании задач использовались статистические и аналитические материалы, находящиеся на тематических интернет-сайтах и в печатных изданиях. В работе применялись исторический и абстрактно-логический методы.

Результаты и их обсуждение. В анализе современного финансово-экономического кризиса сформировались две концепции, которые можно характеризовать как производственно-технологическую (А. Агеев, Е. Логинов, Д. Ряховский и др.) и монетарную (Н. Рубини, Р. Кабальеро, Б. Бернанке и др.). В соответствии с первой кон-

цепцией причины кризиса следует искать в сфере производства, в соответствии со второй – в финансово-денежной сфере. На наш взгляд, вторая концепция выглядит более реалистичной.

В исследовании взаимодействия кризиса ликвидности и экономического кризиса были достигнуты следующие результаты:

- раскрыт эффект денежного коллапса;
- установлена последовательность генерации экономического кризиса;
- предложена интерпретация современного экономического кризиса на примере США.

Эффект денежного коллапса. Объединяющим началом двух великих американских кризисов – 1929 и 2009 гг. соответственно – следует признать чрезмерные темпы капитализации фондового рынка, которые за 2–3 года, предшествовавшие кризису, измерялись двузначным числом.

Не акцентируя внимания на причинах этого явления, можно установить его неизбежные последствия для банковской сферы.

Предположим, что денежная база и официальная норма резервирования остаются неизменными во времени. Тогда ажиотажный рост спроса на ценные бумаги приведет, во-первых, к изменению структуры расчетных депозитов, т.е. таких банковских счетов, по которым осуществляются текущие платежи, и, во-вторых, к уменьшению количества денег в обращении по агрегату M1.

Изменение структуры расчетных депозитов означает, что в пассивах консолидированного баланса коммерческих банков возрастают абсолютная величина и процентная доля расчетных депозитов небанковских финансовых посредников (всякого рода финансовых компаний), которые занимаются спекулятивными операциями на фондовом рынке. Соответственно, абсолютная величина и процентная доля расчетных депозитов фирм реального сектора экономики уменьшаются.

Изменение структуры расчетных депозитов объясняется двумя причинами. Во-первых, фирмы реального сектора экономики активно приобретают ценные бумаги и тем самым объективно уменьшают величину своих расчетных депозитов в пользу расчетных депозитов финансовых компаний. Во-вторых, коммерческие банки уменьшают кредитование фирм реального сектора экономики, трансформируя выдававшиеся им прежде кредиты в ценные бумаги финансовых компаний с большей нормой доходности.

Если бы фактическая норма резервирования по расчетным депозитам совпадала с официальной, устанавливаемой центральным банком, то величина денежного агрегата М1 осталась бы неизменной. Однако специфическая деятельность финансовых компаний приводит к его уменьшению.

Дело в том, что в отличие от фирм реального сектора экономики спекулятивные финансовые компании ежедневно осуществляют платежи, приблизительно равные величине остатков на их расчетных депозитах. Поэтому коммерческие банки объективно должны увеличить сверх официальной абсолютную величину резервов по этим депозитам, чтобы не стать банкротами. Т.е. они должны пойти на добровольное создание избыточных банковских резервов в целях поддержания собственной ликвидности. А появление избыточных банковских резервов по закону убывающей банковской мультипликации приведет к уменьшению денежного агрегата М1, который непосредственно влияет на реальный сектор экономики. Таким образом, чрезмерная капитализация фондового рынка вызывает – при сделанных ранее допущениях – денежный коллапс, т.е. сжатие по закону убывающей геометрической прогрессии денежного агрегата М1.

Рост избыточных банковских резервов, который статистически фиксируется центральным банком, провоцирует его на ложный вывод об избыточной денежной базе: заемщики не хотят брать кредиты. На основании такого ложного вывода центральный банк начинает проводить жесткую монетарную политику, дополнительно углубляя денежный коллапс.

Следствием денежного коллапса является кризис ликвидности, т.е. дефицит денег на расчетных депозитах фирм реального сектора экономики для текущих платежей и расчетов.

Генерация экономического кризиса. Фирмы пытаются преодолеть кризис ликвидности на основе эмиссии квазиденег: векселей и долговых обязательств взаимного коммерческого кредитования. В результате наблюдается рост кредиторской и дебиторской задолженности в составе оборотного капитала. Однако, эмиссия квазиденег не может быть бесконечной: налоги и зарплату необходимо платить абсолютной ликвидностью, которой как раз и не хватает. Поэтому фирмы, лишённые доступного банковского кредита, вынуждены начать массовый выброс на фондовый рынок ранее купленных ими ценных бумаг. Именно синхронность массового предложения ценных бумаг формирует психологический эффект недоверия к их надежности, который реализуется в «черных» вторниках, четвергах и т.п.

Резкое падение биржевых индексов ставит фирмы реального сектора экономики в безвыходное положение: они не могут поддержать прежнюю величину оборотного капитала, который, как показывает статистика, формировался на 50–70% за счет заемных средств.

Кризис ликвидности перерастает в масштабный экономический кризис, т.е. глубокий спад реального производства, и вызывает массовую безработицу.

Интерпретация современного экономического кризиса в США. По такой логической схеме развивался и цикл Великой американской депрессии, и современный финансово-экономический кризис. Величина безработицы в США достигла уровня 25% в 1933 г. при спаде производства на 43%. Современный мировой финансово-экономический кризис вполне вероятно смог бы повторить, если не превзойти «рекорды» 1930-х гг., если бы американское правительство не извлекло уроков из прошлого масштабного кризиса.

Предпосылки экономического кризиса 2008–2009 гг. стали складываться в 1990-х гг. Капитализация фондового рынка в США увеличилась с 1990 по 2008 год со 137 до 148% ВВП, достигнув величины 25 трлн долл. США к середине 2009 г. [1, с. 17].

Уровень капитализации компаний стал отражать не их реальное положение на рынках, перспективы развития, эффективность применения тех или иных маркетинговых стратегий, а готовность финансовых спекулянтов купить финансовые продукты и впоследствии их реализовать, получив доходность от сделок.

Кроме того, предприимчивые менеджеры и владельцы компаний стали использовать фактор «договоренности» с аудиторскими компаниями, которые допускали наличие «токсичных активов» и не препятствовали построению различных «финансовых пирамид» [2, с. 35].

Рост рыночной капитализации фондового рынка сопровождался соответствующим ростом задолженности домохозяйств и фирм, которая на конец 2006 г. составила 26 трлн долл. Из них задолженность фирм – 16 трлн долл. США, задолженность домохозяйств – 10 трлн долл. США [1, с. 19]. Темп роста биржевых индексов с 2003 по 2007 г. составил свыше 60%, т.е. 15% в год при среднегодовом темпе экономического роста в 2,8% за этот период [3].

До 2006 г. рост потребительского спроса поддерживался за счет потребительских кредитов и постоянного роста цен на все активы, в том числе на жилье. Только за 2005 г. рыночная стоимость активов населения выросла на 3,2 трлн долл. США [4].

Бурный рост рыночной капитализации и задолженности обусловлен в том числе и достаточно долгим трендом снижения учетной ставки процента. Руководитель ФРС Алэн Гринспен снизил учетную ставку за период с 2001 по 2004 год с 6 до 1% годовых. Одновременно со снижением учетной ставки ФРС правительство увеличило государственные расходы (при снижении налогов), что обусловило:

- стремительный рост дефицита бюджета (до этого в течение нескольких лет сводимого с профицитом) почти в 2,6 раза, с 158 млрд долл. США в 2001 г. до 412 млрд. долл. США в 2004 г.;

- рост дефицита платежного баланса почти в два раза, с 415 млрд долл. США в 2000 г. до 850 млрд долл. США в 2006 г.;

- рост внешнего долга почти в 2,3 раза, с 3,865 трлн долл. США до 9 трлн долл. США осенью 2007 г. [1, с. 21].

Многokратное снижение учетной ставки и удвоение за 4 года бюджетного дефицита свидетельствуют о стремительной монетизации американской экономики. «Дешевые деньги» способствовали активному росту как на фондовом рынке, где темп роста индексов с 2003 по 2007 г. составил свыше 60%, так и на рынке недвижимости, где темп роста индексов в 2002–2005 гг. составил несколько десятков процентов в год.

Однако, стремительный рост денежной массы в США привел к девальвации американской валюты. С 2002 по 2004 год доллар обесценился по отношению к евро почти в 1,3 раза. В 2002 г. за 1 евро давали 0,87 долл., в 2004 г. – 1,13. Для ев-

ропейских инвесторов американский рынок стал грозить миллиардными убытками (в евро).

Опасаясь галопирующей инфляции и оттока иностранного капитала, руководство ФРС приняло стратегию поддержания стабильного валютного курса доллара. Эффективной мерой стабилизации валютного курса является повышение учетной ставки процента (ставки рефинансирования). И ФРС повысила эту ставку: с 1% на середину 2004 г., до 5,25% к лету 2006 г. [5]. Таким образом, учетная ставка за 2 года повысилась в 5 раз!

Одновременно стал обостряться кризис ликвидности по агрегату М1. В отличие от ранее сделанного допущения о неизменности денежной базы, денежная база в США ежегодно возрастает, что изменяет форму проявления кризиса ликвидности: денежный агрегат М1 может оставаться неизменным или возрастать, но банковский мультипликатор по денежному агрегату М1 будет снижаться. На протяжении 2005–2008 гг. величина денежного агрегата М1 в США оставалась на уровне 1400 млрд долл., а денежная база возросла с 600 до 750 млрд долл. [6]. Таким образом, банковский мультипликатор по денежному агрегату М1 за этот период снизился с 2,33 до 1,87.

Кризис ликвидности перерос в финансовый кризис, т.е. вызвал резкое снижение биржевых индексов летом 2007 г. На рынке акций индекс Доу Джонса, достигший 19 июля 2007 г. рекорда в 14 тыс. пунктов, к 15 августа упал ниже 13 тыс. пунктов [1, с. 13]. Фондовые индексы с октября до конца 2007 г. снизились примерно на 10%. В течение 2008 г. произошло 2-кратное падение биржевых индексов [4].

«Обвал» на финансовом рынке обострил кризис ликвидности. Темп годового сжатия банковского кредита в США не имел аналогов за все 63 года наблюдений ФРС. Общий объем займов за 2008 год уменьшился почти на 10%, хотя в прошлые кризисы он едва сокращался на доли процента, после чего следовал новый резкий взлет [1, с. 24]. В IV квартале 2008 г. в США началась рецессия ВВП и значительно возросла безработица.

Глава ФРС Бен Бернанке выступил за интенсивное накачивание экономики деньгами, предложив даже разбрасывать их с вертолетов, за что получил прозвище «Банни-вертолет». Он заявил, что «монетарные стимулы оправданы по причине слишком низкой инфляции и слишком высокой безработицы» [7].

И ФРС стала проводить политику так называемого «количественного смягчения», увеличив денежную базу с 750 до 2000 млрд долл. [6]. Такая мера значительно повысила ликвидность коммер-

ческих банков и массового их разорения не произошло, как это случилось в период 1929–1933 гг.

Одновременно были приняты меры по санации активов фирм реального сектора экономики.

Эта санация осуществлялась двумя способами:

– путем обмена «токсичных» активов фирм на государственные обязательства с минимальной ставкой дисконта;

– путем реструктуризации задолженности фирм банкам.

Однако, величина «токсичных» активов в США исчисляется триллионами долларов, что растягивает процесс их обновления на многие годы. В свою очередь и реструктуризация задолженности фирм спасает их от немедленного банкротства, но не избавляет от долгового бремени: оплата долгов переносится на более поздний срок.

Значительное уменьшение рыночной капитализации активов фирм реального сектора экономики создало проблему их эффективного кредитования. Для выхода ВВП из рецессии требовалось интенсивное кредитование фирм среднего и мелкого бизнеса. Однако, банки под залог подешевевших активов фирм смогли выдать им далеко не достаточную величину кредитов. Статистика США свидетельствует, что малые предприятия испытывали трудности с получением кредитов. В кредитном исследовании, проведенном в феврале 2010 г. Национальной федерацией независимого бизнеса, говорится, что только 34% малых предприятий сообщили о нормальном и адекватном доступе к кредитам [5].

Сложилась своеобразная патовая ситуация: банки «сидят» на деньгах, а фирмам не хватает оборотного капитала для восстановления докризисного уровня производства и занятости. В итоге, денежный агрегат М1 за 2009 г. увеличился в относительно меньшей степени, чем произошло увеличение денежной базы. Банковский мультипликатор по денежному агрегату М1 оказался в 2009 г. впервые в истории США меньше 1.

Но все же агрегат М1 за один 2009 г. увеличился с 1400 до 1700 млрд долл., т.е. на 21% [1].

Уровень кредитования фирм оказался недостаточным, чтобы предотвратить рецессию ВВП в 2009 г., но оказался достаточным, чтобы не повторить депрессии 1929–1933 гг.

Заключение. Проведенный анализ кризиса ликвидности и экономического кризиса на примере США позволяет сделать определенные выводы.

Во-первых, стремительная капитализация фондового рынка – какими бы причинами она не вызывалась – объективно приводит к абсолютному и относительному снижению кредитования фирм реального сектора экономики и уменьшению денежного агрегата М1.

Во-вторых, снижение величины кредитов для фирм при их высокой процентной доле в составе оборотного капитала может вызвать сокращение национального производства в течение 2–3 лет на 50–70%.

В-третьих, антикризисные меры, осуществляемые в рамках «мягкой» монетарной политики можно признать эффективными в отношении предотвращения экономической депрессии и недостаточно эффективными относительно стимулирования темпов роста ВВП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ряховский, Д.И. Глобальный кризис и переход к новой социально-экономической модели развития / Д.И. Ряховский // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 4(32). – С. 17–25.
2. Перская, В. Дорога, которую нам указывают – или мы выбираем вместе? / В. Перская // Экономические стратегии. – 2009. – № 3. – С. 32–39.
3. Данные Банка России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru>. – Дата доступа: 12.03.2014.
4. Егишиянц, С. Монетарная политика: что, где, почему и когда / С. Егишиянц, А. Потапин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trust.ru>. – Дата доступа: 06.06.2014.
5. Как будет происходить гиперинфляция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slanet.by/abw-neu/> – Дата доступа: 16.01.2014.
6. Статистика денежной массы в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://images.yandex.by/yandsearch?source>. – Дата доступа: 13.01.2014.
7. Бен Бернанке о причинах экономического кризиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finance.tut.by/opinions/iosub/313/>. – Дата доступа: 06.02.2014.

Белорусская экономическая модель в классификации национальных экономических моделей по признаку социальной ориентации экономики

В.А. Янчук

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

В современных условиях актуальными являются исследования, посвященные социальной ориентации национальных экономических систем, учитывающие социальную специфику экономики, ее связь с другими сферами общественной жизни.

Цель статьи – выявление и теоретическое обоснование классификации национальных моделей по признаку социальной ориентации экономики.

Материал и методы. Материалом исследования является экономическая и социологическая литература, где анализируются состояние и динамика национальных экономических систем.

Основные методы: классификация, анализ и синтез, дедукция и индукция, системный подход, выделение социально-экономической матрицы национальных моделей экономики.

Результаты и их обсуждение. На основе признаков, представленных в социально-экономической матрице, в статье выделяются три группы социально ориентированных национальных экономических систем: либеральная капиталистическая, социализированная капиталистическая и социалистически ориентированная.

Полученные результаты обсуждались на научно-практических международных конференциях в Республике Беларусь.

Заключение. Проведенное на основе классификации национальных моделей по признаку социальной ориентации экономики исследование позволяет сделать основной вывод о том, что для Республики Беларусь наиболее перспективной является модель социалистически ориентированной экономики.

Ключевые слова: социальная ориентация экономики, социально-экономическая матрица, либеральная капиталистическая модель, модель социализированного капитализма, социалистически ориентированная модель, белорусская экономическая модель.

Belarusian Economic Model in the Classification of National Economic Models According to Social Targeting of Economy

V.A. Yanchuk

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masharov"

In contemporary conditions studies on social targeting of national economic systems, which consider social specificity of economy, its link with other spheres of social life, become topical.

The purpose of the article is identifying and theoretical grounding of classification of national models according to the feature of social targeting of economy.

Material and methods. Economic and sociological literature, which analyzes the state and the dynamics of national economic systems, became the material of the study.

The main methods are classification, analysis and synthesis, deduction and induction, system approach, identification of a social and economic matrix of national economy models.

Findings and their discussion. On the basis of features which are presented in the social and economic matrix, three groups of socially targeted national economic systems are identified in the article: the liberal capitalist, the socialized capitalist and the socialist oriented.

The findings were discussed at scientific and practical international conferences in the Republic of Belarus.

Conclusion. The study conducted on the basis of the classification of national models according to social targeting of economy makes it possible to conclude that for the Republic of Belarus the model of socialist oriented economy is more perspective.

Key words: social targeting of economy, social and economic matrix, liberal capitalist model, the model of socialized capitalism, socialist oriented model, Belarusian economy model.

Классифицировать национальные экономические системы в современных условиях можно по разным основаниям. В экономической литературе с целью выделения классификаций национальных моделей экономики используются, как правило, такие признаки, как формационный и цивилизационный подходы, технологический уровень развития страны, управляемость и открытость экономики. И каждый из них, на наш взгляд, имеет право на применение. Однако при этом заметим, что в некоторых случаях используются категории, не раскрывающие сущности исследуемых явлений. Так, например, в начале 70-х годов XX века американский социолог Д. Белл предложил следующую классификацию этапов развития общества: доиндустриальное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество. В этой классификации Д. Белл использует две категории практически с нулевым содержанием («доиндустриальное общество» и «постиндустриальное общество»), которые взятые сами по себе не характеризуют ни этап, предшествующий индустриальному обществу, ни этап, следовавший после него. Вышесказанное вовсе не означает, что технологический подход к анализу эволюции макроэкономических систем не имеет права на существование.

Вместе с тем, в исследованиях, посвященных анализу динамики макроэкономических систем, недостаточно представлена, на наш взгляд, классификация национальных моделей по признаку социальной ориентации экономики. Однако в настоящее время неуклонно возрастает роль социального развития человека как фактора экономического роста. Исследования Всемирного банка по 192 странам, например, показали, что в среднем прирост валового национального продукта (ВНП) на 64% определяется приростом человеческого фактора, на 20% – природных ресурсов и только на 16% – физического капитала. Социологи, в первую очередь экономисты, не всегда принимают во внимание то обстоятельство, что экономика, в широком смысле этого слова, социальна уже по определению, так как вне общества и человека она просто не существует. В таком смысле экономика является специфическим социальным процессом, органично связанным со всеми остальными сферами общественной жизни. Утверждение, например, о том, что рыночная экономика должна быть социальной, равносильно лозунгу советских времен «Экономика должна быть экономной». Проблема состоит в том, чтобы определить степень социальной ориентации той или иной национальной экономической системы.

В связи с вышесказанным цель настоящего исследования состоит в том, чтобы разработать

классификацию современных национальных экономических моделей по признаку социальной ориентации экономики, обосновать ее теоретически и показать возможности применения на практике прогнозирования и проектирования социально-экономических систем.

Материал и методы. Материалом исследования является экономическая, политологическая и социологическая литература, посвященная анализу состояния и перспективной динамики современных национальных экономических систем по признаку социальной ориентации.

В работе использовались, в первую очередь, методы классификации, анализа и синтеза, дедукции и индукции, единства исторического и логического, системного подхода, выделения социально-экономической матрицы национальных моделей экономики.

Результаты и их обсуждение. Для определения степени социальной ориентации национальной экономической системы мы вводим такую категорию, как «социально-экономическая матрица национальных моделей экономики». Она представляет собой целостную совокупность сущностных признаков, определяющих в современных условиях степень социальной ориентации национальных экономических систем.

Основными признаками, детерминирующими социальную ориентацию национальной экономической системы, являются:

- тип господствующей в стране собственности на основные ресурсы общества (средства производства, природные, финансовые и информационные ресурсы);
- доминирующий социально-экономический субъект (капиталисты-предприниматели либо все экономически активное население);
- сущностный характер отношений между экономическими субъектами в национальной экономической системе (отношения конкуренции либо сотрудничества, партнерства, солидарности и социальной ответственности);
- механизм координации поведения экономических субъектов (рынок либо централизованное государственное управление);
- характер социальной политики государства. С одной стороны, государство может поощрять стремление граждан к максимизации личной экономической выгоды, создавать для них условия наибольшего благоприятствования, и тем самым способствовать углублению процесса дифференциации населения по доходу и богатству на классы. С другой – оно может создавать условия для интеллектуального, физического, духовного и нравственного развития всего населения страны, стимулируя их трудовую активность.

На основе признаков, представленных в социально-экономической матрице, на настоящем этапе развития мирового хозяйства можно выделить три группы определенным образом социально ориентированных моделей национальных экономических систем: либеральную капиталистическую, социализированную капиталистическую и социалистически ориентированную. Что они собой представляют?

Либеральная капиталистическая модель – это экономическая система, основанная на частной капиталистической форме собственности на основные ресурсы общества, где ведущим экономическим субъектом являются предприниматели-капиталисты, которым государство предоставляет наибольшую экономическую свободу с целью присвоения ими максимально возможной прибыли. Идеалом либерального капитализма является реализация права экономически сильного субъекта на максимально возможное присвоение дохода.

В такой модели между экономическими субъектами господствуют и стимулируются отношения конкуренции, экономическая и социальная роли государства минимальны, в производстве валового внутреннего продукта (ВВП) доминирует частнокапиталистический сектор экономики, невысока ставка подоходного налога. Распределение результатов производства осуществляется, главным образом, по капиталу и цене рабочей силы. В этой модели высока дифференциация населения по доходам и величине личного имущества. Вместе с тем, она подразумевает и минимальную социальную защищенность населения.

Классический пример такой экономической системы – модель США. Основными признаками данной модели являются:

- всемерное поощрение предпринимательской активности с целью извлечения прибыли. В такой экономике предприниматели-капиталисты – образец для подражания, двигатель рыночной экономики, а остальные граждане – актеры второго плана;
- безусловный приоритет частной капиталистической собственности на средства производства, природные, финансовые и информационные ресурсы;
- минимальное государственное регулирование (с законодательным ограничением возможностей государственного вмешательства);
- культивирование отношений конкуренции между различными экономическими агентами. Предполагается, что конкуренция – «живая вода» рыночной экономики. Государство ведет борьбу только с недобросовестной конкуренцией и ограничивает деятельность монополий;
- высокая степень социальной дифференциации. Проблема социальной справедливости

не ставится вообще. Малообеспеченным группам населения гарантируется минимальный уровень жизни с помощью различных льгот и пособий. В структуре госбюджета США затраты на оборону намного превышают социальные расходы.

Страны с либеральной капиталистической экономикой периодически подвергаются экономическим кризисам и экспортируют их в другие страны, что подтверждает и мировой кризис 2008–2009 гг. Главная причина подобных кризисов в либеральной капиталистической экономике определена еще К. Марксом – противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения его результатов. Вышесказанное свидетельствует о том, что либеральная капиталистическая модель как доминанта исчерпала себя и не имеет исторической перспективы.

Модель социализированного капитализма – промежуточная базовая модель. Она присуща, например, многим странам Западной Европы. В ее основе также лежат капиталистические отношения. Капитализм в ней, по мнению ее творцов, «был, есть и будет, но надо придать ему человеческое лицо», которого лишен либеральный капитализм в своем чистом виде. Поэтому государство должно стремиться ликвидировать такие социальные пороки капитализма, как огромное неравенство между людьми по размерам доходов и личного имущества, высокий уровень безработицы и т.д. Для достижения этой цели государство проводит политику социального регулирования, реализуя принципы социального партнерства и солидарности между предпринимателями и наемными работниками. Кроме того, считается, что только государственное регулирование экономики может противостоять негативным внешним эффектам рыночного процесса.

Образцом такой модели является экономика Германии. Основную философию этой модели, получившей название «социального рыночного хозяйства», сформулировал немецкий профессор экономики К. Цинн. Она состоит в том, что «государство обязано заботиться о том, чтобы придать экономической реальности человеческий вид и социальную справедливость» [1, с. 93]. В. Ойкен, другой немецкий экономист, подчеркивал, что «социальная надежность и социальная справедливость являются настоящими требованиями времени... Социальный вопрос все больше превращается в главный вопрос» [2, с. 51].

Модель социализированного капитализма можно определить как экономическую систему, основанную на частной капиталистической собственности на основные ресурсы общества и конкуренции, дополняемую отноше-

ниями социального партнерства, солидарности и ответственности, где доминирующим социально-экономическим субъектом являются предприниматели-капиталисты, которым для получения прибыли предоставляется экономическая свобода, ограниченная определенными социальными обязательствами.

Немецкая модель социального рыночного хозяйства характеризуется следующими основными признаками:

- достижение компромисса между различными социальными группами общества и прямое участие государства в социальном обеспечении граждан;

- наличие развитой конкуренции как условия реализации рыночных механизмов;

- проведение антициклической и антиинфляционной политики, влияние государства на цены, пошлины, технические нормы;

- осуществление принципа социального партнерства между предпринимателями и наемными работниками. Такое партнерство предполагает, в частности, право наемного персонала участвовать в управлении производством, высокую степень защиты от увольнений, ограничение права персонала на забастовки.

Однако и такая модель не исключает жесткой конкуренции, кризисов и большого неравенства в распределении национального дохода и богатства. Подтверждением сказанного являются события в ЕС, где безработица в некоторых странах, например в Греции, достигает более 20%.

Социалистически ориентированная модель – это экономическая система, основанная на общественной форме собственности на основные ресурсы страны и отношениях сотрудничества и взаимопомощи, где главным социально-экономическим субъектом является совокупный работник, а производство совершенствуется с целью интеллектуального, физического, нравственного и духовного развития всего населения.

В этой модели правительством делается попытка направить производство на удовлетворение потребностей не какого-то социального слоя, а всего общества как единого целого. Государство должно так организовывать производство и потребление продукции, чтобы имело место расширенное воспроизводство физически и духовно здорового населения и была обеспечена безопасность страны, народа и личности.

Главными признаками такой модели являются:

- господство общественных форм собственности на основные ресурсы общества. При этом предполагается, что именно государство выражает общенародный экономический интерес;

- доминирование отношений сотрудничества, соревнования, взаимопомощи и кооперации между субъектами хозяйствования над отношениями конкуренции;

- государственное социально-экономическое управление на основе широкого применения программно-целевого метода планирования;

- проведение сильной социальной политики. В ее основе лежит социальное планирование – разработка и реализация государственными органами управления, трудовыми коллективами и общественными организациями системы мер по повышению уровня и качества жизни трудящихся и культуры общества, совершенствованию социалистической демократии, развитию трудовых коллективов.

Классическим примером такой модели была экономика СССР, а в современных условиях – экономики Китая, Вьетнама, Кубы и Северной Кореи.

Экономика СССР была основана на государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной общественных формах собственности на основные ресурсы, составляла единый народно-хозяйственный комплекс, нацеленный на наиболее полное удовлетворение потребностей людей.

Основными признаками экономической и социальной систем, обозначенными в Конституции СССР, были:

- абсолютное доминирование государственной и колхозно-кооперативной форм собственности;

- господствующий экономический субъект – совокупный работник;

- отношения сотрудничества, соревнования, взаимопомощи и кооперации между отдельными работниками, организациями и отраслями;

- сочетание централизованного управления, предполагающего наличие национальных интересов, с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций;

- обязанность каждого способного к труду гражданина – добросовестный труд и соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества;

- гражданам гарантированы права на труд, отдых, охрану здоровья, материальное обеспечение в старости, жилище, образование и др. [3].

Экономическая система СССР, с подачи американских экономистов, получила название административно-командной системы (АКС) и как модель национальной экономики была ретранслирована в постсоветское образовательное пространство, в т.ч. и в белорусскую экономическую

и политологическую литературу, в качестве истины в последней инстанции. На самом деле экономика СССР была централизованно управляемой социалистической экономической системой советского типа. Более глубокая оценка экономической системы СССР выходит за рамки данной статьи.

В настоящее время многие ученые пришли к выводу о том, что важнейшим условием повышения социально-экономической эффективности страны является духовно-нравственное воспитание специалистов. Так, например, известный американский профессор Линвуд Т. Гайгер, специалист в области макроэкономических исследований, в учебнике «Макроэкономическая теория и переходная экономика» [4] в 15 главах из 17 анализирует нравственные проблемы экономической деятельности человека. Речь идет, в частности, о социальной ответственности бизнеса перед обществом по поводу выпуска вредных для здоровья видов продукции, за окружающую среду, создание рабочих мест, выполнение различных социальных программ и т.д. Американские экономисты Р. Хайлбронер и Л. Тароу по этому поводу пишут: «Она (рыночная система. – В.Я.) эффективна и динамична, но совершенно лишена моральных ценностей. Она не признает иных прав на получение товаров и услуг, кроме прав богатства и дохода. Те, кто обладает богатством и доходом, имеют право на получение товаров и услуг, производимых экономикой, те, кто не имеют дохода, не получают ничего... Если твердо придерживаться рыночной системы распределения, мы бы должны были спокойно наблюдать, как вокруг нас люди мрут с голоду» [5, с. 175]. Немецкий исследователь, философ П. Козловски в работе «Принципы этической экономики» приходит к такому же выводу: «В условиях экономики переходного периода следует рассматривать этические условия экономического поведения, так как они не являются, как это зачастую утверждается, роскошью. Скорее они представляют условие эффективности и роста экономики» [6, с. 5]. Более того, этика, мораль, социальная психология, на наш взгляд, не просто влияют на экономику, сама экономика без них невозможна. Развитие экономики – не самоцель. Экономисты должны предлагать альтернативные варианты экономического развития, однако оптимальным должен быть такой вариант, при котором в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается максимум социальной эффективности производства.

Белорусская экономическая модель (БЭМ) стала формироваться во второй половине 90-х годов прошлого столетия. Что она собой представляет?

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 годы она была определена как *модель социально ориентированной рыночной экономики*, сочетающей преимущества современного высокоразвитого рыночного хозяйства с обеспечением социальной справедливости и эффективной социальной защиты граждан [7, с. 4]. Такая формула переходной экономики не учитывает, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, любая экономическая система, в том числе и рыночная, является социально ориентированной. Поэтому речь может идти лишь о степени социальной ориентации такой системы на удовлетворение потребностей общества в целом. А во-вторых, современные национальные экономические системы являются смешанными. В них выделяются рыночная и нерыночная подсистемы, и важная задача государства состоит в том, чтобы найти оптимальное соотношение между ними.

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы белорусская модель, по сути, позиционируется руководством страны как разновидность базовой модели социалистически ориентированной экономики. Об этом, в частности, свидетельствует содержание главной цели социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы – *дальнейшее повышение уровня и качества жизни населения, всестороннее гармоничное развитие человека, создание государства, удобного для людей* [8].

В выступлении Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на встрече со студентами и преподавателями БГУ были выделены основные признаки белорусской экономической модели:

«Во-первых, это социально ориентированная рыночная экономика.

Во-вторых, отказ... от шоковых реформ, приводивших к обнищанию народа, применение эволюционных методов преобразований.

В-третьих, формирование эффективной системы управления – вертикали власти.

В-четвертых, активная организующая и регулирующая роль государства в социально-экономических процессах... Там, где мы можем управлять, там и будем управлять, вникать, и ни в коем случае не будем приватизировать то, что сегодня хорошо работает и приносит результаты.

В-пятых, взвешенная внешнеэкономическая политика, всестороннее сотрудничество с Россией и странами-членами СНГ» [9].

В-шестых, Президент Республики Беларусь также особо подчеркивает важность оптимального использования рыночных методов и элементов перспективного научного прогнозирования, пяти-

летнего социально-экономического планирования с выделением приоритетов государства.

Таким образом, как мы видим, в Беларуси используется позитивный советский опыт социально-экономического планирования.

А вот как определяется основная цель социальной политики в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы: «Повышение уровня и качества жизни населения и создание условий для развития человеческого потенциала на основе повышения эффективности функционирования систем здравоохранения, образования, культуры и других видов деятельности, относящихся к сфере услуг». Реализация подобных целей предполагает социалистически ориентированное государственное управление экономикой.

Важнейшими признаками белорусской экономической модели являются *экономический и социальный патернализм государства*. В Беларуси ведущим предприятиям, попавшим в сложное финансово-экономическое положение, оказывается необходимая помощь. Формы государственного патернализма в хозяйственной практике, естественно, будут модифицироваться, однако в любом случае государство должно защищать перспективные и жизненно важные для национальной экономики производства. Основными направлениями социальной политики в республике являются: создание условий для непрерывного роста благосостояния населения, повышение уровня занятости экономически активного населения, социально эффективное пенсионное обслуживание, регулирование доходов населения, формирование эффективной системы здравоохранения и др.

Выделим и такой признак белорусской модели, как *формирование эффективно-пропорциональной смешанной экономики*. В Республике Беларусь, например, сохраняется мощный государственный сектор, в котором занято около половины всех работающих, а рыночная экономика естественно дополняется нерыночным сектором. В связи с вышесказанным, на наш взгляд, неправильно всю национальную экономику сводить только к рыночной, как это часто делается. Развивать в стране только рыночную экономику – это означает то же самое, что заставлять бегуна бежать на одной ноге и ожидать от него хорошего результата по времени.

Вместе с тем, все более заметным становится то обстоятельство, что рыночный сектор Беларуси уже выходит за допустимые социальной ориентацией пределы. В вузах, например, на платной основе обучаются более 60% всех студентов, тогда как в Германии и Франции их доля составляет около 20%. В этом случае, следовательно, недо-

оценивается значимость образования как отрасли духовного производства, формирующего в т.ч. и инновационное мышление у населения. Между тем, именно качество образования определяет стратегическую социально-экономическую перспективу Беларуси.

Требуется также уточнения содержание такого термина, как «реальный сектор экономики». В этом секторе, оказывается, нет места науке, образованию, здравоохранению и культуре, то есть отраслям, по сути, формирующим человеческий фактор национальной экономики. Согласно такой установке и зарплата работников в этих отраслях существенно меньше по величине, нежели в «реальном секторе». В декабре 2014 г., например, номинальная начисленная средняя заработная плата специалистов системы образования составила 4 млн 798 тыс. руб., что меньше средней заработной платы по стране на 40% с лишним. Такую политику заработной платы, видимо, предполагается проводить и впредь. А ведь качественное образование является ведущим звеном формируемой в настоящее время в развитых странах новой экономики.

Следует, на наш взгляд, четко определить отличие между реальным и виртуальным секторами экономики и сводить виртуальную экономику к минимуму. В состав виртуальной экономики, в частности, входят различные спекулятивные сделки, увеличивающие разницу между реальной и номинальной экономиками. При этом заметим, что экономика «мыльных пузырей», как правило, запускается в США. Еще более века тому назад Вернер Зомбарт заметил, что нет «на свете другой такой страны, в которой массы населения были бы в такой степени вовлечены в процессы спекуляции, как в Соединенных Штатах...» [10, с. 39]. В подтверждение сказанному приведем еще один пример. В 2007 г. финансовый сектор охватывал одну треть прибыли всех американских фирм, хотя «производил» только 3–4% национального дохода [11]. Этот сектор, следовательно, втягивает в себя прибыль, которая создается в отраслях материального производства и, в конечном счете, подобная практика приводит к экономическим кризисам. Таким образом, в либеральной капиталистической системе «хвост» (деньги) «вертит собакой» (реальным сектором экономики), хотя должно быть наоборот.

Противоречит декларируемой в Беларуси модели макроэкономики установленная с позиции либеральных взглядов на экономику фиксированная ставка подоходного налога размером в 13%. В странах, к примеру, с социализированной капиталистической ориентацией экономики она является прогрессивной. Фиксированная ставка

подходного налога не соответствует принципам социальной справедливости и солидарности, которые предполагают перераспределение дохода от богатых к бедным. Такая ставка налога, кроме того, не является автоматическим регулятором циклического развития национальной экономики. Более справедливой и эффективной была бы, к примеру, пятиступенчатая ставка доходного налога: 0%, 10%, 20%, 25% и 30%.

Недостаточно обоснованным, на наш взгляд, является отказ от такого государственного инструмента экономической и социальной политики, как «золотая акция». Эта акция используется для сохранения государственного контроля над приватизируемыми государственными предприятиями, деятельность которых серьезно затрагивает государственные и общественные интересы. Иностранных инвесторов нужно привлекать не любой ценой, а лишь в том случае, если их деятельность соответствует национальной социально-экономической стратегии. В связи с этим представляется полезным для нас китайский опыт. В Китае еще несколько лет назад правительство перестало предоставлять льготы предприятиям с иностранными инвестициями. Теперь иностранные предприятия работают в таких же условиях, как и китайские. В китайскую экономику привлекались, как правило, прямые предпринимательские инвестиции. Банки Шанхая и Гонконга, например, не участвовали в финансовых спекуляциях. Поэтому китайская экономика существенно не пострадала от финансового кризиса в Юго-Восточной Азии в 1997 году и мирового кризиса 2008–2009 гг.

Кроме того, в Беларуси явно преувеличивается роль конкуренции. Дело в том, что отношения между экономическими субъектами могут и должны быть не только конкурентными, но и отношениями сотрудничества, взаимопомощи, кооперации и соревнования, в первую очередь, в государственном секторе и между белорусскими предприятиями за границей. Проверки Госконтроля, в частности, говорят о том, что отечественные производители часто изготавливают продукцию конкурентно способную на внешнем рынке, однако некоторые белорусские потребители склонны приобретать импортные товары. Поэтому следует повысить уровень кооперации и сотрудничества белорусских предприятий, а министерствам и ведомствам необходимо больше координировать их деятельность. Американский специалист по

менеджменту и экономической психологии Эдвард де Боно пришел к выводу, что западная цивилизация одержима системой столкновений, противоборством. Более эффективными являются китайская и японская системы, предполагающие не столкновение, а согласие, сотрудничество, выработку удовлетворяющего все стороны решения [12, с. 129–131].

Заключение. Проведенное нами исследование позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, по признаку социальной ориентации экономики можно выделить классификацию из трех групп национальных моделей: либеральную капиталистическую, социализированную капиталистическую и социалистически ориентированную.

Во-вторых, для Республики Беларусь имманентной менталитету народа и перспективной является модель социалистически ориентированной экономики.

В-третьих, актуальным в современных условиях является включение науки, образования и здравоохранения в реальный сектор экономики и, соответственно, изменение политики оплаты труда в этих сферах народного хозяйства.

В-четвертых, социалистически ориентированной модели экономики в большей мере соответствует прогрессивная динамика ставки доходного налога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цинн, К. Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя в ФРГ: пер. с нем. / К. Цинн. – Минск, 1994.
2. Ойкен, В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. – М., 1995.
3. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1988.
4. Гайгер, Линвуд Т. Макроэкономическая теория и переходная экономика: пер. с англ. / Линвуд Т. Гайгер. – М.: «ИНФРА-М», 1996.
5. Хайлбронер, Р. Экономика для всех / Р. Хайлбронер, Л. Тарроу. – Тверь: «Фамилия», 1994.
6. Козловски, П. Принципы этической экономики: пер. с нем. / П. Козловски. – СПб., 1999.
7. Основные направления социально-экономического развития на 1996–2000 годы. – Минск, 1996.
8. Основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы // Советская Белоруссия. – 2006. – 24 февр.
9. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на встрече со студентами и преподавателями БГУ // Советская Белоруссия. – 2008. – 14 февр.
10. Sombart, W. [1906] Dla czego nie ma socjalizmu w Stanach Zjednoczonych? / W. Sombart. – Warszawa, 2004.
11. Rogoff, K. Dac upust zlej krwi / K. Rogoff // Forum. – 2008. – 22 wiesznia.
12. Боно, Э. Нестандартное мышление: самоучитель: пер. с англ. / Э. Боно. – Минск: ООО «Попурри», 2006.

Исследование туристической привлекательности музеев Витебского региона

Л.А. Леонова

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье дана характеристика музейной сети Республики Беларусь, музейных ресурсов Витебского региона, проведена сегментация музейной аудитории, показаны пути повышения туристической привлекательности музеев Витебского региона на основе музейного маркетинга.

Цель работы – изучение туристической привлекательности музеев Витебского региона и возможностей ее повышения.

Материал и методы. В исследовании использованы статистические годовые и оперативные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Государственного каталога Музейного фонда, Витебского областного исполнительного комитета в разрезе туризма и музейных ресурсов Республики Беларусь и Витебского региона. В процессе работы были использованы методы: описательный для исследования музейной сети страны; сравнительный для изучения музейных ресурсов и потенциала регионов Республики Беларусь в динамике за пять лет; аналитический и метод опроса для изучения туристической привлекательности музеев Витебского региона.

Результаты и их обсуждение. В условиях конкуренции музеям важно делать акцент при разработке стратегии музейного маркетинга не только на реальную, но и на потенциальную аудиторию. Все музеи Республики Беларусь образуют музейную сеть страны. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в музейной сети нашей страны 162 музея. В Витебском регионе насчитывается 27 государственных музейных учреждений и 25 их филиалов. Среди существующих методов исследований музейной аудитории Витебского региона выбран метод опроса в форме анкетирования. Проведенное маркетинговое исследование позволило выделить два целевых сегмента музейной аудитории. Для определения мотивов и потребностей представителей целевых групп была составлена анкета, в которую вошли вопросы и возможные варианты ответов. Проведено исследование мотивов посетителей музеев; источников информации, из которых представители целевых групп узнали о музеях; уровень привлекательности музеев и их комфортности. Музейная аудитория классифицирована на три группы: те, кто не знает о предлагаемом музейном продукте и поэтому не потребляет его; те, кто знает, но не потребляет; те, кто знает и потребляет. Для каждой из этих групп определены оптимальные способы воздействия.

Заключение. Исследование музейной аудитории Витебского региона позволило провести ее сегментацию, выявить ключевые факторы поведения целевых сегментов и мотивы посещения музеев. Оно показало возможности музейного маркетинга для выделенных трех групп потенциальной музейной аудитории, реальность и необходимость использования трех стратегий (завоевательных маркетинговых стратегий, стимулирующих и стратегий, направленных на удержание посетителя и повышение соответствия музейного продукта его ожиданиям) для воздействия на эти группы.

Ключевые слова: музей, музейный потенциал, музейная аудитория, музейный маркетинг, туризм, музейная сетка, туристическая привлекательность.

The study of Tourist Attraction of Vitebsk Region Museums

L.A. Leonova

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

The paper presents the characteristics of the museum grid of the Republic of Belarus, Vitebsk Region museum resources, museum audience segmentation is presented, ways to increase tourist attraction of Vitebsk Region museums based on museum marketing are shown.

The purpose of research is the study of tourist attraction of museums of Vitebsk Region and the possibilities to increase it.

Material and methods. The study uses statistical annual and operational data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, the State Catalogue of the Museum Fund, Vitebsk Regional Executive Committee in the context of tourism and museum resources of Belarus and Vitebsk Region. During the research methods were used: a descriptive study for the museum grid of the country; comparative study of museum resources and potential of the regions of the Republic of Belarus in the dynamics of five years; analytical and questionnaire method to study tourist attraction of museums of Vitebsk Region.

Findings and their discussion. In a competitive environment, it is important to emphasize in the development of museum marketing strategy not only real, but also potential audience. All the museums of the Republic of Belarus form a museum network of the country. According to the National Statistical Committee of the Republic of Belarus there are 162 museums in the museum network. In Vitebsk Region there are 27 state museum institutions and 25 of their branches. Among the existing methods of investigation of the museum audience of Vitebsk Region, the method of the survey in the form of a questionnaire is chosen. The conducted market research helped identify two target segments of museum audiences. To determine the motives and

needs of the target group was a questionnaire was made up, which included questions and possible answers. A study of the motives of museum visitors was conducted, of the sources of information from which the target groups have learned about the museums; of the level of attractiveness of museums and their comfort. The museum's audience is classified into three groups: those who do not know about the proposed museum product and therefore do not consume it; those who know, but do not consume; those who know and consume. For each of these groups best ways of impact were singled out.

Conclusion. The study of museum audience of Vitebsk Region made it possible to segment it, revealed significant factors that influence the behavior of visitors; showed their motives of visiting museums. It showed possibilities of the museum marketing for the three singled out potential museum visitors, reality and necessity in using three strategies (conquering marketing strategies, stimulating ones and those aimed at keeping the visitor and at the increase of the correspondence of the museum product to its expectations) to influence these groups.

Key words: museum, museum potential, museum audience, museum marketing, tourism, museum network, tourist attraction.

Сегодня во всем мире наблюдается тенденция роста значимости музеев, увеличивается их численность и популярность среди туристов. Республика Беларусь не должна стать исключением, так как обладает богатым музейным потенциалом, который хранит нашу историю и неповторимую культуру.

Цель работы – изучение туристической привлекательности музеев Витебского региона и возможностей ее повышения.

Материал и методы. В исследовании использованы статистические годовые и оперативные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Государственного каталога Музейного фонда, Витебского областного исполнительного комитета в разрезе туризма и музейных ресурсов Республики Беларусь и Витебского региона. В процессе работы были использованы методы: описательный для исследования музейной сетки страны; сравнительный для изучения музейных ресурсов и потенциала регионов Республики Беларусь в динамике за пять лет; аналитический и метод опроса для изучения туристической привлекательности музеев Витебского региона.

Результаты и их обсуждение. Музеи не только хранят, экспонируют музейные предметы, но и являются бесценным источником информации. Поэтому в наше время развивается культурно-познавательный туризм, важной частью которого становится посещение музеев. Выделяют различные типы музеев: комплексные, исторические, художественные, краеведческие, этнографические, мемориальные, литературные, технические, архитектурные, научные, отраслевые, музеи предприятий, школ, музеи-заповедники, музеи-квартиры, музеи-усадыбы, музеи-монастыри, под открытым небом, передвижные музеи, экомuzeи и др. Музеи могут различаться по подчиненности, профилю, общественному назначению [2]. Музейные ресурсы направлены на определенную музейную аудиторию, то есть на совокупность всех посетителей музея, включая те группы, которые по ряду причин не входят в орбиту деятельности музея, но являются потенциальными посетителями в будущем.

В условиях конкуренции музеям важно делать акцент при разработке стратегии музейного маркетинга не только на реальной, но и на потен-

циальной аудитории. Для выполнения маркетинговой стратегии развития музея важно детально изучить потенциальную аудиторию, понять характер приоритетов, особенности восприятия музея как социокультурного института, факторы, влияющие на потребителей и их мотивы. Потенциальная аудитория часто разнородна по своему составу, поэтому необходимо выбирать для работы несколько целевых сегментов. Формирование и исследование целевых музейных аудиторий должны быть основаны на стратегии макро- и микросегментации. Макросегментация предполагает деление на сегменты по географическому, психографическому, поведенческому и демографическому признакам, микросегментация детализирует это деление на уровне школьной, городской субкультуры и пр.

Сегодня в мире насчитывают десятки тысяч музейных учреждений. Большинство из них находится в Европе. Самым известным музеем в мире можно назвать Лувр в Париже. Музей Ватикана – самый большой в мире: он включает 1400 залов и 50000 объектов. Один из крупнейших музеев мира – Британский. Он находится в Лондоне и хранит произведения искусства Античной Греции, Междуречья, Античного Рима, Древнего Египта, изделия европейских и азиатских мастеров Средних веков, собрания медалей и монет, гравюр, рисунков, этнографических коллекций. К известнейшим музеям мира можно отнести также Национальный музей науки Японии, музей Метрополитен в Нью-Йорке, музей Прадо в Мадриде, Эрмитаж в Санкт-Петербурге и др.

В Республике Беларусь законодательно определен музейный фонд страны и посредством нормативно-правовых актов регламентируется государственное регулирование музейного туризма. Государственным регулированием сферы туризма в Республике Беларусь занимается Министерство спорта и туризма, в компетенцию которого входит разработка и принятие нормативно-правовых актов по вопросам туризма. Основным документом регулирования туризма, в том числе и музейного, в Республике Беларусь является Закон «О туризме». Деятельность музеев страны регламентируется Министерством культуры Республики Беларусь. Основопологающий документ регулирования – Закон Республики Беларусь «О музеях и Музейном фонде Республики Бе-

ларусь». Сегодня к основным задачам государственной политики в сфере музейного дела относятся: обеспечение самостоятельности музеев как научно-исследовательских и просветительных центров, центров сохранения объектов материальной культуры; обеспечение финансирования деятельности государственных музеев и создание новых музеев; организация системы подготовки и переподготовки кадров музейных работников; помощь музеям в широком информировании населения о их деятельности.

В состав Музейного фонда Республики Беларусь входят: коллекции и отдельные музейные вещи, связанные с важнейшими явлениями и событиями в жизни белорусского и других народов, государства и общества, жизнью и деятельностью государственных, политических, общественных и военных деятелей, деятелей науки, литературы, культуры и искусства, активных участников исторических событий; произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного (в том числе народного), музыкального, театрального и других видов искусства; коллекции и отдельные предметы геологии, палеонтологии, минералогии, фауны и флоры, характеризующие природоведческую историю; рукописи всех видов, включая рукописные и старопечатные книги, антикварные, редкие и особо ценные издания; нумизматические, геральдические, эпиграфические коллекции и отдельные предметы; коллекции оружия и войсковой атрибутики, а также отдельные предметы военной тематики; коллекции предметов из драгоценных металлов и камней, другие предметы, представляющие историческую, научную, художественную и культурную ценность.

Для эффективного учета единиц Музейного фонда при Национальном историческом музее Республики Беларусь в июле 2008 года был создан Центр Государственного каталога Музейного фонда Республики Беларусь. Центр осуществляет ве-

дение в автоматизированном режиме централизованного учета музейных предметов и музейных коллекций музеев Беларуси, которые подлежат передаче в Государственный каталог, разработку унифицированных справочников, словарей, стандартов описания музейных предметов. На 8 декабря 2014 года в Государственном каталоге Музейного фонда Республики Беларусь зарегистрировано 148215 музейных предметов [1].

Все музеи Республики Беларусь образуют музейную сетку страны. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в музейной сетке нашей страны 162 музея (таблица 1).

Согласно данным, приведенным в таблице 1, в 2013 г. по количеству музеев лидирует Гомельская область, ей немного уступает Витебская. Далее следуют Минская и Могилевская области с одинаковым количеством музеев, за ними Брестская, Гродненская области и город Минск. В Витебском регионе насчитывается 27 государственных музейных учреждений и 25 их филиалов. Общий музейный фонд составляет более 530 тысяч экспонатов. Среди них есть раритеты – первая берестяная грамота на территории Беларуси, найденная в Витебске, древние рукописи, золотой клад ювелирных изделий Полоцкого мастера XII века, коллекции монет, медалей, печатей, масонских знаков. Большинство музеев историко-краеведческого профиля. Головным является Витебский областной краеведческий музей, расположенный в здании городской Ратуши [3].

По сведениям Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2013 г. в стране большую часть составляли исторические (43 ед.) и искусствоведческие музеи (14 ед.). Число посетителей музеев в 2013 г. относительно 2005 г. увеличилось и составило 5731 тыс. против 3804 тыс. Количество выставок в 2013 г. относительно 2000 г. увеличилось на 3251 и составило

Таблица 1 – Музейная сетка Республики Беларусь (2000–2013 гг.) [4]

Показатели	2000	2010	2011	2012	2013
Всего музеев, ед.	134	158	160	162	162
В том числе по регионам:					
Брестская область	13	19	20	21	21
Витебская область	28	27	27	27	27
Гомельская область	20	29	29	28	28
Гродненская область	15	17	18	19	19
г. Минск	16	17	17	17	17
Минская область	18	25	25	25	25
Могилевская область	24	24	24	25	25

4997. Однако в 2012 г. количество выставок было еще больше на 147.

В Витебске сегодня работает 5 государственных музеев: Витебский областной краеведческий музей и его филиалы, Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева, музей М. Шагала в Витебске, Витебский городской музей воинов-интернационалистов, Витебский центр современного искусства. Также есть частные музеи, в основном представленные художественными салонами-галереями, и ведомственные, находящиеся в подчинении различных предприятий и организаций. Среди известных музеев и выставок Витебска сегодня можно назвать: музей памяти патриотов Витебщины; Витебский музей воинов-интернационалистов; Витебский центр современного искусства; Духовской круглик; выставочный зал Культурно-исторического комплекса «Золотое кольцо города Витебска “Двина”»; художественный салон-галерея «Стена»; музей истории витебского трамвая; музей Витебского отделения Белорусской железной дороги; пожарно-техническая выставка Витебского областного управления МЧС; музей истории витебского водопровода при УП «Витебскводоканал»; музей кино (музейная экспозиция УП «Киновидеопрокат» Витебского облисполкома) и др.

Музейный потенциал Витебской области, так же, как и потенциал ее областного центра, богат и разнообразен. Действуют музеи разного профиля: краеведческие, исторические, военно-исторические, мемориальные, этнографические, художественные и другие. В Витебской области расположены Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник; музейный комплекс истории и культуры Оршанщины; Браславское районное объединение музеев; Ушачский музей народной славы имени Героя Советского Союза В.Е. Лобанка; Россонский музей боевого содружества; Бегомльский музей народной славы; Лиозненский военно-исторический музей и др.

Исследование туристической привлекательности музеев предполагает изучение целевой аудитории. Важно понять, каковы мотивы, потребности и пожелания посетителей музеев, какие факторы влияют на посещение ими того или иного музея, оправдывают ли музеи ожидания своих посетителей. На первом этапе была сделана выборка музеев Витебского региона на основе включения их посещения в туры, которые предлагают витебские турфирмы. Это позволило классифицировать музеи по частоте их включения в туры турфирмами Витебского региона (таблица 2).

Среди существующих методов исследований музейной аудитории выбран метод опроса в форме анкетирования, являющийся наиболее популярным в музейном маркетинге. Было опрошено 130 музейных посетителей. Исследование структуры музейной аудитории на основе демографических факторов выявило следующую картину: данные по половозрастной структуре показывают, что среди посетителей музеев наиболее высока доля женщин – 61%, доля мужчин составляет 39%. Среди опрошенных больше всего посетителей музеев в возрасте 20–34 лет, что составило около 67% от общего числа. Анализ семейного положения показал, что большинство посетителей не замужем или не женаты. По роду занятий большинство посетителей музеев – учащиеся и специалисты с высшим образованием, также есть рабочие, руководители и предприниматели. Из выборки 41% составили учащиеся, 35% – специалисты, 11% – рабочие, 8% – руководители, 5% – предприниматели.

Проведенное маркетинговое исследование позволило выделить два целевых сегмента музейной аудитории (таблица 3).

Для определения мотивов и потребностей представителей целевых групп была составлена анкета, в которую вошли вопросы и возможные варианты ответов:

Таблица 2 – Классификация музеев Витебского региона на основе их включения в туры

Группа	Музеи
1. Наиболее включаемые в туры музеи	Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, Музей Марка Шагала, музей-усадьба «Здравнево», Витебский областной краеведческий музей, Витебский художественный музей, Оршанский этнографический музей «Мельница»
2. Менее включаемые в туры музеи	Витебский центр современного искусства, выставочный зал Культурно-исторического комплекса «Золотое кольцо города Витебска “Двина”», Музей памяти патриотов Витебщины, Оршанский музей В.С. Короткевича, Мемориальный музей Героя Советского Союза К.С. Заслонова, музей природы Березинского биосферного заповедника, Глубокский историко-этнографический музей, Браславское районное объединение музеев

Источник: собственная разработка автора

Таблица 3 – Сегментация музейной аудитории

Анализируемые показатели	Основные характеристики сегментов	
	Сегмент 1	Сегмент 2
Пол	мужской	женский
Возраст	20–34 лет	20–34 лет
Род занятий	специалист с высшим образованием	студент
Образование	высшее	неполное высшее
Семейное положение	холостой	холостой

Источник: собственная разработка автора

1. Скажите, пожалуйста, что Вас привело именно в этот музей? (интерес к тематике музея; желание посетить временную выставку; желание воспользоваться отдельной услугой музея; желание разнообразить досуг; затрудняюсь ответить)

2. Откуда Вы узнали о музее? (из рекламы; от друзей, знакомых; знал с детства; знал, так как бывал в нем раньше; другие источники информации).

3. Если о музее вы узнали из рекламы, то из какой? (СМИ; интернет; наружная реклама; листовки и буклеты)

4. Получили ли Вы то, чего ожидали от посещения музея? (да; нет, так как ожидал большего; затрудняюсь ответить)

5. Хотели бы Вы в будущем посетить его еще раз? (да; да, но только при условии открытия новой выставки или обновления экспозиции; нет; затрудняюсь ответить)

6. Какие элементы инфраструктуры музея нуждаются, на Ваш взгляд, в улучшении? (удобство подъезда и подхода к музею; возможность приобретения сувениров, книг, буклетов; возможность перекусить; места для отдыха)

7. Какие дополнительные услуги или мероприятия музея наиболее привлекательны для Вас? (акция «Ночь музеев»; организация дополнительных экскурсий (по городу либо выездных); другое (свой вариант).

8. Оцените, пожалуйста, привлекательность музея и комфортность его посещения по следующим параметрам: вежливость персонала и качество обслуживания; уровень цен; удобство ориентирования в залах музея; удобство размещения экспонатов для осмотра; информативность; доступность для понимания; внешний вид здания и благоустроенность территории; дополнительные услуги, мероприятия.

Исследование мотивов посетителей музеев показало, что более половины (56%) опрошенных пришли в музей по причине интереса к тематике музея. Другие мотивы – желание разнообразить досуг (23%); выставка, временно проходящая в музее (11%); желание воспользоваться отдельными услугами музея (10%).

Изучение источников информации, из которых представители целевых групп узнали о музеях, показало, что 42% опрошенных знакомы с музеем с детства. Другие (30%) узнали о музее от друзей или знакомых. 21% опрошенных бывали в музее и раньше, еще 7% узнали благодаря рекламе. Почти все опрошенные, которые назвали источником информации о музее рекламу, отметили наружную рекламу – 93% и лишь 7% – интернет-рекламу.

Исследование привлекательности музеев и их комфортности показало, что наиболее значимым фактором, влияющим на посетителей музеев, оказался уровень цен – 43% опрошенных отметили именно его, причем большинство из них недовольны стоимостью музейного продукта. На втором месте – доступность для понимания (31%). Следующий наиболее значимый фактор – дополнительные услуги и мероприятия (его отметили 17% респондентов).

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что повышение привлекательности и посещаемости музеев является важной задачей, решаемой при использовании методов музейного маркетинга, который позволит повысить привлекательность музеев не только для реальной аудитории, но и для потенциальной. Для выполнения данной задачи можно разделить музейную аудиторию на три группы: те, кто не знает о предлагаемом музейном продукте и поэтому не потребляет его; те, кто знает, но не потребляет; те, кто знает и потребляет. Для каждой из этих групп определим оптимальные способы воздействия (таблица 4).

Таким образом, показаны возможные пути повышения туристической привлекательности музеев Витебского региона. К ним относятся меры, направленные на информирование потенциальных посетителей, повышение привлекательности музейного предложения и соответствия музейного продукта ожиданиям потребителя. Для этого необходимо применять разнообразные способы рекламы, включая использование современных информационных технологий; предлагать дополнительные услуги наряду со стандартными музейными; проводить различные мероприятия, привносящие в музей элемент

Таблица 4 – Возможности повышения туристической привлекательности музеев Витебского региона на основе музейного маркетинга

Группа потенциальной музейной аудитории	Способы воздействия	Предложения для музеев
1. Те, кто не знает о предлагаемом музейном продукте и поэтому не потребляет его	«Завоевательные» маркетинговые стратегии, направленные на информирование потенциальной аудитории и рекламу музейного предложения	1. Использование различных прямых способов информирования: работа с туристскими организациями, раздача листовок и буклетов прохожим, рекламная рассылка, печатная реклама в лифтах домов и др. 2. Создание и развитие интернет-сайта; использование страницы в социальных сетях.
2. Те, кто знает о предлагаемом музейном продукте, но не потребляет	«Стимулирующие» маркетинговые стратегии, направленные на повышение привлекательности музейного предложения	1. Игры, викторины и конкурсы для детей, например, конкурс детского рисунка в музеях художественной направленности (Художественный музей, Центр современного искусства, Музей Марка Шагала, галереи Полоцка и Орши). 2. Предоставление дополнительных услуг: выездные экскурсии по теме музея, проведение праздников и церемоний, предоставление мест для мероприятий и фотосессий. Пример: проведение традиционного свадебного обряда в этнографических музеях, «полевой свадьбы» в военно-исторических музеях
3. Те, кто знает и потребляет музейный продукт	Стратегии, направленные на удержание посетителя и повышение соответствия музейного продукта его ожиданиям	1. Владение всеми сотрудниками музея, с которыми посетитель входит в контакт (включая смотрителей), информацией о музейном здании, экспозициях и выставках, программах музея – для всех музеев региона. 2. Если возможно, наличие небольшого кафе в музее, в основном для музеев, отдаленных от центра города, например музей-усадьба И. Репина «Здравнево» в Витебске

Источник: собственная разработка автора

развлекательности; стремиться сделать информацию в музее более доступной для посетителей, а музейный продукт более качественным.

Заключение. Исследование музейной аудитории Витебского региона позволило провести ее сегментацию, выявить ключевые факторы поведения целевых сегментов и мотивы посещения музеев. Оно показало возможности музейного маркетинга для выделенных трех групп потенциальной музейной аудитории, реальность и необходимость использования трех стратегий (завоевательных маркетинговых стратегий, стимулирующих и стратегий, направленных на удержание посетителя и повышение соответствия музейного продукта его ожиданиям) для воздействия на эти группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный каталог Музейного фонда [Электронный ресурс] / Национальный исторический музей Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.histmuseum.by/ru/new_page_5_1_15837. – Дата доступа: 25.01.2015.
2. Лысикова, О.В. Музеи мира: учеб. пособие к интегрированному курсу «Музеи мира» / О.В. Лысикова. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 128 с.
3. Музеи и историко-культурное наследие [Электронный ресурс] / Витебский областной исполнительный комитет. – Режим доступа: http://www.vitebsk-region.gov.by/ru/soc_sfera/culture/muzei_nasledie. – Дата доступа: 25.01.2015.
4. Пресс-релиз национального статистического комитета РБ «Статистический обзор к Международному дню музеев» [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет РБ. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by>. – Дата доступа: 25.01.2015.

Социально-психологическая адаптация детей с задержкой внутриутробного роста и развития плода как условие успешной социализации личности

С.Н. Занько*, С.Л. Богомаз**,
Т.Н. Ковалевская**

*Учреждение образования «Витебский государственный
ордена Дружбы народов медицинский университет»

**Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются вопросы социализации и социально-психологической адаптации детей, рожденных с задержкой внутриутробного роста и развития плода.

Цель научной работы – изучение особенностей процесса социально-психологической адаптации детей, рожденных с задержкой внутриутробного роста и развития плода на различных этапах онтогенеза личности.

Материал и методы. Набор эмпирического материала проводился на базе детских садов и гимназий города Витебска. В исследовании приняли участие дети раннего, дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста. Для решения поставленных задач были использованы: метод возрастных срезов, анализ продуктов деятельности, метод экспертных оценок, комплексный сравнительный анализ.

Результаты и их обсуждение. Дети, рожденные с задержкой внутриутробного роста и развития плода, характеризуются повышенной тревожностью, неспособностью к принятию определенных социальных ролей, невозможностью справиться с умственными и эмоциональными нагрузками. Возникающее вследствие вышеперечисленных противоречий во взаимодействии с окружающей средой длительное состояние дезадаптации приводит к нарушению психологического здоровья личности.

Заключение. Для успешной социализации и адаптации детей с задержкой внутриутробного роста и развития плода необходимо внедрение новых методов работы, основанных на межсекторальном взаимодействии с учетом полного жизненного цикла.

Ключевые слова: маловесный, маленький для гестационного возраста, личность, онтогенез, социально-психологическая адаптация, социализация.

Social and Psychological Adaptation of Children with IUGR as a Condition of Successful Socialization

S.N. Zanko*, S.L. Bogomaz**,
T.N. Kovalevskaya**

*Educational establishment "Vitebsk State Order of Peoples' Friendship
Medical University"

**Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

Issues of socialization and social and psychological adaptation of children, who were born with intrauterine growth retardation are considered in the article.

The purpose of the work is study the features of the social and psychological adaptation of children, who was born with intrauterine growth retardation at different stages of ontogenesis of the personality.

Material and methods. A set of empirical material was carried out on the basis of kindergartens and high schools of Vitebsk. The study involved young children, pre-school, primary school and adolescents. To achieve the objectives the following has been used: the method of age sections, analysis of the products of activity, method of expert evaluations, and a comprehensive comparative analysis.

Findings and their discussion. Children, who were born with intrauterine growth retardation are characterized by increased anxiety, inability to accept certain social roles, inability to cope with mental and emotional stress. Arising as a result of the above contradictions in the interaction with the

environment the prolonged state of maladjustment leads to violation of the psychological health of the individual.

Conclusion. For successful socialization and integration of children with intrauterine growth retardation it is necessary to introduce new methods of work, based on intersectoral action, taking into account the entire life cycle.

Key words: low birth weight, small for gestational age, personality, ontogeny, social and psychological adaptation, socialization.

Одной из наиболее существенных проблем современной науки является формирование комплекса мероприятий, направленных на развитие полноценной, психологически и физически здоровой личности. Исходя из этого заслуженно вызывает интерес исследователей проблема задержки внутриутробного роста и развития плода (ЗВУР), представляющая собой комплекс морфофункциональных нарушений в фетоплацентарной системе, в результате которых происходит не только нарушение механизмов регуляции функций систем органов новорожденного, но и отклонение процессов социально-психологической адаптации (СПА) и социализации личности на отдаленных этапах онтогенеза [1].

Социализация личности является двусторонним процессом передачи обществом и освоения индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющих индивиду функционировать в данном обществе. Общество, формируя те или иные ценности, предписывает своим членам нормы и конкретные образцы поведения в определенных ситуациях, обуславливает желательное для него общее направление жизнедеятельности людей, вырабатывает систему мер и способы реагирования на поведение людей и их групп, ориентирует их действия и взаимодействие в определенном русле [2]. Несомненно тесная взаимосвязь процессов СПА и социализации личности. Социализированность личности, в зависимости от конкретной групповой ситуации, может стать основой как для адаптированности, так и для дезадаптированности [3]. Многие исследователи указывают на тот факт, что социализация есть процесс интернализации групповых норм, ценностей и форм поведения, а также формирования и закрепления ряда адаптационных процессов [2; 3]. В случае возникновения рассогласованности между социальными адаптациями и интернализациями возникает не только отклонение процесса социализации, но и СПА, что приводит к длительному состоянию дезадаптации и, соответственно, нарушению психологического здоровья индивида [2; 3]. Современное общество нуждается в формировании психологически здоровой адаптивной личности, способной к оптимальной реализации собственных внутренних возможностей и личностного потенциала, характеризующейся чувством внутреннего и внешнего психологического комфорта, ощущением удов-

летворенности собой, окружающими и своей жизнью, способной к самоизменениям, самостоятельности и независимости, принятию норм и требований социума [4]. В связи с этим наиболее оптимальным для изучения вышеописанной проблематики является предложенный ВОЗ подход межсекторального взаимодействия, а также подход с позиций всего жизненного цикла, которые основаны на скоординированных действиях со стороны многих секторов на государственном уровне, таких, как здравоохранение, образование, социальное обеспечение, с учетом потребностей личности на всех этапах жизненного цикла, включая младенческий возраст, детство, отрочество, взрослое состояние и пожилой возраст [5]. Данный подход в полном объеме реализуется и в Республике Беларусь.

Целью нашей работы является изучение особенностей процесса социально-психологической адаптации детей с задержкой внутриутробного роста и развития плода на различных этапах онтогенеза личности.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ГУО «Гимназия № 5 г. Витебска», ГУО «СШ № 33 г. Витебска», ГУО «Гимназия № 9 г. Витебска», ГУО «Сад-ясли № 6 г. Витебска», ГУО «Сад-ясли № 84 г. Витебска», ГУО «Сад-ясли № 16 г. Витебска». В нем приняли участие дети раннего, дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста (n=491). Для изучения особенностей социально-психологической адаптации детей использовались следующие методики: «Обследование детей раннего возраста» (Е.А. Стребелева), «Карта нервно-психического развития детей» (К.Л. Печора), методики изучения готовности и адаптации детей к школе (Т.Л. Павлова, Н.Я. Кушнир), «Диагностика социально-психологической адаптации» (К. Роджерс, Р. Даймонд), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) (А.Г. Маклаков и С.В. Чермянин), «Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний» (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич), методика изучения экспертных оценок (опросник Т.М. Ахенбаха). Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с применением программы Microsoft Office Excel 2007, Statistica 8.0.

Результаты и их обсуждение. Ранний возраст является периодом существенных перемен в жизни ребенка. Происходит бурное развитие следующих психических сфер: речевой, познавательной, двигательной и эмоционально-волевой.

Исходя из этого нами были выбраны методики Е.А. Стребелевой и К.Л. Печора, позволяющие проследить наличие возможных отклонений по основным линиям развития. В исследовании приняли участие 96 детей в возрасте 2,5–3 лет, из них 30 человек – дети с ЗВУР (среднее значение массы тела 2283 ± 267 г), 29 человек – недоношенные, соответствующие по массо-ростовым показателям гестационному возрасту (среднее значение массы тела 2389 ± 302 г), 37 человек – доношенные, соответствующие по массо-ростовым показателям гестационному возрасту (среднее значение массы тела 3303 ± 239 г). Необходимо отметить, что на всех этапах исследования принимали участие дети, родившиеся недоношенными, гестационный возраст которых составляет 34–36 недель, массо-ростовые показатели соответствовали при рождении указанному гестационному возрасту. Мы намеренно не включали в исследование глубоко недоношенных детей, т.к. имеются многочисленные данные, доказывающие наличие глубоких неврологических патологий, физических и психологических отклонений у таких детей.

Анализ полученных данных свидетельствует об отсутствии значимых различий в развитии детей, соответствующих при рождении по массо-ростовым показателям гестационному возрасту и детей с ЗВУР на данном возрастном срезе по всем основным линиям развития: понимаемая и активная речь, сенсорное развитие, игра, движения, навыки, конструктивная деятельность, изобразительная деятельность, социальное развитие ($p \geq 0,05$).

Можно предположить, что это связано с компенсаторным или «догоняющим» ростом, характеризующим процесс усиленного развития после периода замедленного роста. С другой стороны, отсутствие различий между детьми с ЗВУР и их сверстниками, рожденными соответствующими гестационному возрасту, в раннем возрасте и дальнейший срыв компенсаторных возможностей могут быть связаны с интенсивным медицинским сопровождением детей, рожденных с ЗВУР в раннем возрасте, и практически полным отсутствием дальнейшего медико-психолого-педагогического сопровождения детей данной группы на последующих этапах онтогенеза личности. Кроме того, компенсация как биологический процесс носит индивидуальный характер, и поэтому является более узким процессом, чем адаптация, являясь его составной частью. Следовательно, она способствует благоприятному течению периода ранней неонатальной адаптации, не переходя в долговременную адаптацию.

Для изучения особенностей процесса СПА в старшем дошкольном возрасте нами были выбраны методики изучения психологической готовности к обучению в школе, характеризующие

не только академическую, но и социальную, личностную и психологическую сферы развития личности на данном этапе онтогенеза. Изучение психологической готовности к школьному обучению обосновано тем фактом, что от уровня ее сформированности зависит успешность протекания процесса СПА к школе, обучения и дальнейшего развития личности.

Старший дошкольный возраст характеризуется интенсивными изменениями высшей нервной деятельности, развитием когнитивных процессов: памяти, речи, мышления. Происходит расширение кругозора, формирование умения обобщать, развитие воображения. Особое значение приобретает формирование процессов саморегуляции и моральных установок, играющих важную роль для последующего успешного обучения в школе. Таким образом, немаловажное значение имеет не только когнитивная, но и волевая готовность к школьному обучению. Исходя из вышеизложенного, на следующем возрастном срезе для исследования особенностей СПА детей дошкольного возраста мы провели методики определения уровня школьной зрелости Т.Л. Павловой и Н.Я. Кушнир у 90 детей в возрасте 5–7 лет. Объем выборки доношенных детей, соответствующих гестационному возрасту, составляет 30 человек, среднее значение массы тела в данной выборке составляет 3373 ± 305 г, объем выборки недоношенных и маловесных детей составляет по 30 человек в каждой группе, среднее значение массы тела которых соответственно – 2681 ± 705 г и 2298 ± 281 г. Для подтверждения гипотезы об отставании темпов психофизического развития и исключения влияния врожденных пороков и хромосомных болезней, характерных для симметричного варианта ЗВУР, родителям детей, рожденных с ЗВУР, было предложено пройти консультацию у врача-генетика УЗ «Витебский областной диагностический центр». Ни у кого из обследованных детей не было обнаружено хромосомных болезней, оказывающих влияние на психологическое развитие личности.

У дошкольников, рожденных с ЗВУР, выявлены более низкие показатели школьной зрелости, чем у их сверстников, рожденных соответствующими гестационному возрасту: низкий уровень сформированности способностей устанавливать причинно-следственные связи в окружающей среде ($H=11,3$; $p \leq 0,01$), находить обобщающие понятия ($H=12$; $p \leq 0,01$), дошкольная направленность ($H=17,8$; $p \leq 0,01$); низкий уровень сформированности понятий ($H=8,5$; $p \leq 0,05$), умения руководствоваться системой условий задачи, преодолевать отвлекающее влияние посторонних факторов ($H=15,2$; $p \leq 0,01$). Следует также отметить низкий уровень сформированности такого центрального психического новообразования,

являющегося предпосылкой учебной деятельности, как произвольность психических процессов, характеризующая умение подчинять свои действия определенному правилу, выполнять указания взрослого ($H=7,6$; $p \leq 0,05$).

Выявленные результаты подтверждаются данными, полученными в ходе проведения методики Н.Я. Кушнир ($H=14,9$; $p \leq 0,01$) и Т.Л. Павловой ($H=16,7$, $p \leq 0,01$). При этом необходимо отметить, что они практически не отличаются, независимо от выбранной методики. $OR > 1$, что указывает на тот факт, что наличие ЗВУР в анамнезе увеличивает риск развития отклонения в процессе СПА, в частности низкой готовности к обучению в школе ($OR=11,8$ (95% ДИ 2,91–47,45; $p=0,0005$). Исходя из показателей атрибутивного риска можно сделать вывод, что такой фактор риска, как ЗВУР, увеличивает вероятность возникновения низкой готовности к школьному обучению ($AtR=46,6\% \pm 12\%$, $ДИ AtR=46,6\% \pm 24\%$).

Успешность адаптации к первому классу, эффективность принятия новой ситуации развития, усвоения новых социальных ролей и требований зависят от сформированности психологической готовности к школе, и, следовательно, правомерно предположение, что у детей с низким уровнем готовности к обучению в школе процесс адаптации к первому классу будет проходить сложнее и вероятность развития дезадаптации у них выше. Выявленный у детей с ЗВУР низкий уровень личностной, эмоционально-волевой готовности к школе, несформированность некоторых познавательных процессов предполагают, что, оказавшись в новой педагогической среде, дети данной группы не смогут полноценно раскрыть свой личностный, интеллектуальный, физический потенциал вследствие нарушения процесса СПА, неготовности к принятию новой социальной ситуации развития, норм и требований социальной среды. Поэтому следующим возрастным срезом нами был выбран младший школьный возраст. В исследовании приняли участие 105 детей 6–7-летнего возраста, из них 30 респондентов – недоношенные, рожденные соответствующими гестационному возрасту (средняя масса тела 2434 ± 426 г), 31 респондент – дети, рожденные с ЗВУР (средняя масса тела 2240 ± 314 г), 44 респондента относятся к категории детей, рожденных доношенными, соответствующими гестационному возрасту (средняя масса тела 3274 ± 278 г).

Анализ полученных данных позволяет следующим образом описать структуру феномена СПА детей с ЗВУР младшего школьного возраста и предпосылок ее нарушения в старшем возрасте: первоклассники, рожденные с ЗВУР, характеризуются наличием высоких показателей дезадаптации по сравнению с их сверстниками,

рожденными недоношенными ($U=271$; $p \leq 0,01$) и доношенными ($U=359,5$; $p \leq 0,01$), соответствующими гестационному возрасту.

Так, школьная дезадаптация выявлена у 45% респондентов ($n=14$), рожденных маловесными и маленькими для гестационного возраста, у 16% ($n=5$) выявлен частичный уровень адаптации. Таким образом, 61% детей с ЗВУР характеризуется нарушением процесса адаптации разной степени выраженности. У недоношенных детей, рожденных соответствующими гестационному возрасту по массо-ростовым показателям, школьная дезадаптация выявлена в 10% случаев ($n=3$), частичная адаптация в 3% ($n=1$). Среди детей, рожденных доношенными, соответствующими гестационному возрасту, дезадаптация выявлена в 2% случаев ($n=1$) и частичный уровень адаптации выявлен у 9% обследованных ($n=4$).

При диагностике детей, рожденных с ЗВУР, обнаружены несформированность мотивационной сферы ($U=316$; $p \leq 0,01$), преобладающий игровой мотив учения и отрицательное эмоциональное отношение к новой ситуации развития ($U=325,5$; $p \leq 0,01$). Таким образом, говоря об эмоциональной сфере, уже с младшего школьного возраста наблюдается преобладание негативных эмоций, отрицательного отношения к школе, учителю, сверстникам. Отрицательное принятие новой социальной ситуации развития свидетельствует об отклонениях в социальной сфере, т.е. о нарушении процесса социальной адаптации, проявляющихся на данном возрастном этапе развития личности в виде субъективно ощущаемых трудностей в приспособлении к новым социальным условиям.

Поскольку эмоциональный компонент является одним из ведущих в процессе формирования ситуации успеха, а также оказывает существенное воздействие на процесс социализации, можно предположить, что формирующееся под влиянием негативных эмоций чувство эмоционального дискомфорта, неуспешности в последующем будет служить предпосылкой формирования необоснованных страхов, тревожности, нежелания посещать школу, трудностей в общении со сверстниками, и соответственно, нарушения процесса социализации. Другим, не менее важным показателем отклонения процесса СПА является выявленный низкий физиологический компонент, который характеризуется частыми простудными заболеваниями, повышенной утомляемостью ($U=335,5$; $p \leq 0,01$), что свидетельствует о низкой работоспособности и истощении. Преобладающий уровень переутомления и усталости, выявленный у детей с ЗВУР, говорит о том, что нагрузки непосильны для ребенка. Перевозбуждение является показателем того, что дети работают на пределе своих

возможностей, что приводит к истощению, в то время как среди их сверстников, рожденных соответствующими гестационному возрасту, преобладающим является оптимальный физиологический компонент. Это, в свою очередь, свидетельствует о соответствии нагрузок возможностям детей, их оптимальной работоспособности и способности восстанавливать энергозатраты.

Следовательно, правомерно заключение, что у детей, рожденных с гипотрофией, не происходит компенсации дезадаптационных показателей, выявленных в дошкольном возрасте. Исходя из оценки отклонения процесса СПА в различных сферах активности личности, наибольшие отклонения обнаружены в социальной и личностной сферах. Проведенные с дошкольниками и младшими школьниками с ЗВУР исследования позволили выявить как отсутствие различий со сверстниками в когнитивном развитии, так и тот факт, что нарушение роста и развития плода затрагивает весь комплекс адаптационных механизмов, приводя к отклонениям СПА ребенка на ранних этапах онтогенеза.

Поскольку на предыдущем этапе исследования мы выявили наличие у детей с ЗВУР школьной дезадаптации, тревожности, страхов, признаков гиперактивности и импульсивности, нами была сформулирована гипотеза усугубления дезадаптивных проявлений на более поздних этапах онтогенеза, ограничивающих раскрытие внутреннего потенциала развивающейся личности.

В исследовании участвовали ученики 6–8 классов ($n=103$) ГУО «Гимназия № 5 г. Витебска», ГУО «СШ № 33 г. Витебска», ГУО «Гимназия № 9 г. Витебска», воспитывающиеся в семье. Из них 31 человек – дети, рожденные с ЗВУР (масса тела 2265 ± 267 г), 34 человека – дети, рожденные недоношенными, соответствующими по массовым показателям гестационному возрасту (масса тела 2446 ± 219 г) и 38 человек – доношенные, соответствующие гестационному возрасту (масса тела 3236 ± 352 г).

Мы зафиксировали, что в возрасте 11–14 лет ранг показателей дезадаптивности резко возрастает, приводя к нарушению общения со сверстниками, ухудшению успеваемости, эскапизму (уходу от проблем), враждебности по отношению к окружающим. В ходе проведенного исследования был выявлен высокий показатель дезадаптивности – 51,61% случаев ($n=16$), по сравнению с недоношенными ($U=52$; $p \leq 0,01$) – 8,82% случаев ($n=3$) и доношенными детьми ($U=102$; $p \leq 0,01$) – 13,16% случаев ($n=5$), соответствующими гестационному возрасту. Высокие показатели дезадаптационных расстройств обусловлены наличием таких негативных показателей, как неприятие себя ($U=130,5$; $p \leq 0,01$) – 38,71% случаев ($n=12$), неприятие других

($U=123$; $p \leq 0,01$) – 29,03% ($n=9$), эмоциональный дискомфорт ($U=221,5$; $p \leq 0,01$) – 51,61% ($n=16$), эскапизм ($U=100$; $p \leq 0,01$) – 48,39% ($n=15$). Данные показатели у недоношенных и доношенных детей, рожденных соответствующими гестационному возрасту, встречаются в 2–3 раза реже, что говорит об ухудшении дезадаптационных расстройств, выявленных на более ранних этапах онтогенеза (в дошкольном и младшем школьном возрасте).

Таким образом, по данным показателям, дети с ЗВУР отличаются от своих сверстников, рожденных недоношенными ($p \leq 0,01$) и доношенными ($p \leq 0,01$), соответствующими гестационному возрасту. Также необходимо отметить, что значимых различий между детьми, рожденными недоношенными и доношенными, соответствующими гестационному возрасту, не выявлено ($p=0,4442$). Наиболее высокие показатели зафиксированы по наличию таких негативных явлений, как эмоциональный дискомфорт ($\chi^2=17,2178$, $df=2$, $p=0,000183$), эскапизм ($\chi^2=32,7831$, $df=4$, $p=0,000001$), дезадаптивность ($\chi^2=20,0789$, $df=2$, $p=0,000044$), что указывает на нарушение общения, трудности в проявлении «надситуативной» активности, отсутствие чувства эмоциональной уверенности и защищенности, уход от проблем в мир иллюзий и фантазий. $OR > 1$, что указывает на тот факт, что наличие ЗВУР в анамнезе увеличивает риск развития дезадаптации по сравнению со сверстниками, рожденными доношенными, соответствующими гестационному возрасту ($OR=9$; 95% ДИ 2,8–29,7; $p=0,0002$), и недоношенными, соответствующими гестационному возрасту ($OR=14,3$; 95% ДИ 3,6–57; $p=0,0002$).

На основе анализа отклонений процесса СПА по наиболее значимым сферам активности личности выявлено, что в возрасте 11–14 лет значительные отклонения наблюдаются в социальной и личностной сферах, которые являются наиболее значимыми в данном возрастном периоде, что, несомненно, оказывает воздействие на психологическое здоровье личности.

Исходя из этого четвертым этапом нашего исследования стала проверка выдвинутой гипотезы о нарушении процесса СПА на более отдаленных этапах онтогенеза, соответственно на следующем возрастном срезе – старший подростковый возраст (14–17 лет), учащиеся 9–11 классов. В исследовании приняли участие 97 учащихся 9–11 классов ГУО «Гимназия № 5 г. Витебска», ГУО «СШ № 33 г. Витебска», ГУО «Гимназия № 9 г. Витебска», воспитывающихся в семье. Из них 30 человек – дети, рожденные с ЗВУР (масса тела 2245 ± 379 г), 30 человек – дети, рожденные недоношенными, соответствующими по массовым показателям гестационному возрасту (масса тела 2385 ± 397 г), и 37 человек – доношенные, со-

ответствующие гестационному возрасту (масса тела 3281 ± 337 г). Говоря о критериях успешности протекания процесса СПА необходимо отметить, что одним из наиболее важных критериев успешной адаптации является отсутствие тревожности и сформированность на достаточном уровне коммуникативных умений и навыков. Полученные данные свидетельствуют о том, что для большинства детей с ЗВУР характерна высокая замкнутость ($U=219,5$; $p \leq 0,01$), тревожность ($U=192$; $p \leq 0,01$), проблемы с вниманием ($U=140$; $p \leq 0,01$) и как следствие отклонений в процессе СПА – нарушение процесса социализации ($U=241$; $p \leq 0,01$). Статистически значимые различия выявлены также и по сравнению с недоношенными, рожденными соответствующими гестационному возрасту, по таким показателям, как замкнутость ($U=153$; $p \leq 0,01$), тревожность ($U=153$; $p \leq 0,01$), нарушение процесса социализации ($U=165$; $p \leq 0,01$), проблемы с вниманием ($U=142,5$; $p \leq 0,01$). $OR > 1$, что указывает на тот факт, что наличие ЗВУР в анамнезе увеличивает риск нарушения социализации по сравнению со сверстниками, рожденными доношенными, соответствующими гестационному возрасту ($OR=5,03$; 95% ДИ 1,7–14,6; $p=0,0030$), и недоношенными, соответствующими гестационному возрасту ($OR=29,5$; 95% ДИ 6,8–127; $p \leq 0,0001$).

Исходя из анализа отклонений процесса СПА по наиболее значимым сферам активности личности выявлено, что в возрасте 14–17 лет значительные отклонения наблюдаются как в академической, так и в социальной и личностной сферах, что позволяет предположить наличие не только отклонений в межличностном взаимодействии, но и в дальнейшей самореализации, личностном росте и профессиональном самоопределении.

Таким образом, в результате незнания и отсутствия возможности развития своего внутреннего потенциала не происходит осознанного выбора человеком своего места в системе социальных отношений, достижения личностью высокого уровня развития и, соответственно, становления личностной зрелости. Нарушения самореализации имеют значение как для отдельной личности, характеризуясь отсутствием личностного роста и развития, отклонения от нормы психологического здоровья, но и для общества в целом – проявляясь отсутствием социально одобряемых примеров личностного развития, оказывающих влияние на стабилизацию общества и повышение его социального капитала. Несомненно, что для современного уровня развития общества необходимо формирование креативной личности с активной жизненной позицией, готовой к инновациям, быстро и эффективно адаптирующейся к динамично изменяющимся условиям без длительных психологических перегрузок. В связи с этим данные вопро-

сы, особенно в отношении детей с ЗВУР, требуют глубокого, аналитического исследования.

Закключение. Дети с ЗВУР имеют медико-социальные и психологические особенности, находящиеся в тесной взаимосвязи с нарушениями социально-психологической адаптации, которые могут неблагоприятно влиять на успешность самореализации и социализации личности. Выявленные на ранних этапах развития дезадаптационные проявления с течением времени усугубляются, вызывая нарушение социального взаимодействия, что приводит к своеобразной дискриминации полноценных в интеллектуальном и физическом развитии подростков, их отвержению более успешными сверстниками, увеличению социальной дистанции по отношению к ним, невозможности раскрытия своего потенциала, самореализации и нахождения места в обществе. На фоне сохранного интеллекта и отсутствия значимых соматических проблем дети с ЗВУР входят в группу сниженной адаптации и характеризуются наличием высокого уровня дезадаптационных нарушений. Отклонения от нормы в развитии маловесных и маленьких для гестационного возраста детей выявляются при достаточно длительном периоде наблюдения, на разных этапах онтогенеза личности, особенно в кризисные возрастные периоды. Данные периоды развития характеризуются обострением имеющихся проблем протекания процесса СПА, а также являются сенситивными и поэтому наиболее благоприятны для коррекции выявленных нарушений. Риск нарушений у недоношенных детей, родившихся с массой тела, соответствующей гестационному возрасту, в дальнейшем развитии меньше, чем у детей, рожденных доношенными, но не соответствующими по массо-ростовым показателям гестационному возрасту. Для успешной социализации и адаптации детей с задержкой внутриутробного роста и развития плода необходимо внедрение новых методов работы, основанных на межсекторальном взаимодействии с учетом полного жизненного цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулаков, В.И. Новорожденные высокого риска / В.И. Кулаков, Ю.И. Барашнев. – М.: ГЭОТАР Медиа, 2006. – С. 30–47.
2. Ковалева, А.И. Методологические проблемы исследования социализации / А.И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 19–24.
3. Налчаджян, А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А.А. Налчаджян. – Ереван: АН Армянской ССР, Ин-т философии и права, 1988. – С. 28–35.
4. Фурманова, Н.В. Психологические особенности адаптации личности в период ранней взрослости / Н.В. Фурманова // Психологический журнал. – 2004. – № 4(4). – С. 23–29.
5. Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2020 гг. [Электронный ресурс] / Шестдесятая сессия всемирной ассамблеи здравоохранения 27 мая 2013 г. – Режим доступа: <http://psychiatr.ru/download>. – Дата доступа: 01.11.2014.

Саморегуляция личности учащихся в период получения среднеспециального образования

Н.В. Кухтова*, Ю.Ю. Рябцева**

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

**Учреждение образования «Витебский государственный
индустриально-строительный колледж»

Важными задачами образования на современном этапе являются повышение эффективности учебной деятельности учащихся, формирование их активности и самостоятельности. Психологическую основу самостоятельности составляет сформированная система саморегуляции. В статье отражен теоретический анализ понятия «саморегуляция» и особенности ее проявления в процессе учебной деятельности.

Цель научной работы – изучить особенности саморегуляции личности учащихся в учебной деятельности.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе учреждения образования «Витебский государственный индустриально-строительный колледж». Выборку составили 70 учащихся второго, третьего и четвертого курсов архитектурно-педагогического отделения в возрасте 18–21 года. В исследовании использовались следующие методики: «Стиль саморегуляции поведения–98», «Выявление стилей саморегуляции деятельности», «Методика диагностики уровня субъективного контроля», «Методика определения волевой организации личности», методика «Самооценка психических состояний». Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием прикладной программы SPSS 10: описательная статистика, корреляционный анализ, сравнительный анализ по критерию Краскала-Уоллиса, Т-тест.

Результаты и их обсуждение. В экспериментальном исследовании показано, что саморегуляция личности учащихся в период получения среднеспециального образования взаимосвязана с такими параметрами, как планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов и гибкость, а также с волевой организацией личности и ее факторами: ценностно-смысловой ориентацией, организацией деятельности, решительностью и настойчивостью. Влияние на саморегуляцию личности и деятельности оказывает уровень субъективного контроля – способность интерпретировать собственное поведение и деятельность в различных ситуациях как результат своей собственной деятельности или внешних обстоятельств. Проявление у учащихся такого психического состояния, как фрустрация, не способствует эффективной саморегуляции личности и деятельности.

Заключение. Знание индивидуальных особенностей саморегуляции и стилей саморегуляции учебной деятельности будет способствовать созданию условий для более полного и гармоничного развития личности и, главным образом, выявлению возможных путей устранения негативных последствий воздействия стрессогенных ситуаций на жизнедеятельность человека, его психическое и физическое здоровье.

Ключевые слова: саморегуляция, стиль саморегуляции учебной деятельности, учащийся, волевая организация личности, локус контроля, тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность.

Selfregulation of students' personality while receiving secondary special education

N.V. Kukhtova*, J.Y. Riabtseva**

*Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

**Educational establishment "Vitebsk State Industrial College
of Civil Engineering"

One of the important objectives of education at present is to improve students' studying activity, the formation of their activity and independence. The Psychological basis of independence is an established system of selfregulation.

Material and techniques. This research was conducted in the educational establishment "Vitebsk state industrial and construction college". 70 students of the second, third and fourth courses of architectural and pedagogical office, at the age of 18–21 have taken part in this research. The following techniques were used: "The style of self-regulation behavior–98", "The Identification selfactivity styles", "Methods of diagnosing of subjective control level", "Method for determining strong-willed personality organization", the technique of "Self mental states". The statistical data analysis was performed with the help of SPSS 10 software application: descriptive statistics, correlation analysis, comparative analysis on Krasskala-Wallis's criterion, t-test.

Findings and their discussion. In experimental researches it has been shown that self-regulation of students' personality while receiving secondary special education is correlated with such parameters as planning, modeling, programming, evaluation results and flexibility, as well as a strong-willed personality organization and its factors: value-semantic orientation, activity organization, determination and perseverance. The level of subjective control renders the influence on personality self-control and activity. This is an ability to interpret your own behavior and activity in various situations as the result of your own activity or external circumstances. Such mental state as the frustration doesn't promote effective self-control of the students' personality and their activity

Conclusion. The knowledge of individual characteristics of self-regulation and self-regulation styles of training activities will help to create the conditions for harmonious development of personality, and contribute to identify possible ways to eliminate the negative effects of stressful situations on man life, his mental and physical health.

Key words: self-regulation, self-regulation style of studying activities, student, strong-willed personality organization, control focus, anxiety, frustration, aggression, stiffness.

На современном этапе развития общества наблюдается рост нервной напряженности в учебной деятельности, что сопровождается повышенными требованиями к психической устойчивости и саморегуляции личности учащихся в период получения среднеспециального образования. Целью современного среднеспециального образования является не только передача учащимся определенных знаний, но и обучение их способам повышения успешности своей учебной деятельности благодаря использованию скрытых резервов психики. В этой связи весьма актуальной представляется проблема совершенствования учебной деятельности учащихся в период получения среднеспециального образования средствами саморегуляции личности.

Современному обществу необходимы специалисты, способные к самообразованию и самосовершенствованию в профессиональной деятельности, адаптивные к постоянно меняющемуся миру. Сформированная система саморегуляции позволяет учащимся не только осознавать свое поведение и выполняемые учебные действия, но и управлять ими с целью повышения эффективности учебной, а в дальнейшем и профессиональной деятельности.

В советской психологии (П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, Н.Ф. Талызина, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин и др.) учебная деятельность рассматривается как определяющее условие психического развития. В настоящее время проблема саморегуляции личности в учебной деятельности изучается на психофизиологическом, индивидуально-психологическом и педагогическом уровнях. «Подход к исследованию саморегуляции человека с позиций структурно-функционального анализа, – отмечает В.И. Моросанова, – дает перспективные возможности выхода в практику образования. От того, как развивается и формируется система саморегуляции, зависит ее личностное становление, успешность учебной деятельности и профессиональное самоопределение» [1, с. 304]. Результаты исследований в данном направлении показывают:

для того чтобы деятельность учащихся была эффективной, уровень сформированности системы их саморегуляции должен быть достаточно высок (В.В. Антонов, Г.Ю. Вавер [2], С.И. Архангельский [3], Б.А. Бенедиктов, С.Б. Бенедиктова [4] и др.). Овладение учащимися оптимальным стилем саморегуляции может определить дальнейшие перспективы их профессионального роста и личностного развития.

У учащихся, поступающих в колледж, снижена регуляция собственной учебной деятельности. Это приводит к возникновению трудностей в процессе обучения, которые рассматривают в своих исследованиях А.Д. Алферов [5], Ю.А. Бабанский [6], А.А. Бодалев [7], А.М. Колесова [8], О.А. Конопкин [9], Н.Ф. Круглова [10], Ю.А. Миславский [11], свидетельствующие о том, что сложившаяся практика организации учебной деятельности в школе и колледже недооценивает связи стиля саморегуляции с эффективностью учебной деятельности. Учащиеся нередко бывают «зависимы» от преподавателей в постановке учебных целей, выборе средств их достижения, способах оценки результатов учебной деятельности. Они нуждаются в постоянной помощи и контроле со стороны преподавателей.

При взаимодействии с окружающим миром человек непрерывно сталкивается с ситуацией выбора различных способов реализации своей активности в зависимости от поставленной цели, своих индивидуальных особенностей, условий действительности, а также особенностей взаимодействующих с ним людей. В подобной ситуации выбора снятие возникшей неопределенности возможно лишь при помощи саморегуляции, когда человек самостоятельно исследует ситуацию, программирует свою активность, контролирует ход протекающей деятельности и исправляет в случае необходимости полученные результаты.

Важная роль саморегуляции в жизни человека достаточно очевидна, так как вся жизнь есть бесконечное множество форм деятельности, поступков, актов общения и других видов целенаправленной активности. От уровня сформированности саморегуляции зависят успешность,

надежность, конечный исход любого акта произвольной активности. О.А. Конопкин отмечает: «Саморегуляция целенаправленной активности выступает как наиболее общая и существенная функция целостной психики человека, в процессах саморегуляции реализуется единство психики человека во всем его многообразии условно выделяемых ее отдельных уровней, сторон, возможностей, функций, процессов, способностей и т.д.» [9, с. 14].

В целом понятие «саморегуляция» носит междисциплинарный характер. В справочной психологической литературе под термином «саморегуляция» (от лат. *regulare* – приводить в порядок, налаживать) понимается:

1) целесообразное функционирование живых систем разных уровней организации и сложности [12, с. 584];

2) поддержание устойчивости психики как целостной системы по отношению к деструктивным внешним воздействиям, а также подчинение содержания и структуры деятельности принятым личностью целям [13, с. 116];

3) процесс управления собственным психологическим и физиологическим состоянием, а также поступками [14, с. 37];

4) воздействие на систему, осуществляемое с целью выдерживания требуемых показателей ее работы, но реализуемое посредством внутренних изменений, порождаемых самой системой в соответствии с законами ее организации [15, с. 358].

Существуют различные определения процесса саморегуляции. Некоторые исследователи отождествляют понятие «саморегуляция» с другими терминами: «саморегуляция = рефлекторная деятельность» (П.В. Симонов [16]), «саморегуляция = адаптация» (А.А. Ершов [17]), «саморегуляция = самоуправление» (Е.Г. Ксенофонтова [18]).

Отдельные исследователи под саморегуляцией понимают:

1) механизм обеспечения постоянства благоприятных для функционирования организма, системы, характеристик (П.К. Анохин [19, с. 310]);

2) процесс поддержания в человеке такой продуктивной активности, которая требует от него определенной работы над собой, а тем самым в высших своих проявлениях захватывает момент развития его как личности (Ю.А. Миславский [11, с. 26]);

3) направленная на развитие целостности субъектная активность, осуществляемая посредством системы выборов (А.С. Шаров [20, с. 67]);

4) способность к организации собственной активности, ее мобилизации, регулированию, согласованию с объективными требованиями и ак-

тивностью других людей (К.А. Абульханова-Славская [21, с. 156]);

5) механизм обеспечения выполнения поставленной цели (А.К. Осницкий [22, с. 92]);

6) высший уровень регуляции поведенческой активности биологических систем, отражающих качественную специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности и самого себя, своей активности и деятельности, поступков, их оснований (О.А. Конопкин [23, с. 43]).

Исследование проблемы саморегуляции открывает большие возможности для раскрытия общих закономерностей построения и реализации человеком своей произвольной активности в деятельности, поведении, общении, а также для понимания феномена общего уровня субъективного развития человека, изучения индивидуально-типологических особенностей деятельности и поведения, продуктивного участия в решении широкого спектра разнообразных практических задач.

Цель исследования – изучить особенности саморегуляции личности учащихся в учебной деятельности.

Материал и методы. Базой исследования являлось учреждение образования «Витебский государственный индустриально-строительный колледж». Выборку составили 70 учащихся второго, третьего и четвертого курсов архитектурно-педагогического отделения специальности «Промышленное и гражданское строительство (производственно-педагогическая деятельность)» в возрасте 18–21 года.

В исследовании использовались следующие методики: «Стиль саморегуляции поведения–98 В.И. Моросановой», «Выявление стилей саморегуляции деятельности Г.С. Прыгина», «Методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера», «Методика определения волевой организации личности» (А.А. Хохлова), методика «Самооценка психических состояний» (Г.Ю. Айзенк). Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием прикладной программы SPSS 10: описательная статистика, корреляционный анализ, сравнительный анализ по критерию Краскала-Уоллиса, Т-тест.

Результаты и их обсуждение. Корреляционный анализ полученных данных позволил установить взаимосвязь между уровнем саморегуляции и показателями саморегуляции личности, уровнем сформированности факторов волевой организации личности (ВОЛ), локусом контроля, психическими состояниями личности учащихся, а также со стилем саморегуляции учебной деятельности (рисунок 1).

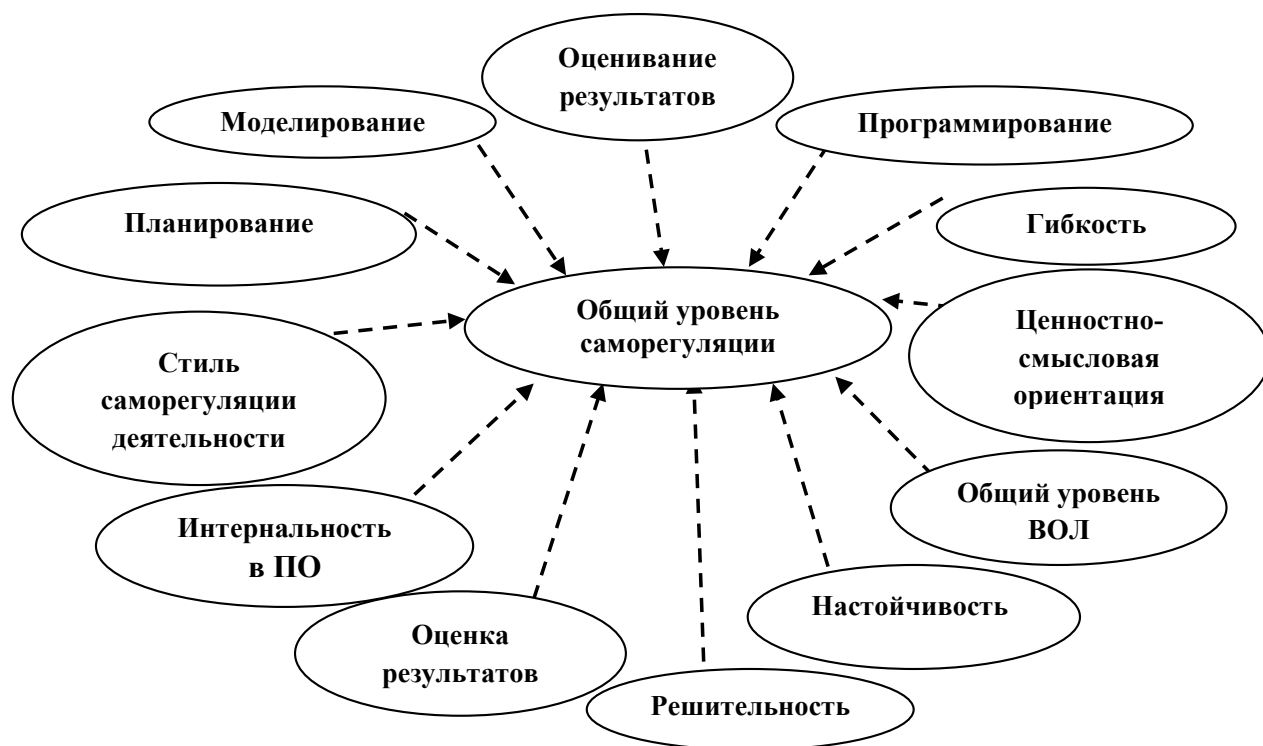

Рисунок 1 – Взаимосвязь общего уровня саморегуляции с изучаемыми показателями.

Рисунок 2 – Взаимосвязь стиля саморегуляции учебной деятельности с изучаемыми показателями.

Так, показатели общего уровня саморегуляции учащихся имеют положительную корреляционную связь с параметрами саморегуляции: планированием ($r_s=0,591$; $p \leq 0,01$), моделированием ($r_s=0,688$; $p \leq 0,01$), программированием ($r_s=0,625$; $p \leq 0,01$), оцениванием результатов ($r_s=0,636$; $p \leq 0,01$), гибкостью ($r_s=0,521$; $p \leq 0,01$); с волевой организацией личности ($r_s=0,561$; $p \leq 0,01$), с факторами ВОЛ: ценностно-смысловой ориентацией ($r_s=0,553$; $p \leq 0,01$), организацией деятельности ($r_s=0,373$; $p \leq 0,01$), решительностью ($r_s=0,452$; $p \leq 0,01$) и настойчивостью ($r_s=0,589$; $p \leq 0,01$). Также показатели общего уровня саморегуляции значимо коррелируют с интернальностью в производственных отношениях ($r_s=0,259$; $p \leq 0,05$), а также показатели уровня саморегуляции находятся в значимой отрицательной зависимости с таким психическим состоянием, как фрустрация ($r_s = -0,363$; $p \leq 0,01$). Кроме того, показатели уровня саморегуляции имеют положительную корреляционную связь со стилем саморегуляции учебной деятельности ($r_s=0,589$; $p \leq 0,01$).

Проведенный корреляционный анализ по Спирмену также позволил выявить взаимосвязь стиля саморегуляции учебной деятельности и других изучаемых показателей (рисунок 2).

Так, показатели стиля саморегуляции учебной деятельности имеют положительную корреляционную связь с общим уровнем саморегуляции личности ($r_s=0,589$; $p \leq 0,01$), с параметрами саморегуляции: планированием ($r_s=0,313$; $p \leq 0,01$), моделированием ($r_s=0,551$; $p \leq 0,01$), программированием ($r_s=0,413$; $p \leq 0,01$), оцениванием результатов ($r_s=0,370$; $p \leq 0,01$), гибкостью ($r_s=0,428$; $p \leq 0,01$), с волевой организацией личности ($r_s=0,531$; $p \leq 0,01$), с факторами ВОЛ: ценностно-смысловой ориентацией ($r_s=0,405$; $p \leq 0,01$), организацией деятельности ($r_s=0,315$; $p \leq 0,01$), решительностью ($r_s=0,587$; $p \leq 0,01$) и настойчивостью ($r_s=0,477$; $p \leq 0,01$). Также показатели стиля саморегуляции учебной деятельности находятся в значимой отрицательной зависимости с такими психическими состояниями, как тревожность ($r_s=0,331$; $p \leq 0,01$) и фрустрация ($r_s = -0,489$; $p \leq 0,01$).

На основании результатов, полученных в ходе исследования, можно сделать вывод, что саморегуляция личности взаимосвязана с ее параметрами (планированием, моделированием, программированием, оцениванием результатов и гибкостью), а также с волевой организацией личности и ее факторами: ценностно-смысловой ориентацией, организацией деятельности, решительностью и настойчивостью. Влияние на саморегуляцию личности и деятельности оказывает уровень субъективного контроля – способность интерпретировать собственное поведение и де-

ятельность в различных ситуациях как результат своей собственной деятельности или внешних обстоятельств. Интернальность в производственных отношениях также связана с показателями саморегуляции. Проявление у учащихся такого психического состояния, как фрустрация, не способствует эффективной саморегуляции личности и деятельности. Кроме того, саморегуляция личности взаимосвязана со стилем саморегуляции учебной деятельности.

Стиль саморегуляции учебной деятельности коррелирует с саморегуляцией личности и ее параметрами (планированием, моделированием, программированием, оцениванием результатов, гибкостью), а также с волевой организацией личности и ее факторами: ценностно-смысловой ориентацией, организацией деятельности, решительностью и настойчивостью. Интернальность в области межличностных отношений – склонность считать свои межличностные отношения результатом активности партнеров – в большей степени выражена у учащихся 2 и 3 курсов. Склонность обвинять себя в разнообразных неприятностях и страданиях, а не окружающих людей (интернальность в области неудач), а также склонность адекватно оценивать себя и результаты своей деятельности и поведения (оценка результатов) наиболее развита у учащихся 4 курса, по сравнению с учащимися 3 курса. Способность самому ставить цели и их достигать (самостоятельность) в большей степени развита у учащихся 4 курса, а в меньшей – у учащихся 2 курса. Такие психические состояния, как фрустрация и ригидность, в большей степени выражены у учащихся 2 курса, а в меньшей – у учащихся 4 курса.

Более детальный сравнительный анализ на основе Т-теста показал, что учащиеся 2 курса более самостоятельные в регуляции своей активности, они склонны считать свои межличностные отношения результатом активности партнеров, они менее самостоятельны в постановке целей и чаще проявляют в учебной деятельности фрустрацию, агрессивность и ригидность по сравнению с учащимися 3 курса. Учащиеся 2 курса по отношению к учащимся 4 курса менее самостоятельны в постановке целей и чаще проявляют фрустрацию и ригидность в учебной деятельности. В свою очередь учащиеся 3 курса склонны обвинять в разнообразных неприятностях и страданиях не себя, а окружающих людей, способны владеть собой, выдержаны и менее агрессивны по сравнению с учащимися 4 курса.

Таким образом, исследование взаимосвязей саморегуляции личности с другими изучаемыми показателями позволяет сделать вывод о том, что общий уровень саморегуляции связан с

необходимостью учащимися планировать свою деятельность, оценивать ее результат, проявлять настойчивость и решительность в зависимости от стиля саморегуляции, имея при этом низкий уровень фрустрации.

Заключение. Практическая значимость исследования заключается в получении экспериментального материала по изучению регуляторных возможностей и способностей человека, требующих высокого уровня саморегуляции, для достижения эффективности в учебной и профессиональной деятельности. Полученные результаты могут быть использованы педагогами и педагогами-психологами среднеспециальных учебных заведений для выявления стиля саморегуляции учащихся в целях повышения эффективности их учебной деятельности, а также при решении научно-практических и психолого-педагогических задач, направленных на повышение осознанной саморегуляции. Знание индивидуальных особенностей саморегуляции и стилей саморегуляции учебной деятельности будет способствовать созданию условий для более полного и гармоничного развития личности и, главным образом, выявлению возможных путей устранения негативных последствий воздействия стрессогенных ситуаций на жизнедеятельность человека, его психическое и физическое здоровье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека / В.И. Моросанова // Ежегодник Российского психологического общества. – М.: Эслан, 2004. – 400 с.
2. Антонов, В.В. Комплексная система психической саморегуляции / В.В. Антонов, Г.Ю. Вавер. – Л.: Методический центр по психической саморегуляции, 1988. – 64 с.
3. Архангельский, С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы: учеб.-метод. пособие / С.И. Архангельский. – М.: Высш. шк., 1980. – 368 с.
4. Бенедиктов, Б.А. Психология обучения и воспитания в высшей школе / Б.А. Бенедиктов, С.Б. Бенедиктова. – Минск, 1983. – 224 с.
5. Алферов, А.Д. Формирование ответственного отношения к учению: учеб. пособие к спецкурсу / А.Д. Алферов. – Ростов н/Д: РГПИ, 2009. – 297 с.
6. Бабанский, Ю.К. Интенсификация процесса обучения / Ю.К. Бабанский. – М.: Знание, 1987. – 78 с.
7. Бодалев, А.А. Личность и общение / А.А. Бодалев. – М.: Педагогика, 1993. – 272 с.
8. Колесова, А.М. О факторах, влияющих на учебную успешность студентов младших курсов / А.М. Колесова // Формирование основ профессионального мастерства в высшей школе. – Л.: ЛГУ, 1973. – 186 с.
9. Конопкин, О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности / О.А. Конопкин. – М.: Наука, 1980. – 255 с.
10. Круглова, Н.Ф. Психологические особенности саморегуляции подростка в учебной деятельности / Н.Ф. Круглова // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15, № 2. – С. 66–74.
11. Миславский, Ю.А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте / Ю.А. Миславский. – М.: Педагогика, 1991. – 152 с.
12. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1997. – 800 с.
13. Акмеологический словарь / А.А. Деркач. – М.: РАГС, 2005. – 161 с.
14. Словарь по конфликтологии / С.Б. Давлетчина. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2005. – 100 с.
15. Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика / Б.А. Душков, А.В. Королев, Б.А. Смирнов. – М.: Деловая книга, 2000. – 462 с.
16. Симонов, П.В. Информационная теория эмоций / П.В. Симонов // Психология эмоций: тексты / под ред. В.К. Виллюна, Б.Ю. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 178–185.
17. Ершов, А.А. Взгляд психолога на активность человека / А.А. Ершов. – М.: Луч, 1991. – 159 с.
18. Ксенофонтова, Е.Г. Уровни развития саморегуляции личности: критерии их определения: дис. ... канд. психол. наук / Е.Г. Ксенофонтова. – М.: Институт психологии РАН, 1988. – 182 с.
19. Анохин, П.К. Психическая форма отражения действительности / П.К. Анохин // Избранные труды: Кибернетика функциональных систем. – М.: Медицина, 1998. – С. 310–351.
20. Шаров, А.С. Психология образования и развития человека / А.С. Шаров. – Омск: ОмГПУ, 1996. – 150 с.
21. Абульханова-Славская, К.А. О субъекте психической деятельности / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1973. – 288 с.
22. Осницкий, А.К. Умения саморегуляции в профессиональном самоопределении учащихся / А.К. Осницкий // Вопросы психологии. – 1992. – № 1, 2.
23. Конопкин, О.А. Связь учебной успеваемости студентов с индивидуально-типологическими особенностями их саморегуляции / О.А. Конопкин, Г.С. Прыгин // Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С. 42–52.

Особенности использования компьютерных технологий в образовании

И.А. Ермоленко

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова»

В учебном процессе школы, вуза активно используются компьютерные технологии. В рамках все более усложняющихся учебных программ возрастают требования к такому познавательному процессу, как восприятие. Оказывается важным, насколько адекватен, тождественен реальной действительности тот образ предмета, который формируется от зрительного и тактильного его восприятия при трансляции информации с монитора компьютера, планшета, экрана мультимедийной презентации.

Цель работы – осуществить сравнительный анализ закономерностей формирования образа объекта при использовании метода мультимедийной презентации и интерактивного компьютерного метода (Google map) в учебном процессе.

Материал и методы. Для изучения возможности формирования образа объекта с окружением проводилось пилотажное исследование, обеспечивающее выбор измерительных методик. Для реализации обучающего эксперимента взяты испытуемые: ученики 8-х классов средних школ № 3 и 10 г. Витебска (120 человек). Были заявлены следующие темы: «Австралия», «Южная Америка», «Северная Америка». В ходе работы использовались: метод рисунка, метод азимутного угла, многомерное шкалирование.

Результаты и их обсуждение. На базе школ были созданы три экспериментальные группы по 20 человек. Первой группе предлагалось изучение тем по географии при помощи презентаций на компьютере. Второй группе – изучение этих же тем при помощи интерактивного компьютерного метода (Google map). Третья группа (контрольная) изучала данные темы, пользуясь атласами, картами, учебниками в бумажном варианте. В дидактическом плане компьютерный интерактивный метод имеет важное преимущество по сравнению с мультимедийной презентацией, поскольку дает возможность ученику осуществлять активные действия с объектом и его окружением на экране монитора посредством клавиатуры компьютера и мышки, что в итоге формирует более приближенный к эталону образ изучаемого объекта. Помимо отмеченного, компьютерный интерактивный метод, благодаря трехмерной объемности изображения объекта и его окружения, позволяет рассмотреть предметы с мало реальной точки наблюдения.

Заключение. В процессе реализации данного теоретико-эмпирического исследования можно увидеть определенные перспективы использования компьютерных методов поиска информации в учебном процессе при организации восприятия образной информации, а также применения компьютерных технологий при контроле и оценке знаний.

Ключевые слова: симультанный и сукцессивный виды восприятия, образ объекта, образ объекта с окружением, перцептивные действия, метод азимутного угла.

Features of Applying Computer Technologies in Education

I.A. Yermolenko

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masharov"

Computer technologies are widely used in the academic process of the university and the school. The rising complexity of curricula results in the increased requirements to the cognition process of perception. It is significant how adequate with the reality the image of the subject is, which is shaped from visual and tactile perception of it while transmitting information from the computer monitor, multimedia presentation display.

The purpose of the work is to make comparative analysis of the laws of shaping the image of the object while using the method of multimedia presentation as well as the interactive computer method of Google map in the academic process.

Material and methods. To study the possibility of shaping the image of the object with the surrounding pilot survey was used which provided the choice of measuring methods. To implement the teaching experiment 8th year pupils of Vitebsk secondary schools No. 3 and No. 10 (120 pupils) were tested. The following topics were experimented on: Australia, South America, North America. We used the method of drawing, azimuth method, multimeasure scale.

Findings and their discussion. Three experimental groups (20 pupils each) were formed on the bases of the schools. The first group was offered learning Geography through computer presentations. The second group was taught the same topics with the help of Google map. The third (test) group studied the topics using atlases, maps and paper textbooks. From the didactic point of view the computer interactive method has an important advantage compared to the multimedia presentation since it enables pupils to perform active actions with the object and its surrounding on the monitor with the keyboard and computer mouse which builds up a closer to the model image of the studied object. Moreover, the computer interactive method, due to three dimension image of the object and its surrounding, makes it possible to watch objects from an unreal point of observation.

Conclusion. During our theoretical and empiric study one can point out certain perspectives of the application of computer methods of information search in the academic process during setting up perception of image information as well as while applying computer technologies in knowledge control and assessment.

Key words: simultaneous and successive types of perception, image of the object, image of the object with its surrounding, perceptive actions, Azimuth Angle method.

Развитие компьютерных технологий, обеспечивающее большие и быстрые потоки информации, интенсивность человеческих контактов, появление новых форм массовой культуры приводят к увеличению объема знаний, необходимых современному школьнику, студенту. В учебном процессе активно используются мультимедийные презентации. Презентация может иметь различные формы, применение которых зависит от знаний, подготовленности авторов, а также темы и целей занятия, предполагаемой аудитории. Наиболее эффективно используются презентации при проведении уроков, связанных с ознакомлением с новой темой, самостоятельной работой, контролем знаний учащихся. Регулярным явлением в школе становится задействование электронных учебников, пособий, компьютерных обучающих программ, обращение к интерактивным программам Google map, поисковикам Google, Яндекс, когда школьник имеет дело не с реальным объектом – географическим глобусом, а с его изображением на экране монитора компьютера, планшета. Мы высказываем предположение, что усвоение образных знаний об объектах материального мира на уроке через монитор компьютера как основной источник не подчиняется теории наглядности обучения и теории перцептивных действий [1]. Плоскостное восприятие объемных объектов по предметам школьной программы (органы тела человека, калийная соль, пружина, весы, блоки, резина и т.п.) дает неполный образ. Это может привести к неправильному применению объекта учащимся в реальной жизни, к снижению его успеваемости. В свою очередь, в рамках все более усложняющихся учебных программ возрастают требования к такому познавательному процессу, как восприятие. Изучение восприятия имеет важное теоретическое и практическое значение. Исходя из положений о роли практики в познании окружающей действительности с начала 30-х годов XX столетия такие психологи, как А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, А.В. Запорожец и другие, изучали зависимость восприятия и сенсорных процессов от характера деятельности субъекта [2–4]. Совокупность процессов восприятия обеспечивает субъективное, пристрастное и, вместе с тем, адекватное отражение объективной реальности. Адекватность образа восприятия (его соответствие действительности) достигается бла-

годаря тому, что при его формировании происходит уподобление, подстраивание воспринимающих систем к свойствам воздействия: в движении руки, осязающей предмет, в движении глаза, прослеживающего видимый контур, в движениях гортани, воспроизводящих слышимый звук, и т.д. – во всех этих случаях создается копия, сопоставимая с оригиналом; сигналы рассогласования, поступая в нервную систему, выполняют корректирующую функцию по отношению к формируемому образу и, соответственно, к практическим действиям, реализующимся на основе этого образа [2]. При многократном восприятии объекта происходят селекция признаков, их интеграция и трансформация. Во вторичных образах соединяются наглядность и обобщенность. Случайные признаки отсеиваются, остаются наиболее информативные. При переходе к представлению происходит «сжатие» информации. Одни признаки подчеркиваются, другие – затушевываются. Образ схематизируется. На этом уровне формируются новые виды гностических действий: расчленение и объединение объектов, комбинация, умственное вращение [5]. Восприятие объектов при разных временных предъявлениях порождает разные перцептивные задачи. Предположение, что при малых временных интервалах восприятие управляется целостным синтетическим чувством, что является более ранним уровнем представления объекта, а при больших основную роль играет категориальное разглядывание, опосредованное системами сенсорных эталонов, – это более высокий уровень презентации объекта субъекту. В стратегии построения образа фактор времени весьма существенен: на ранних этапах перцептивного процесса имеет место целостное нерасчлененное оценивание наиболее важных признаков объекта (его полезности, опасности, ценности), а в дальнейшем вступает в действие категориальный анализ, позволяющий отнести объект к определенному классу и проанализировать его более детально:

I уровень: симультанное правополушарное восприятие, создающее первичный поверхностный образ объекта;

II уровень: сукцессивное левополушарное восприятие, позволяющее вывести образ объекта на категориальный уровень;

III уровень: вторичное симультанное восприятие [5].

С помощью современных технических средств могут быть визуализированы невидимые объекты и явления, частицы, звук, абстрактные теоретические понятия, т.е. создается определенный дидактический образ – модель. С появлением компьютерных средств достаточно часто стало наблюдаться такое явление в процессе обучения, когда объект предъявляется ученику на экране монитора без какого-либо сопровождения других объектов, говоря иначе – «без окружения». Это связано со способностью компьютера находить объект в базе данных по ключевому слову: быстро, автоматически. Ученику в таком случае предъявляется на дисплее только найденный объект, он оказывается «вырванным из контекста». Для минимальных целей первоначального изучения самого объекта этого достаточно. Но полнота образа объекта в такой подаче оказывается нарушенной, так как в образ не закладывается представление о спектре и азимутном расположении в пространстве вокруг главного объекта иных, неотъемлемых от него объектов окружения. Если объект воспринимается симультанно, т.е. мгновенно, то фон воспринимается плохо и подходы к объекту, так называемое окружение из других объектов, не запоминаются. В отличие от этого вида восприятия сукцессивный вид подразумевает медленный поиск объекта в среде других фоновых объектов. В этом случае перцептивная система запоминает путь поиска, окружение объекта поиска, а не только его форму. Следовательно, быстрый поиск через компьютер учащимся, студентом слова в словаре или населенного пункта в электронной карте местности не формирует образ окружения отыскиваемого объекта. Формированию образа окружения может мешать еще один недостаток компьютерного предъявления главного объекта ученику, если даже окружающие объекты дополняют его на экране. Как правило, в настоящее время в учебных целях используется только «плоскостная» визуализация фронтального вида объекта. В этом случае объект, если он непрозрачный, заслоняет собой часть своего окружения. Чтобы увидеть все окружение, необходимо иметь в компьютере круговое панорамное изображение объекта, а ученику предоставить интерактивный режим его осмотра, вместо режима «поисковика».

При решении профессиональных задач вне школы работа компьютера в режиме «поисковика» оказывается чрезвычайно эффективной, полезной и востребованной. Но для решения дидактической задачи формирования образа объекта с окружением компьютерный автоматический поиск нарушает принцип активности субъекта и создает отрицательный эффект. Оказывается

важным, насколько адекватен, тождественен реальной действительности тот образ предмета, который формируется от зрительного и тактильного его восприятия. Критерием адекватности становится практика использования данного предмета в обиходе.

Цель работы – осуществить сравнительный анализ закономерностей формирования образа объекта при использовании метода мультимедийной презентации и интерактивного компьютерного метода (Google map) в учебном процессе.

Материал и методы. Для изучения качества формирования образа объекта с окружением проводилось пилотажное исследование, обеспечивающее выбор измерительных методик. Далее был реализован обучающий эксперимент с двумя значениями входной переменной. Взяты испытуемые: ученики 8-х классов средних школ № 3 и 10 г. Витебска (120 человек). На базе школ были созданы три экспериментальные группы по 20 человек. Группы уравнивались за счет одинакового количества девочек и мальчиков, примерно схожей успеваемости по предмету (географии) – 7,5. Первой группе предлагалось изучение тем по географии при помощи презентаций на компьютере. Второй группе – изучение этих же тем при помощи интерактивного компьютерного метода (Google map). Третья группа (контрольная) изучала данные темы, пользуясь атласами, картами, учебниками в бумажном варианте. Для эксперимента были заявлены следующие темы: «Австралия», «Южная Америка», «Северная Америка». Нами также использовались: метод рисунка, метод азимутного угла, система построения матриц многомерного шкалирования.

Результаты и их обсуждение. В схематичном виде наше исследование опиралось на следующий план:

- Определение понятия «объект с окружением».
- Первый этап пилотажного эксперимента: проверка участия объектов с окружением в учебном процессе, на уроках географии, биологии, алгебры, геометрии и т.д.; определение контингента испытуемых и измерительных методик.
- Анализ модели формирования образа объекта.
- Второй этап пилотажного эксперимента: проверка того, выполняется ли первая стадия формирования образа объекта в системе школьного обучения.
- Поиск критериев сформированности образа окружения.
- Экспериментальная проверка звеньев модели формирования образа объекта с окружением.

- Анализ полученных результатов.
- Выработка критериев причисления объекта к категории «имеющих окружение».
- Анализ перспектив применения интерактивных компьютерных методов для эффективного усвоения образных знаний на уроке.

• Определение перспективы применения компьютерных методов для контроля уровня сформированности образных знаний в школе.

Целью пилотажного эксперимента являлось изучение закономерностей формирования образа объекта в учебном процессе с учетом нашей модели: сначала изучается сам объект, формируется его образ, затем изучается его окружение, функциональные взаимосвязи данного объекта с другими. В качестве задач подготовки эксперимента выступает необходимость определиться с: а) выбором в обучающем эксперименте, б) категориями школьных предметов, в) характеристиками входной и выходной переменных, г) процедурой проведения эксперимента, д) методами оценки качества сформированности образа объекта.

Анализ ряда учебников школьного курса 6–11 классов и посещение соответствующих уроков показали, что, как правило, сначала обеспечивается изучение самого объекта – формирование его образа, а затем – изучение его окружения, системы функциональных взаимосвязей данного объекта с другими. Например:

1. География (6 кл.) Строение оболочки Земли: атмосфера, литосфера, гидросфера, биосфера.

2. География (8 кл.) Географическая оболочка: саванна, пустыня, жестколистные леса, кустарники, степи, хвойные леса.

3. География (8 кл.) Климатические пояса Земли: экваториальный пояс, субэкваториальный пояс, субтропический пояс, умеренный пояс.

4. Биология (8 кл.) Органы тела рыб и их функции. Анатомированный речной окунь: жабры, сердце, желудок, желчный пузырь, печень, кишечник, поджелудочная железа, почка, плавательный пузырь, мочевой пузырь, яичник, выделительное отверстие, анальное отверстие.

5. Биология (8 кл.) Скелет рыб: череп, ключевой пояс, тазовый пояс, позвоночник, ребра, плавниковые лучи.

6. Биология (8 кл.) Система внутренних органов земноводных. Нервная система. Размножение и развитие. Внутреннее строение лягушки: рот, язык, легкое, желудок, почка, мочевой пузырь, клоака, кишечник, печень, сердце, поджелудочная железа. Головной мозг: передний мозг, промежуточный мозг, средний мозг, продолговатый мозг, мозжечок.

7. Биология (10 кл.) Строение клеток живых организмов: ядро, хлоропласт, цитоплазма, ком-

плекс Гольджи, митохондрия, рибосомы, эндоплазматическая сеть, цитоплазматическая мембрана, клеточная оболочка.

8. Трудовое обучение (8 кл.) Дизайн-проект детской комнаты: зона отдыха, игровая зона, рабочая зона.

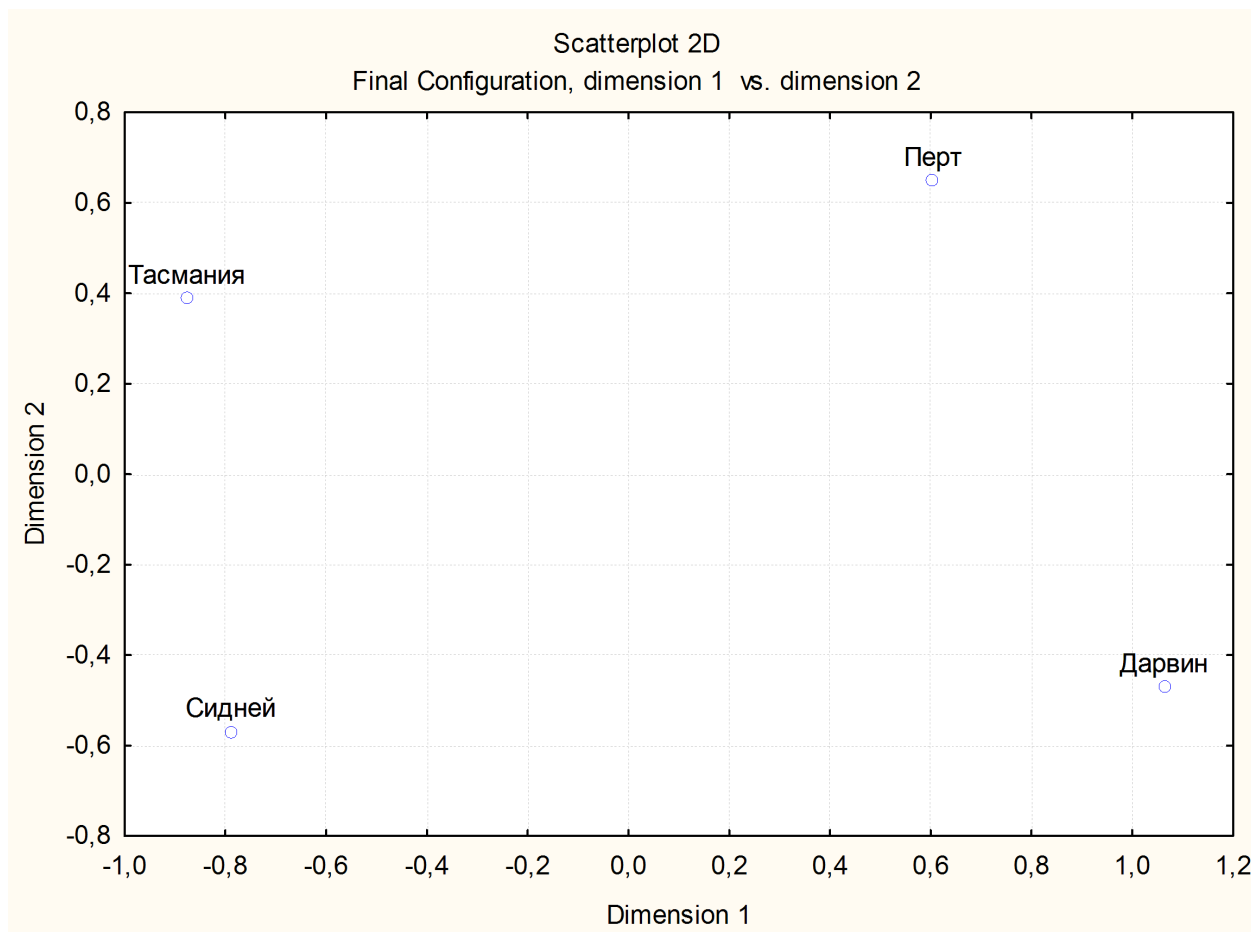
9. Трудовое обучение (9 кл.) Комплекты для кухни: скатерти, салфетки, полотенца, грелки для чайника, ухваты.

10. Трудовое обучение (9 кл.) Техническая карта обработки среза с одновременным втачиванием завязки.

11. Трудовое обучение (9 кл.) Костюм, аксессуар, гардероб (головной убор, обувь, сумки, перчатки).

12. Трудовое обучение (9 кл.) Сервировка чайного стола.

Цель обучающего эксперимента – сравнительный анализ закономерностей формирования образа объекта при использовании метода презентации и интерактивного компьютерного метода. Входной переменной явился метод, обеспечивающий восприятие учебного материала, а выходной переменной – качество сформированности образа изучаемого объекта. Первой группе предлагалось изучение тем по географии при помощи презентаций на компьютере. Второй группе – изучение этих же тем при помощи интерактивного компьютерного метода (Google map). Третья (контрольная) группа изучала данные темы, пользуясь доской, атласами, картами, учебниками в бумажном варианте, тематической наглядностью. Для эксперимента были заявлены темы: «Австралия», «Южная Америка», «Северная Америка». Каждый ученик первой и второй экспериментальных групп имел индивидуальный доступ к компьютеру. По завершении каждой серии занятий реализовывался метод азимутного угла. Согласно векторной теории Е.Н. Соколова, объект с окружением рассматривается как трехмерная сфера, в центре которой находится объект, а на поверхности сферы расположены опорные объекты [6]. Их позиция задается азимутным углом, который находится опытным путем. Как и в модели Соколова, психологическим коррелятом различительных свойств опорных объектов в окружении являются азимутные координаты. А физиологическим коррелятом нейронного механизма кодирования этого различия являются шкалы, то есть локальные анализаторы, проекции точек на оси, компоненты вектора. Испытуемому предлагалось проверить качество сформированности образа посредством изображения на листе (формат А4) контура материка с нанесением центрального объекта и четырех заданных точек. При изучении материка Австралия были выбра-

Шилко Интер

Рисунок – Матрица.

ны: озеро Эйр – центральная точка, остальные – остров Тасмания, города Сидней, Перт, Дарвин. При изучении материка Южная Америка центром явилась река Амазонка, следующие четыре точки-пограничники – Венесуэла, Бразилия, Аргентина, Перу. Северная Америка характеризовалась центральной точкой – рекой Миссисипи, а также остальными – остров Гренландия, полуостров Аляска, Панамский канал, город Нью-Йорк. При обработке результатов на каждом листе с рисунком испытуемого из центральной точки чертились вектора по направлению к четырем крайним точкам материка и замерялись углы между векторами. Затем в системе многомерного шкалирования выстраивались матрицы по всем испытуемым (рисунок). Осуществлялось наложение матриц участников эксперимента на эталонные матрицы. Сравнительный анализ также обеспечивала методика Стюдента.

Анализ различных моделей формирования образа объекта и образа объекта с окружением показал, что психический образ как многоплановое понятие базируется на представлении и зависит от качества восприятия. В связи с этим будет

иметь значение, каким образом представлена информация на уроке, какой метод сбора информации, подачи наглядности в учебном процессе будет более эффективен в процессе формирования образа изучаемого объекта и его окружения. Предложенная нами модель имеет ряд стадий. На первой сначала должен быть сформирован отдельно образ самого центрального объекта, без окружения. Вторая стадия – формирование системы объектов, функционально взаимосвязанных с центральным, так называемого «окружения объекта». На третьей стадии происходит формирование образа объекта с окружением. Четвертая стадия характеризуется корректировкой образа объекта с окружением. Метод воспроизведения фигуры в рисунке по памяти и метод азимутного угла являются показательными индикаторами качества сформированности у школьника образа объекта, имеющего окружение, состоящего из системы взаимосвязанных объектов. При усвоении образной информации интерактивный компьютерный метод, дающий возможность ученику осуществлять активные действия с объектом и его окружением на экране монитора посред-

ством клавиатуры компьютера и мышки в рамках специальных компьютерных программ, оказывается более эффективен в учебном процессе по сравнению с мультимедийной презентацией, т.к. формирует более приближенный к эталону образ изучаемого объекта (результат наложения матриц участников эксперимента на эталонные).

Заключение. В процессе реализации нашего теоретико-эмпирического исследования можно увидеть определенные перспективы использования компьютерных методов поиска информации в учебном процессе при организации восприятия образной информации, а также в использовании компьютерных технологий при контроле и оценке знаний. В дидактическом отношении компьютерный интерактивный метод имеет важное преимущество по сравнению с мультимедийной презентацией в плане формирования образа изучаемого объекта, поскольку дает возможность ученику осуществлять активные действия с объектом и его окружением на экране монитора, используя клавиатуру компьютера и мышь. Помимо отмеченного, компьютерный интерактивный метод,

благодаря трехмерной объемности изображения объекта и его окружения, улучшает практическую сторону обучения: позволяет рассмотреть предметы с мало реальной точки наблюдения, например, исследовать внутренние органы человека изнутри с возможностью увеличения их масштаба, изменения ракурса изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосик, Г.В. Перцептивные действия человека. Кибернетический аспект / Г.В. Лосик. – Минск: ОИПИ НАН Беларуси, 2008. – 138 с.
2. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 1. – 392 с.
3. Ананьев, Б.Г. Восприятие пространства и сенсорная организация человека / Б.Г. Ананьев // Проблемы восприятия пространства и времени / под ред. Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова. – Л.: Ленингр. отд-ние о-ва психологов, 1961. – С. 11–14.
4. Запорожец, А.В. Восприятие и действие / А.В. Запорожец, Л.А. Венгер, В.П. Зинченко. – М.: Наука, 1967. – 287 с.
5. Габидулина, С.Э. Психология субъективной семантики: истоки и развитие / С.Э. Габидулина; под ред. И.Б. Ханиной, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – 472 с.
6. Соколов, Е.Н. Восприятие и условный рефлекс. Новый взгляд / Е.Н. Соколов. – М.: МГУ, 2003. – 288 с.

УДК 159.9.07

Роль метакогнитивных процессов в развитии творческого мышления у студентов-психологов

О.Е. Антипенко

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматривается роль метакогнитивных процессов в развитии творческого мышления студентов. Предполагается, что творческое мышление детерминировано высокими метакогнитивными способностями, которые регулируют творческий процесс.

Цель работы – изучение метакогнитивных процессов и создание системы их формирования.

Материал и методы. В качестве испытуемых были привлечены студенты факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова специальностей «Психология» и «Социальная педагогика и психология» в количестве 72 человек.

В качестве экспериментального материала предлагается использование NP полных задач. Предполагается, что у задач такого типа отсутствуют когнитивные схемы для их решения, что, в свою очередь, и предопределяет стратегию их решения, в связи с чем предиктором успешности выступают метакогнитивные. Выдвигается гипотеза о том, что для решения задачи используется не готовый алгоритм, а внутренние ресурсы и способности испытуемых, т.е. их знания о собственных мыслительных процессах и возможностях их использования. Делается вывод о том, что для объяснения процессов решения таких задач требуются значительно более дифференцированные схемы.

Результаты и их обсуждение. Выявлено, что интегративным фактором, определяющим уровень развития интеллекта и креативности студентов, являются метакогнитивные в их дифференционно-интеграционной структуре, референтной учебно-познавательной деятель-

ности студентов. Почеркивается, что развитие метакогнитивных способностей студентов в учебном процессе обеспечивает прогнозирование и управление их интеллектуальной и творческой деятельностью. Предполагается, что выход в метакогнитивную позицию позволит студентам преодолевать трудности своего развития и управлять собственными ресурсами.

Определены пути формирования метакогниций как фактора интеграции интеллекта и креативности у студентов с разным уровнем успеваемости. Дается описание формирующего эксперимента, спланированного по результатам исследования. Теоретическую основу формирующего эксперимента составляет философско-эклектический анализ личности Леонардо да Винчи, который включал в себя выделение интегративных качеств личности великого мыслителя и осуществлялся на основе изучения его научных трудов и комментариев к ним. Полученный список можно рассматривать как алфавит метакогнитивных качеств, сформированность которых влияет непосредственно на развитие творческого мышления.

Заключение. В ходе проведенного исследования были получены данные о метакогнитивных способностях как интегративном факторе в единой структуре творческих способностей студентов.

Ключевые слова: метакогнитивные процессы, интеллект, творчество, концептуальные структуры, успеваемость, творческое мышление, метакогнитивные знания, метакогнитивный опыт.

Role of Metacognition in the Development of Creative Thinking of Psychology Students

O.E. Antipenko

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

The article considers the role of metacognitive processes in the development of creative thinking of students. It is assumed that creative thinking is determined by high metacognitive skills that govern the creative process.

The aim of the article is the study of metacognitive processes and creation of the system of their building up.

Material and methods. 72 students of Social Education and Psychology of Vitebsk State University were involved in the study. As an experimental material the use of NP complete problems was offered. It is assumed that there are no problems of this type of cognitive schemes for their solution which determines the strategy and their solutions. In connection with this the role of metacognition increases. The hypothesis is put forward that to solve the problem not a ready algorithm is used but internal resources and capabilities of the tested, i.e. their knowledge of their own thinking processes and their potential uses. It is concluded that to explain the process of solving such problems much more differentiated schemes are required

Findings and their discussion. It is revealed that an integrative factor in determining the level of development of intelligence and creativity of students is metacognitions in their differentiation and integration structure, reference learning and cognitive activity of students. Conclusion is made that the development of metacognitive abilities of students in the learning process provides control and prediction of their intellectual and creative activity. It is assumed that entering metacognitive stance will allow students to overcome the difficulties of their development and manage their own resources.

Ways of building up metacognitions as a factor of integration of intelligence and creativity of students with different levels of performance are established. Formative experiment planned in accordance with the research findings is described. The theoretical basis for the formative experiment is philosophical and eclectic personality analysis of Leonardo da Vinci, which included singling out integrative qualities of the personality of the great thinker carried out on the basis of the analysis of his scientific works and comments.

Conclusion. The resulting list can be regarded as the alphabet of metacognitive qualities completeness of which directly influences the development of creative thinking.

Key words: metacognitive processes, intellect, creativity, conceptual frameworks, performance, creative thinking, metacognitive knowledge, metacognitive experience.

Человек мыслит и решает свои текущие проблемы, и это во многом зависит не от автоматизмов и алгоритмов мышления, применяющихся постоянно и неосознанно, а от тех механизмов, с помощью которых он преодолевает их, выходя из ситуации, называемой когнитивным диссонансом. Одним из психологических факторов, решающих эти проблемы, является наличие у индивида метакогнитивных навыков и умений.

В самом общем виде метакогнитивные процессы можно определить как произвольные или сознательные усилия разной степени обобщенности по организации и оптимизации познавательной деятельности. Иными словами, это те процедуры, с помощью которых человек регули-

рует свои познавательные процессы. При этом подразумевается, что такая регуляция приближает и существенно облегчает достижение целей деятельности.

Умение человека регулировать собственные познавательные процессы, в том числе и творческие, может рассматриваться в качестве важного условия его профессионального и личностного развития. В психологии такая способность соотносится с понятием «метакогниции» [1]. На сегодняшний день наблюдается большой интерес к проблеме метакогниций в разных областях психологического знания. Существует ряд психологических подходов к пониманию сущности метакогниций. Несмотря на разнообразие мнений, большинство авторов включает в содержание

этого феномена самооценку (метакогнитивные знания, отслеживание процесса познания) и самоуправление познанием (метакогнитивный опыт, регуляция) [2].

Данные умения, безусловно, не являются врожденными. Они формируются в процессе развития индивида с помощью специальных средств и создаваемых условий. Если такие специальные условия не создаются (педагогами, родителями), индивид формирует их самостоятельно и зачастую неадекватно своим способностям и природным задаткам. *Проблемным остается выделение набора метакогнитивных способностей и педагогических технологий их формирования.*

Цель работы – изучение метакогнитивных процессов и создание системы их формирования.

Материал и методы. В качестве испытуемых были привлечены студенты факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова специальностей «Психология» и «Социальная педагогика и психология» в количестве 72 человек.

Теоретико-экспериментальное изучение роли метакогнитивных процессов в организации творческого процесса проводилось нами на основе системной методологии, применяемой для анализа неоднородности и разноплановости творческого мыслительного процесса, характеризующегося в его интеллектуальном, личностном, коммуникативном аспектах.

В качестве экспериментального материала были взяты четыре задачи NP класса: задача Эйлера (рисунок 1), задача коммивояжера (рисунок 2), задача «Шахматный конь» (рисунок 3) и задача о ранце (рисунок 4).

При решении NP-задач часто применяют полиномиальные приближенные алгоритмы. При этом строится допустимое решение, и чем оно ближе (по функционалу) к оптимальному, тем лучше. Для объяснения осмысленного характера решения задач такого типа требуются определенные теоретические идеи. В свое время они

Рисунок 2.

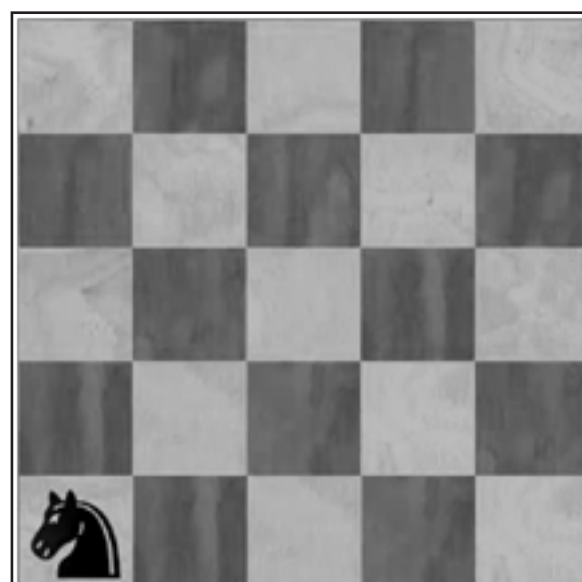

Рисунок 3.

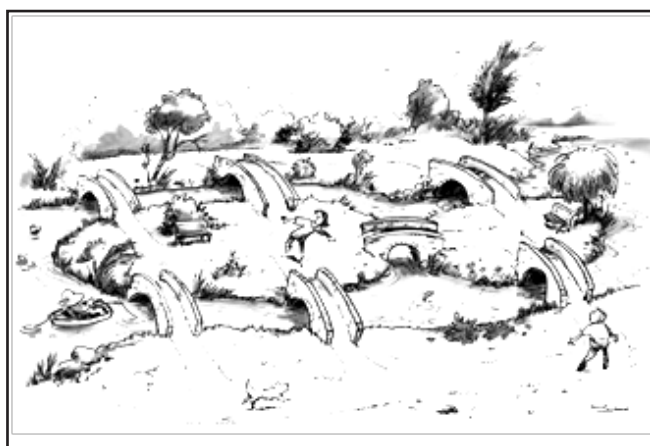

Рисунок 1.

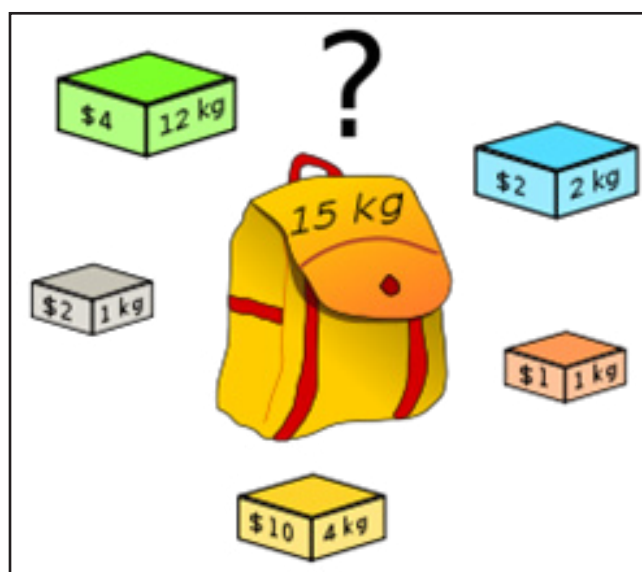

Рисунок 4.

были предложены гештальтпсихологами. В соответствии с ними любая задача, «доступная пониманию» (термин К. Дункера), является в решенном состоянии целостной структурой сознания – гештальтом. До нахождения же решения – это незамкнутая «напряженная» система. Она содержит в своей структуре конфликт между условиями и целью (требованием), не позволяющий гештальту замкнуться. Именно это обстоятельство «заставляет» решающего двигаться в определенном направлении, стараясь снять напряжение и предлагая для этого возможные способы разрешения конфликта. Причем вся конструкция имеет ярко выраженный функциональный характер: смысл отдельных условий или требования – их «функции» в структуре задачи – становятся ясными только в рамках целого. Момент замыкания гештальта выступает центральным пунктом в ходе мыслительного процесса – инсайтом. Это и есть момент обнаружения решения, обычно связанный с яркими переживаниями.

Отсутствие когнитивных схем для решения задач такого типа определяет стратегию и тактику их решения. Другими словами, для решения задачи используется не готовый алгоритм, а внутренние ресурсы и способности испытуемых, т.е. их знания о собственных мыслительных процессах и возможностях их использования. Таким образом, нам представляется, что для объяснения процессов решения таких задач требуются значительно более дифференцированные схемы. Они должны учитывать целый ряд обстоятельств, таких, как:

- необходимость совмещения целесобразных (сознательно контролируемых) и спонтанных (например, инсайтных) процессов в структуре решения;
- специфику строения задач данного типа;
- наличие совокупности «правильных» и «неправильных» ответов;
- возможности нарушения условий задачи в процессе ее решения.

Условия задач формулировались следующим образом:

Задача 1. Как можно пройти по всем семи мостам Кёнигсберга, не проходя ни по одному из них дважды. Впервые была решена в 1736 году немецким и русским математиком Леонардом Эйлером.

Задача 2. Необходимо отыскать самый выгодный маршрут, проходящий через указанные города хотя бы по одному разу с последующим возвратом в исходный город.

Задача 3. Необходимо найти маршрут шахматного коня, проходящего через все поля доски по одному разу.

Задача 4. Необходимо собрать рюкзак с максимальной ценностью предметов внутри, соблюдая при этом весовое ограничение рюкзака.

Время и способ решения задач не регламентировались. По окончании работы испытуемый должен был заполнить бланк отчета о проделанной работе. Такой подход требовал и специальной обработки. С этой точки зрения, любое высказывание испытуемого рассматривалось как элемент решения, т.е. предполагалась его связь с функциональным значением. Высказывания группировались, а затем подвергались соответствующей математической обработке. В частности, производился расчет коэффициента Манни-Уитни (U).

Результаты и их обсуждение. Оценка результатов исследования проводилась по схеме, в которой учитывались переменные, характеризующие творческий подход к решению задач и используемые испытуемым метакогнитивные, информация о которых бралась из прилагаемого к методике опросника и свободных высказываний студентов.

Первоначально была проведена группировка данных, в результате которой выделились две однородные группы:

- в первую группу попали 34 студента с высоким уровнем успеваемости;
- во вторую группу попали 6 человек с высоким и 32 человека с низким уровнем успеваемости.

Таким образом, был уточнен объект исследования и осуществлено его упорядочивание в сравнительно однородные группы по показателям успеваемости. Оказалось, что прямой связи этих характеристик с творческими способностями нет.

В результате факторного анализа полученных результатов в первой группе студентов выделились 4 фактора, характеризующие творческий подход (с общей нагрузкой – 75,47% дисперсии), тогда как во второй группе – 6 таких факторов (с общей нагрузкой – 74,29% дисперсии). Соответственно, студентам второй группы характерна большая дифференцированность, раздробленность связей между показателями, характеризующими творческий подход к решению задач и метакогнитивными процессами.

В первой группе испытуемых, куда попали студенты только с высоким уровнем успеваемости, обнаружена тенденция к интеграции этих показателей. В свою очередь, было выявлено, что кристаллизующим фактором, определяющим уровень интеграции этих показателей, являются метакогнитивные в их дифференцированно-интеграционной структуре, референтной учебно-познавательной деятельности студентов. Они образовали первый фактор, куда попали следующие переменные с высокой факторной нагрузкой: аналитический подход (0,534), метакогнитивные знания (0,656), метакогнитивная активность (0,752), активное внимание (0,894), поиск информации (0,815), выдви-

жение идей (0,817) и контроль времени (0,888). То есть в кристаллизующий фактор вошли характеристики метакогнитивных способностей.

Можно предположить, что развитие метакогнитивных процессов студентов в учебной деятельности обеспечивает управление и прогнозирование их интеллектуальной и творческой активности. Следовательно, выход в метакогнитивную позицию позволит студентам преодолевать трудности своего развития и управлять собственными ресурсами.

Последующая обработка результатов эмпирического исследования показала, что связи между творческим компонентом решения задач студентами и разным уровнем успеваемости как показателями их дифференциации и интеграции различны.

В процессе исследования были получены значимые различия и в сформированности характеристик творческого мышления. Группы студентов с разным уровнем успеваемости отличаются по показателям гибкости ($U_{эмп}=2,043$ при $p<0,001$) и разработанности ($U_{эмп}=8,960$ при $p<0,001$) творческого мышления, т.е. именно по тем характеристикам, которые отражают признаки сформированности метакогнитивного компонента творческого мышления при более высоких показателях сформированности у них характеристик метакогнитивных. Необходимо отметить, что студенты с успеваемостью выше среднего отличаются от студентов с успеваемостью ниже среднего по таким показателям, как «количество аспектов», или «гибкость мышления» (по критерию U Манна-Уитни ($U_{эмп}=126,5<U_{крит}=292$, $p<0,01$); «обоснованность» ($U_{эмп}=186<U_{крит}=292$, $p<0,01$) и «разработанность» ($U_{эмп}=138<U_{крит}=292$, $p<0,01$).

Формирующий эксперимент. По результатам исследования был спланирован формирующий эксперимент, теоретическую основу которого составляет философско-эклектический анализ личности Леонардо да Винчи, который включал в себя, прежде всего, выделение интегративных качеств личности великого мыслителя, и осуществлялся на основе анализа его научных трудов и комментариев к ним. Полученный список можно рассматривать как алфавит метакогнитивных качеств, сформированность которых непосредственно влияет на развитие творческого мышления. Данный список включает в себя следующие категории:

curiosita – неистощимая любознательность, страстное стремление к познанию и пониманию;

lunga intensivo concentrazione attenzione – способность к длительной интенсивной концентрации внимания;

impressive, memoria – запоминание большого объема информации в виде связного целого и обобщенного чувственного образа;

farsi universale – системное мышление;

arte/scientia – синтез науки и искусства;

discorso mentale – обдумывание каждой детали собственного замысла и развертывание «умственного рассуждения»;

fantasia imaginative – творческое воображение;

sperienza – непосредственно-опытное познание природных явлений;

compositionist et resolutions – движение от причин к следствиям и от следствий к причинам;

dimonstrazioni – приемы демонстрационного эксперимента, где показывались и подробно анализировались эксперименты Леонардо, ставшие классическими и для современной науки;

contraposto – метод аналогий и противопоставлений.

Модель нашей системы формирования метакогнитивных отобразена на рисунке 5.

Как видно на рисунке 5, овладение отдельными навыками носит постепенно нарастающий характер, и на каждом этапе одни навыки дополняют другие и в конечном итоге перерастают в универсальную систему знаний и навыков умственной работы, имеющую в своей основе творческую направленность [3].

Закключение. Необходимо отметить, что в данном исследовании нами были получены результаты, свидетельствующие о том, что метакогнитивные процессы необходимо рассматривать как интегративный фактор в единой структуре творческих способностей студентов. Можно предположить, что развитие метакогнитивных процессов студентов в учебном процессе обеспечивает управление и прогнозирование их интеллектуальной и творческой деятельности. Выход в метакогнитивную позицию позволяет студентам преодолевать трудности своего развития и дает им возможность управлять собственными интеллектуальными ресурсами.

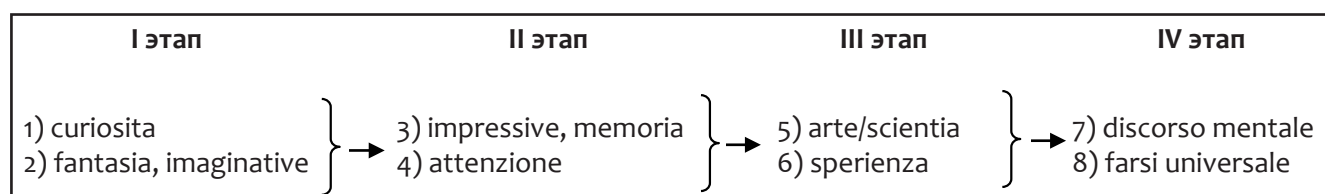

Рисунок 5.

Через метакогниции в обучении закладываются основы преодоления трудностей собственного развития, проявления своего познавательного ресурса. Исходя из этого можно предположить, что знание факторов собственного самосовершенствования должно стать частью профессиональной подготовки специалиста любого профиля. Оно позволяет субъекту образования обогащать собственную аксиосферу и корректировать те убеждения, которые стали результатом неадекватного обучения и воспитания, которые впоследствии затрудняют процесс самореализации личности. Таким образом, метакогнитивное знание становится условием для саморазвития личности.

В качестве перспективы исследования нами выделены следующие задачи:

- уточнение определения метакогнитивных способностей как фактора и механизма интеграции интеллекта и творчества;
- научное обоснование метакогнитивного критерия творчества;

– изучение динамики степени интеграции и дифференциации интеллекта и творчества студентов в зависимости от уровня развития у них метакогниций;

– расширение выборки исследования и дифференциация респондентов по критериям академической успеваемости, уровню развития творческих способностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов, А.В. Понятия метакогнитивных и интегральных процессов как концепты психологии саморегуляции / А.В. Карпов // Субъект и личность в психологии саморегуляции / под ред. В.В. Моросаповой. – М.: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007.
2. Кашапов, М.М. Творческое профессиональное мышление как метапознавательная характеристика преподавателя / М.М. Кашапов // Развитие психологии в системе комплексного человекознания / отв. ред.: А. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – Ч. 2. – 696 с.
3. Антипенко, О.Е. Формирование творческого мышления у одаренных детей: принцип Леонардо да Винчи Curiosity / О.Е. Антипенко // Образование личности. – 2012. – № 2. – С. 82–93.

УДК 159.9.072.432

Реализация адаптационного потенциала личности в условиях ограничения физических возможностей

С.Л. Богомаз, С.Ф. Пашкович

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются проблемы реализации личностного адаптационного потенциала людьми с ограниченными физическими возможностями.

Цель научного исследования – выявление условий успешной адаптации и разработка программы психологической адаптации для людей с ограниченными возможностями, направленной на преодоление негативных психических состояний путем ориентации их на использование конструктивных адаптационных механизмов и поиск возможностей реализации личностного потенциала.

Материал и методы. В исследовании был использован метод опроса на основании методик: «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амрихана в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского, измерения уровня невротизации Л.И. Вассермана, «Многофакторный личностный опросник FPI».

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ показал, что успешно преодолевают негативные психические состояния и реализуют личностный адаптационный потенциал в условиях ограниченных физических возможностей те, кто использует активные копинг-стратегии.

Заключение. В результате апробации программы психологической адаптации выявлено: переключение на использование активных копинг-стратегий способствует реализации личностного адаптационного потенциала в условиях ограниченных физических возможностей и тем самым помогает процессу психологической адаптации, что в итоге помогает приблизиться к ощущению состояния психологического комфорта и благополучия.

Ключевые слова: адаптационный потенциал, копинг-стратегии, психологическая адаптация, люди с ограниченными возможностями.

Implementation of Adaptation Potential of the Personality in the Conditions of Restriction of Physical Capacities

S.L. Bogomaz, S.F. Pashkovich

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

The article discusses the implementation issues of personal adaptation potential of people with disabilities.

The aim of the project is to identify conditions for successful adaptation and development program of psychological rehabilitation for people with disabilities, aimed at overcoming the negative mental states by their targeting at the use of constructive coping mechanisms and search of the opportunities for realization of personal potential.

Material and methods. *The study used the survey method with the use of the methods of The Indicator of Coping Strategies by D. Amirhan adapted by N.A. Sirota and V.M. Yaltonski, measuring the neurotic level by L.I. Wasserman, multi-factor personality questionnaire FPI.*

Findings and their discussion. *The study showed that those who use active coping strategies successfully overcome the negative mental state and implement personal adaptive capacity in the conditions of physical disabilities.*

Conclusion. *The results of the pilot program psychological adaptation show that switching to the use of active coping strategies contributes to the implementation of personal adaptive capacity in the conditions of physical disabilities, and thereby helps the process of psychological adaptation, which ultimately helps to get closer to the feeling state of psychological comfort and well-being.*

Key words: *adaptation potential, coping strategies, psychological adaptation, people with disabilities.*

В последние десятилетия в научной психологической литературе появилось большое количество зарубежных и отечественных исследований, посвященных изучению механизмов психологической адаптации, в частности, копинг-поведения и психологической защиты личности. За рубежом проблемами совладающего поведения занимались Дж. Амирхан, М. Арнольд, Р. Лазарус, Л. Мерфи, Л. Перлин, С. Фолькман, К. Шулер и др. В отечественной психологии проблема трудных и экстремальных жизненных ситуаций разрабатывается многими авторами, опирающимися на такие понятия, как переживание, копинг-стратегии, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями: это Ф.В. Бассин, Ф.Б. Березин, Ф.Е. Василюк, Л.И. Вассерман, С.В. Духновский, Ц.П. Короленко, М.Ш. Магомед-Эминов, С.К. Нартова-Бочавер, Л.А. Пергаменщик, Н.Н. Пуховский, М.М. Решетников, Н.В. Тарабрина, И.А. Фурманов, В.М. Ялтонский и др. В настоящее время активно ведутся исследования по определению наиболее важных копинг-ресурсов личности и их роли в формировании успешного совладающего со стрессом поведения. Все больше внимания уделяется изучению механизмов психологической адаптации личности во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в условиях, осложненных различными физическими дефектами, травмами и заболеваниями. Однако исследований, посвященных изучению особенностей адаптационных механизмов в условиях ограничения физических возможностей, возникающих вследствие травмы или заболевания опорно-двигательного аппарата, пока недостаточно. Практически не освещены во-

просы поиска психологических прогностических критериев протекания процесса адаптации, где сложные взаимодействия личностных переменных, адаптационных ресурсов и отношения с ближайшим окружением человека с ограниченными возможностями могут иметь определяющее значение. На сегодняшний день признана роль психологических факторов в лечении разнообразных соматических расстройств. Вместе с тем, отсутствуют однозначные причинно-следственные связи в сфере психосоматических и соматопсихических соотношений при различных формах патологии, поскольку они обусловлены интегрированностью функционирования человека и отражают неразрывное единство соматического и психического [1].

Также до сих пор остаются недостаточно изученными значение социально-психологических факторов, а также влияние психотравмирующих событий и ситуаций на личность, оценка переживаний личностью этих событий и ситуаций и способы переработки интрапсихического конфликта с помощью специфических проявлений психологических защит и совладания. Кроме того, мало изучены комплексное взаимодействие психологических защит и совладания в посттравматический период адаптации и их воздействие на реализацию личностного адаптационного потенциала. Тем более, что не все механизмы психологической защиты в рамках определенного контекста можно рассматривать однозначно как не конструктивные. В то же время нельзя утверждать, что механизмы совладания всегда конструктивны, уместны и им следует отдавать предпочтение во всех без исключения случаях.

Следует отметить, что ограничение свободы и самостоятельности, невозможность обходиться без посторонней помощи, возникающие вследствие ограничений в физической сфере вначале провоцируют негативные психические состояния, приводят к личностному кризису, а в дальнейшем могут привести и к психическим расстройствам. Но в то же время данные ограничения могут стимулировать использование личностного адаптационного потенциала, который в большинстве случаев остается нереализованным [2].

Цель статьи – выявление условий успешной психологической адаптации в ситуации ограничения физических возможностей и разработка программы психологической адаптации для людей с ограниченными физическими возможностями, направленной на преодоление негативных психических состояний путем ориентации их на использование конструктивных механизмов психологической адаптации и поиск возможностей реализации личностного потенциала с использованием активных копинг-стратегий.

Материал и методы. Объектом нашего исследования, проведенного на базе ГУ СО «Витебский областной территориальный центр социального обслуживания ветеранов и инвалидов», являлись 42 человека с ограниченными физическими возможностями вследствие травм и заболеваний опорно-двигательного аппарата различной степени тяжести.

В нашем исследовании мы использовали метод опроса с использованием методик: «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского, измерения уровня невротизации Л.И. Вассермана, «Многофакторный личностный опросник FPI (модифицированная форма В)». При помощи количественного и качественного анализа данных проводились обработка и интерпретация полученных результатов.

Результаты и их обсуждение. Проблема совладающего поведения людей с ограничениями в передвижении имеет свою специфику, которая заключается в том, что эти ограничения становятся непреодолимыми препятствиями в реализации жизненных целей, поскольку человек не видит возможности реализации своего личностного адаптационного потенциала и, как правило, использует пассивные копинг-стратегии. В ситуации ограничения физических возможностей, возникающих вследствие травмы или заболевания опорно-двигательного аппарата, очевидным решением является использование социальной поддержки. И на начальном этапе выбор данной стратегии во многих случаях оправдан, однако, постоянное применение ее в дальнейшем может провоцировать негативные психические со-

стояния, которые могут привести к психическим расстройствам. Помимо этого, к негативным результатам может привести и использование стратегий избегания – ведущих поведенческих стратегий при формировании дезадаптивного, псевдосовладающего поведения. Они направлены на преодоление или снижение дистресса человеком в данном случае в связи с недостаточностью развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблем. При этом они могут носить адекватный либо неадекватный характер в зависимости от конкретной стрессовой ситуации, возраста и состояния ресурсной системы личности – человек может использовать пассивные способы избегания, например, уход в болезнь или употребление алкоголя, наркотиков, может попытаться уйти от решения проблем радикальным способом, использовав такой активный способ избегания, как суицид. В то же время правильно выбранная активная стратегия с переоценкой и поиском всевозможных ресурсов в ситуации ограничения физических возможностей может не только способствовать восстановлению психологического равновесия, но и оказывать содействие в формировании гармоничной, зрелой личности, успешно реализующей заложенный в ней личностный адаптационный потенциал [2].

В современной отечественной психологии предпринимаются попытки целостного осмысления личностных характеристик, ответственных за успешную адаптацию и совладания с жизненными трудностями. Это и психологическое наполнение введенного Л.Н. Гумилевым понятия пассионарности представителями Санкт-Петербургской психологической школы, и понятие о личностном адаптационном потенциале, определяющем устойчивость человека к экстремальным факторам, предложенное А.Г. Маклаковым, и понятие о личностном потенциале, разрабатываемое Д.А. Леонтьевым на основе синтеза философских идей М.К. Мамардашвили, П. Тиллиха, Э. Фромма и В. Франкла [1]. Понятие о личностном адаптационном потенциале идет от концепции адаптации и оперирует традиционными для этой научной парадигмы терминами. А.Г. Маклаков считает способность к адаптации не только индивидуальным, но и личностным свойством человека. Адаптация рассматривается им не только как процесс, но и как свойство живой саморегулирующейся системы, состоящее в способности адаптироваться к изменяющимся внешним условиям. Адаптационные способности человека зависят от психологических особенностей личности. Именно эти особенности определяют возможности адекватного регулирования физиологических состояний.

Чем значительнее адаптационные способности, тем выше вероятность того, что организм человека сохранит нормальную работоспособность и высокую эффективность деятельности при воздействии психогенных факторов внешней среды. Адаптационные способности человека поддаются оценке через оценку уровня развития психологических характеристик, наиболее значимых для регуляции психической деятельности и самого процесса адаптации. Чем выше уровень развития этих характеристик, тем выше вероятность успешной адаптации человека и значительнее диапазон факторов внешней среды, к которым он может приспособиться. Данные психологические особенности человека составляют его личностный адаптационный потенциал, в который, согласно А.Г. Маклакову, включаются следующие характеристики: нервно-психическая устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; самооценка личности, являющаяся ядром саморегуляции и определяющая степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей; ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих; уровень конфликтности личности, опыт социального общения. Все перечисленные характеристики он считает значимыми при оценке и прогнозе успешности адаптации к трудным и экстремальным ситуациям, а также при оценке скорости восстановления психического равновесия [3].

Д.А. Леонтьев вводит понятие личностного потенциала как базовой индивидуальной характеристики, стержня личности. Личностный потенциал, согласно Д.А. Леонтьеву, является интегральной характеристикой уровня личностной зрелости, а главный феномен личностной зрелости и форма проявления личностного потенциала феномен самодетерминации личности. Личностный потенциал отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете – самой себя, а также меру прилагаемых ей усилий по работе над собой и над обстоятельствами своей жизни. Одна из специфических форм проявления личностного потенциала – проблематика преодоления личностью неблагоприятных условий ее развития. Эти неблагоприятные условия могут быть заданы генетическими особенностями, соматическими заболеваниями или внешними неблагоприятными условиями. Существуют заведомо неблагоприятные условия для формирования личности, они могут действительно роковым образом влиять на развитие, но их воздействие может быть преодолено, опосредовано, прямая связь разорвана за счет введения в эту систему факторов дополнительных измере-

ний, прежде всего самодетерминации на основе личностного потенциала [4].

Проведенное нами исследование с использованием методики «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского [5] и методики измерения уровня невротизации Л.И. Вассермана [6] показало, что успешно преодолевают негативные психические состояния и реализуют личностный адаптационный потенциал в условиях ограниченных физических возможностей те, кто использует активные копинг-стратегии, поскольку наличие сильной положительной корреляции, которая существует между выбранной пассивной стратегией «Избегание» и уровнем невротизации, стало свидетельством того, что использующие данную стратегию не могут успешно адаптироваться. В то же время значимая отрицательная корреляция, существующая между уровнем невротизации и активной стратегией «Решение проблемы», может свидетельствовать о том, что человек, использующий именно эту стратегию, добивается успеха в преодолении отрицательных психических состояний, реализации личностного адаптационного потенциала и в действительности достигает того уровня, который можно назвать успешной адаптацией [2].

По результатам исследования была разработана и реализована программа занятий с элементами социально-психологического тренинга «Цель, ресурсы, мотивация» на базе центра психологической помощи ВГУ имени П.М. Машерова. Анализ данных, полученных с помощью методики «Многофакторный личностный опросник FPI (модифицированная форма В)», методики измерения уровня невротизации Л.И. Вассермана, а также данные, полученные с помощью анкеты и в беседе с испытуемыми, позволяют говорить о том, что цель и задачи нашей программы психологической адаптации людей с ограниченными возможностями, возникшими вследствие травмы опорно-двигательного аппарата, были эффективно реализованы, поскольку произошли существенные изменения в самосознании испытуемых. Участники программы в процессе занятий смогли определить жизненные области, наиболее важные для себя – то есть те сферы, в которых они хотели бы и, что самое главное, могли бы добиться определенных успехов. Можно говорить о том, что испытуемые пришли к реальному осознанию своих ограниченных возможностей и в то же время поняли, что достижение целей зависит не от преобладающих обстоятельств, а от того, насколько они сами правильно выстроят стратегию по достижению целей с учетом имеющихся в их распоряжении ресурсов. Участники программы пришли к пониманию, что необходимо не только правильно

ставить и формулировать свои цели, но при этом жизненно важно очень четко определять наличие тех ресурсов, которые будут необходимы для достижения этих целей. Поскольку, в противном случае, если человек начинает реализацию каких-либо планов без опоры на соответствующие ресурсы, то его могут ожидать глубокое разочарование и еще большее сомнение в своих возможностях. Можно констатировать, что участники программы четко осознали истинные причины, мешающие в реализации их замыслов. Следует отметить, что данное осознание для людей с ограниченными физическими возможностями в большинстве случаев может быть очень болезненным, но в то же время является жизненно необходимым. Особенно для тех из них, которые хотят добиться конкретных и реальных результатов в улучшении качества своей жизни. Именно объективное осознание своих возможностей позволяет почувствовать реальную почву под ногами, от которой можно отталкиваться и идти вперед в своем личностном развитии, применяя все новые и новые ресурсы. Здесь необходимо акцентировать внимание на понятии «свой путь», поскольку многие из исследуемой нами категории всю свою жизнь стремятся подражать людям с обычными, если можно так выразиться, возможностями, и, как правило, это не приносит никаких положительных результатов. Опыт показывает, что успеха в любых сферах человек с ограниченными возможностями может добиться в том случае, если осознает свою собственную личностную уникальность и неповторимость, а также уникальность и неповторимость своего жизненного пути, и не будет строить свою жизнь, стараясь вписать ее в рамки общепринятых шаблонных представлений. В процессе работы с испытуемыми также был выявлен самый главный ресурс – время. Именно возможность самостоятельно распоряжаться своим временем в итоге дает возможность путем решения менее сложных задач достигать кажущихся на определенном этапе недостижимыми целей. Анализ данных, полученных с помощью методики «Многофакторный личностный опросник FPI (модифицированная форма В)», свидетельствует о положительной динамике изменений в структуре состояний и свойств личности, которые имеют первостепенное значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения. Низкий уровень невротизации, выявленный с помощью методики измерения уровня невротизации Л.И. Вассермана, может говорить об эмоциональной устойчивости и положительном фоне основных переживаний испытуемых. Данные показатели могут свидетельствовать об успешности

психологической адаптации испытуемых в условиях ограниченных физических возможностей.

Заключение. Таким образом, проведенные нами исследования и апробация программы психологической адаптации показали, что переключение на использование активных копинг-стратегий способствует преодолению негативных психических состояний, возникающих вследствие невозможности реализации личностного адаптационного потенциала в условиях ограниченных физических возможностей, и тем самым содействует процессу психологической адаптации человека в данных условиях, поскольку открытие путей реализации своей активности помогает ему избавиться от психологического дискомфорта, вызванного иллюзиями, уходом от решения реальных проблем и опорой на ложные ресурсы, что в итоге приближает его к ощущению состояния психологического комфорта и благополучия.

Научная новизна работы состоит в том, что в ходе исследования были обобщены данные о переживаниях людей с дефектами опорно-двигательного аппарата, разработана методика для изучения переживаний, которые играют важную роль в психологической адаптации человека с ограниченными возможностями, а также создана программа психологической адаптации для людей с врожденными или приобретенными в результате травмы или заболевания дефектами опорно-двигательного аппарата.

Практическая значимость исследования заключается в том, что программа психологической адаптации может быть использована психологами специализированных отделений социально-психологической адаптации в работе по оказанию психологической помощи людям с ограниченными физическими возможностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаева, Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни / Е.Р. Исаева. – СПб.: Издательство СПбГМУ, 2009. – 136 с.
2. Богомаз, С.Л. Использование копинг-стратегий в психологической адаптации людей с травмой опорно-двигательного аппарата / С.Л. Богомаз, С.Ф. Пашкович // Вестн. МГУ им. А.А. Кулешова. Сер. С, Психолого-педагогические науки. – 2012. – № 2. – С. 32–43.
3. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.
4. Леонтьев, Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д.А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – Вып. 1. – С. 56–65.
5. Ильин, Е.П. Психология индивидуальных различий / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2004. – 701 с.
6. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Д.Я. Райгородский. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1998. – 672 с.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: абзац – 1 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К статье нужно приложить экземпляр иллюстраций. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответство-

вать Международной системе единиц измерения (СИ).

12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия пересылается на адрес электронной почты университета (наука@vsu.by).

13. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;

- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

16. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Materials and Methods”;
- section “Results and Discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Materials and Methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Results and discussions**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14,000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows. Use the following format page: paragraph – 1 cm; field: top – 2,5 cm from the bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, on the right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations should be numbered in the order of citation in the text. It is necessary to attach a copy of illustrations to the article. Figure captions, diagrams and tables are printed single-spaced. The names of tables and figures should not be abbreviated.

11. The size of all variables used in the text should comply with the International System of Units (SI).

12. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

13. The article should be accompanied by the following materials:

– abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

– key words in the original language;

– name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

– the author's home address, phone number, e-mail address;

– recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

– expert opinion on the possibility of

publishing in the press.

14. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

15. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

16. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.